

Инесса Курьян

Inesa Kuryan

**Система причастий
в начальный период
формирования славянских
литературных языков**

System imiesłowów w początkowym
okresie kształtowania się słowiańskich
języków literackich

Recenzenci

dr hab. Jarosław Karzarnowicz, Uniwersytet w Białymstoku
prof. dr hab. Andrey Zaynuldinov, University of Barcelona

Projekt okładki

Joanna Niekraszewicz

Redaktor prowadząca

Iwona Morawska

© Copyright by Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi
Łódź 2025

Wydanie pierwsze

ISBN 978-83-7405-783-7 (e-book)

Skład DTP

Monika Poradecka

Druk i oprawa

Sowa – Druk na życzenie

Wydawnictwo Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi

90-212 Łódź, ul. Sterlinga 26

tel. 426 315 908

wydawnictwo@ahc.lodz.pl

www.wydawnictwo.ahc.lodz.pl

Оглавление

Przedmowa Wydawcy	5
Введение	9
Общая характеристика работы	11
Глава 1. Состояние системы причастий в славянских языках	23
1.1. Состояние старославянской системы причастий как исходной	23
1.2. Состояние системы причастий в современных славянских языках.....	24
1.3. Представление об исходной славянской системе причастий на основании современных данных	31
Глава 2. Вопрос о грамматической природе славянской системы причастий ...	37
2.1. Особенность причастия как грамматической категории.....	37
2.2. Атрибутивная природа причастия	38
2.3. Глагольная природа причастия	39
2.4. Формирование наречного значения в причастии.....	40
2.5. Синтаксическое переосмысление значений причастия в старославянском тексте.....	41
2.6. Значение причастия в составном именном сказуемом	43
Глава 3. Вопрос о развитии и соотношении двух активных причастий прошедшего времени	45
3.1. Общая картина развития двух форм действительных причастий прошедшего времени	45
3.2. <i>Participium praeteriti activi I</i>	46
3.2.1. Происхождение и формирование <i>participium praeteriti activi I</i>	46
3.2.2. Развитие <i>participium praeteriti activi I</i>	47
3.2.3. Случаи активизации употребления <i>participium praeteriti activi I</i> в славянских языках	55
3.2.4. Особые случаи употребления <i>participium praeteriti activi I</i> в говорах.....	60
3.3. <i>Participium praeteriti activi II</i>	62
3.3.1. Происхождение и формирование <i>participium praeteriti activi II</i>	62
3.3.2. Развитие <i>participium praeteriti activi II</i>	64
3.3.3. Атрибутивное и предикативное эловое причастие	65
3.3.4. Вопрос о грамматическом значении элового причастия	67
3.3.5. Перфект и составное именное сказуемое.....	71
3.3.6. Перфект и аорист.....	75
3.4. Функции и соотношение <i>participium praeteriti activi I</i> и <i>participium praeteriti activi II</i>	79
Глава 4. Надграмматические факторы формирования и развития славянской системы причастий	83
4.1. Роль контактов диалекта с языком высшей культуры	83
4.2. Система переводческой деятельности Кирилла и Мефодия.....	84

4.3. Авторитет Библии и создание “библейского стиля” в языке переводов.....	86
4.4. Единство церковнославянского языка на разноязычной территории	88
4.5. Факты взаимовлияния славянских библейских переводов и нормативных грамматических трудов	94
Глава 5. Языковая ситуация диглоссии и формирование славянской системы причастий	101
5.1. Старославянский язык и говор в понятии языкового дуализма или диглоссии ..	101
5.2. Развитие <i>participium praeteriti activi</i> в системе диглоссии.....	103
Глава 6. Орфографическая традиция и орфоэпическая норма в системе диглоссии	107
6.1. Мотивы наследования и нарушения графо-орфографической системы первичных текстов	107
6.2. Значение морфемного показателя <i>participium praeteriti activi</i> в соотношении знака и звука	109
6.3. Фонетическое качество <i>l</i> в современных славянских языках и их диалектах	110
6.4. Некоторые тенденции развития <i>l</i>	116
6.5. Вопрос о первом письменном свидетельстве произношения <i>*l</i> как [ɥ] или [w].....	119
Заключение.....	127
Список использованных источников	131
Приложения	143
Приложение 1	145
Приложение 2	147
Приложение 3	153
Приложение 4	171
Приложение 5	173
Приложение 6	175

PRZEDMOWA WYDAWCY

Praca badaczki z Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi, adiunkta uczelni, dr Inesy Kuryan przyciąga uwagę z kilku powodów.

Po pierwsze, z powodu powitania pani doktor w naszych szeregach oraz zaufania co do poziomu kultury naukowej naszej dawnej partnerki z Mińska Białoruskiego, sławistki i znanej polonistki, wykładowczyni uniwersyteckiej, akademickiej pracowniczki naukowej. Dr Inesa Kuryan była również założycielką i w ciągu prawie piętnastu lat kierowniczką centrum językoznawczego i kulturologicznego, prowadzącego w trudnych warunkach ościennego z nami kraju rozległą pracę polonistyczną. W 2019 roku dr Inesa Kuryan została uhonorowana nagrodą Rządu RP „Zasłużona dla Kultury Polskiej”.

Drugim powodem szczególnej uwagi dla niniejszej monografii są badania dawnego języka literackiego, nazywanego staro-cerkiewno-słowiańskim, które zawsze były ważne dla sławistycznego językoznawstwa historycznego. Od lat 90. XX wieku w ramach nowszych tendencji w językoznawstwie badania diachroniczne gramatyki języków słowiańskich zostały nieco zarzucone na korzyść synchronicznych, służących współczesności i celom komunikacyjnym. W wyniku tych zmian tematyka funkcjonalna w językoznawstwie na jakiś czas zdominowała wielkie szkoły teoretyczno-strukturalne. Materiał badania zwraca na to szczególną uwagę.

Okresem przełomu metodologicznego w lingwistyce są właśnie lata 90., publikacja tej pracy jest zatem cennym połączeniem procedur strukturalistycznych z podejściem funkcjonalnym w opisach historii języków literackich. Zdefiniowana już w latach 60. w Ameryce formuła dyglosji (bilingwizmu) wprowadza istnienie dwóch odmian funkcjonalnych tego samego języka w społeczności językowej: literackiej i gwarowej. Współistnienie i współdziałanie dwóch biegunów językowych niewątpliwie dotyczyło językowej tradycji słowiańskiej, od IX wieku opartej na chrześcijańskich (biblijnych) kanonach językowych o wymogach ścisłego kalkowania i niezmienności form. Równolegle rozwijał się żywioł słowiańskich języków „żywych”, których reguły zostały najpierw jednostkowo, a następnie lawinowo ujawnione w tekstach literackich po XVI wieku. Schemat dyglosyjny łamał utrwalony wtedy pogląd na genezę i rozwój języków słowiańskich w linii prostej, od prajęzyka w postaci dialektalnej, przez staro-cerkiewno-słowiański język literacki jako wynik fiksacji dawnych gwar, do stanu współczesnego.

Należy tu podkreślić, że amerykańskie poglądy socjolingwistyczne Charlesa Fergusona (1921–1998) o dyglosji mogły być zastosowane w sławistyce

wschodnioeuropejskiej dopiero w latach 90. XX wieku, w okresie nowej „odwilży”, czyli po zburzeniu murów sowieckich, dopiero teraz w kontekście badań slawistów zachodnioeuropejskich. Właśnie dlatego praca ta charakteryzuje się niezmienną aktualnością, bo jest wyjątkowym dowodem osiągnięć lingwistyki historycznej na szczycie rozwoju teoretycznego w ujęciu strukturalistycznym, połączonych z najnowszymi poglądami o charakterze funkcjonalnym. Napisana na fali tendencji naukowych końca XX wieku, pozostaje ona ciekawa i odważna, z silną obecnością językoznawczych ośrodków postsowieckich tego okresu, słynących ze swoich świeżych idei w badaniach slawistycznych, ale również z propozycji nowych i fundamentalnych hipotez. Te wartości dostrzeżemy w monografii.

Trzymamy w rękach pracę wolną od dominacji postulatów sowieckich lub rosyjskich w slawistyce, co w większym stopniu niż dawniej zdradzają czasy obecne. Niestety, wolnościowa epoka lat 90. szybko minęła, odbijając się na współczesnych trendach naukowych. Obecnie poszerzyły się badania kultury religijnej „regionu słowiańskiego”, poszukiwania „treści sakralnych” w dawnych literackich językach słowiańskich. Z tej przyczyny badania slawistyczne są zagłębione w biblistyce, dodając większego znaczenia językom liturgii tzw. obszaru greko-słowiańskiego lub łacino-słowiańskiego. Slawistyka ostatnio łączy się z przedstawicielami konfesji prawosławnej, sprzyjającymi poszukiwaniu świadomości narodowej w językach liturgicznych, mających z zasady kosmopolityczny charakter chrześcijański.

Impuls poznawczy niniejszej monografii wykazuje przynależność do progresywnych nastrojów końca XX wieku w Europie Środkowej, kiedy nawet idee naukowe zaczęły zmierzać w kierunku wspólnej wiedzy bez upolitycznionej hierarchii. Monografia opiera się na teoriach „słowiańskich europeistów”, którzy właśnie wtedy krytycznie stawiali pytania o samodzielność przekładów na języki słowiańskie, ich strukturalne uzależnienie od systemów fonetycznych, gramatycznych i składniowych języków prestiżowych, wpływających na ogólnosłowiańskie podobieństwo form.

Właśnie „europejskością” cechują się badania znakomitych rosyjskich naukowców tego okresu, których nie mogą ominąć badania slawistyczne. Zjawiskami typologicznymi na poziomie gramatycznym, zastosowaniem teorii dyglosji na materiale cerkiewnosłowiańskim zajmował się moskiewski profesor Borys Uspienski (ur. w 1937 roku), który w okresie „pierestrojki” zaczął pracować jako wybitny specjalista w kilku uniwersytetach europejskich i amerykańskich, uzupełniając i modernizując własne koncepcje językoznawcze. Jego prace wpływały na wypracowanie sposobów rekonstrukcji elementów „żywych” w pradawnych tekstach w celu odróżnienia od elementów „importowanych” z pomników literackich – mimo konfrontacji dwóch światów językowych. Nowatorskim poszukiwaniom wspólnego „starożytnosłowiańskiego” ję-

zyka literackiego poświęcił się akademik, profesor Nikita Tołstoj (1923–1996), urodzony w Jugosławii, twórca „piramidy gatunków językowych”, inicjator sławistycznych badań etnolingwistycznych, badacz tradycyjnej kultury świata Słowiańszczyzny oraz priorytetów kulturowych jej języków literackich. Tołstoj wraz z żoną sprzyjał bliskim relacjom i rozwojowi polskiej szkoły etnolingwistyki na UMCS profesora Jerzego Bartmińskiego (1939–2022). W niniejszej pracy autorka cytuje innych wybitnych polskich sławistów, biblistów, dialektologów: Jana Baudouina de Courtenay, Aleksandra Brücknera, Jana Łosia, Kazimierza Nitscha, Tadeusza Lehr-Spławińskiego, Jerzego Kuryłowicza, Witolda Taszyckiego, Przemysława Zwolińskiego, Kazimierza Polańskiego, Leszka Moszyńskiego, Krystynę Długosz-Kurczabową, Ewę Siatkowską, Elżbietę Smułkową, Stanisława Dubisza, Tadeusza Lewaszkiewicza i innych.

Autorka we *Wstępie* do publikacji swojej pracy doktorskiej wdzięcznie wprowadza nazwiska i opinie o jej badaniu w dziedzinie historii języków słowiańskich najbliższych badaczce nauczycieli i krytyków, uczonych światowej klasy, zajmujących się sławistyką historyczno-porównawczą w kręgu międzynarodowym. Nie są te postacie obce sławistom polskim – profesorowie Adam Suprun (1928–1999) oraz Wiktor Martynow (1924–2013), obaj pochodzący z Ukrainy, pracujący w Białorusi, szeroko znani poza jej granicami.

Ważnym osiągnięciem tej pracy jest analiza danych gramatycznych i składniowych wszystkich języków słowiańskich, łącznie z podaniem przykładów z „umarłego” połabskiego lub posiadającego cenne archaiczne przykłady języka kaszubskiego. Tak wszechobejmujące podejście w odpowiedzi na postawione pytanie gramatyki historycznej – jakim systemem imiesłowowym posługujemy się w spokrewnionych językach słowiańskich, co w tym systemie jest dziedzictwem „żywych” elementów językowych, a co jest strukturą sztuczną, przekazywaną na płaszczyźnie języków biblijnych, budujących fundament pod współczesne języki literackie w grupie słowiańskiej.

Z jednej strony monografia dr Inesy Kuryan jest idealnym wzorem powrotu do ważnej historycznej metodologii badawczej w sławistyce, która jest niezbędna do badań nad historią wszystkich literackich języków słowiańskich. Jednocześnie rozprawa jest przykładem progresywnej sławistyki u progu XXI wieku, zakładającej historię słowianoznawstwa europejskiego, w pewnym sensie od nowa zaczynającej gromadzenie wiedzy w tej dziedzinie.

Monografia prezentuje także śmiałą hipotezę o rozwoju gramatyki starożytnych języków słowiańskich. Wyniki pokazują, jak te badania są ważne i aktualne dla formowania nowego poglądu na historię i kulturę środkowoeuropejskich i południowych krajów słowiańskich nieuzależnionych od patronatu rosyjskiego.

Misja obiektywnej interpretacji słowiańskiego dziedzictwa pisemnego jest trzecim powodem przychylności dla tej publikacji. Służy to lepszemu rozumieniu ewolucji procesów rozwojowych sąsiadujących i spokrewnionych języków.

Przed nami poważne badanie skłaniające do poważnego czytania, w którym autorka formułuje założenie dotyczące zmian w słowiańskim systemie imiesłowów, weryfikuje go za pomocą aktualnych metod badawczych i dochodzi do wysokiego prawdopodobieństwa wysuniętego twierdzenia w oparciu o liczne źródła, językowe dane historyczne i dialektologiczne. Autorka przyznaje się, że ukazaniu się jej monografii sprzyjała chęć powrotu do „starej szkoły” badawczej w odpowiedzi na stan współczesnych badań gramatycznych w slawistyce, które zawierają tyle sprzeczności, jak gdyby nie istniały odkrycia końca XX stulecia. Współczesne badania historii języków słowiańskich często powracają do dawnych schematów z wyborem jednego języka protosłowiańskiego jako wspólnego przodka wszystkich języków słowiańskich, co wpływa na różnice i podobieństwa wszystkich dialektów tej grupy językowej bez względu na „sztuczne” pochodzenie tych języków, czemu proponowana monografia częściowo zaprzecza.

Dyskusję – już na poziomie terminologii i budowania teorii języka literackiego na podstawie dialektów ludowych – wśród najnowszych prac slawistycznych wywołałaby na przykład monografia dr Jekatieriny Smirnowej *Ewangelia Wasyla Ciapińskiego. W stronę rekonstrukcji systemu czasowników „prostej mowy”* z Instytutu Słowianoznawstwa RAN (oryginał w języku rosyjskim: Смирнова Е.А., *Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы»*, Москва 2024), w szczególności kwestia „polskiego wpływu” na formy czasownikowe słowiańskiego pomnika XVI wieku. Doktor Smirnowa omawia nie tylko językoznawcze, lecz także polityczne czynniki w badaniu „prostej mowy”, z większością których nie zgodziłaby się dr Inesa Kuryan.

Powrotom do tematyki slawistycznej dla Inesy Kuryan posłużyła również monografia profesora Romana Szula *Język, naród, państwo: język jako zjawisko polityczne* (PWN, Warszawa 2009). Badacz wprowadza do obiegu najnowsze zagadnienia polityczno-językowe, analizując relacje między językiem, narodem a państwem w kontekście politycznym i perspektywie formowania języków narodowych. Omówienie języka starosłowiańskiego jako narzędzia w procesach politycznych, opracowanie tematyki slawistycznej w ramach językoznawstwa politycznego stanowi punkt odniesienia dla dalszych badań slawistycznych autorki. Już w swojej pierwszej monografii autorka łączy elementy badania gramatycznego z socjolingwistycznym.

Podsumowaniem pracy są tabele i wybór przykładów z tekstów źródłowych. Książkę polecamy studentom slawistyki oraz wszystkim zainteresowanym historią słowiańskich języków literackich, a także najstarszym językiem literackim Słowian.

Dr Wiesław Przybyła
Rektor Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi

ВВЕДЕНИЕ

История славянской системы причастий – тема давно и глубоко изучаемая на различных уровнях. Однако, множество собранных научных фактов не снимает множества противоречий. В начале XXI в. увлеченность функциональными и прикладными исследованиями в языкознании с подавляющим переносом научного подхода в синхронную плоскость, кажется, отодвинула диахронию на задний план, что приводит к еще большим искажениям в трактовке истории столь интересного и сложного языкового материала.

В связи с этим хочется вернуться на пару десятков лет назад и обратить внимание на наработки известных лингвистических школ, которые последовательно проводили именно сравнительно-исторические исследования системы причастий в группе славянских языков, что должно быть научной опорой для выводов в современных языковых практиках и позволит избежать нагромождения произвольных толкований и новых подменных моделей отглагольных образований, например, в глоттодидактике.

Данное диссертационное лингвистическое исследование как раз этому послужит. Оно проводилось в конце 90-х гг. XX ст. в столице Беларуси, Минске, в Белорусском государственном университете, на кафедре теоретического и славянского языкознания, и сложность поднятой проблемы позволяет судить об уровне знаний и амбиций ученых этой кафедры, её международном исследовательском кругозоре и верности высокой науке. Руководителем названной кафедры и данной работы был замечательный ученый, известный индоевропеист и славист, дважды доктор наук, непрекаемый авторитет среди своих учеников профессор Адам Ростислав Евгеньевич Супрун-Белевич (1929–1999) – как можно заметить, тут само имя звучит весьма благородно. Оппонировал исследованию компаративист и славист с почетным международным научным титулом «человек века» – Виктор Владимирович Мартынов (1924–2013), представитель украинской, польской и белорусской лингвистики, в 1960 г. переехавший в Минск и работавший в Национальной Академии наук Беларуси. Не только проблемы прародины европейских народов интересовали столь весомого ученого – его уже тогда увлекало синтезирование языковых знаний для нужд искусственного интеллекта, и в 1993 г. Кембридж признал работы профессора Мартынова над «универсальным семантическим кодом» значительным научным достижением XX в., – это имя хорошо известно современным

программистам. Безусловно, такие именитые ученые-лингвисты, каковыми являлись А.Е. Супрун и В.В. Мартынов, как и высказанная ими оценка публикуемого исследования славянской системы причастий, делают честь автору монографии (см. П.6.).

Со временем сложилось впечатление, что лингвистика стала наукой менее «идейной», помчалась вперед, не оглядываясь назад, глоттодидактика стала преобладать над глоттогенезом, на переломе веков ушли в вечность последовательные преемники самых ранних лингвистических школ, продолжатели лингвистической мысли лейпцигских младограмматиков, и наступила эпоха новых лингвистических дисциплин с уклоном в социум и междисциплинарность.

Тут же представлен компаративный и эволюционный анализ в рамках славистики, исследование стадий развития системы причастий в сопоставлении с другими языками и в процессе развития литературных славянских языков. Спустя двадцать лет актуальность работы сохранилась в силу снижения частоты подобных фундаментально-теоретических работ славистического направления.

В Приложении 6. автор монографии с ученической благодарностью добавляет тексты рецензий А.Е. Супруна и В.В. Мартынова на данную диссертацию. Сегодня они представляют особую ценность даже в том, что писались от руки и уже являются уникальными автографами известных лингвистов, при этом, представленные отзывы отражают содержание научных лингвистических дискуссий в первое десятилетие независимой Беларуси.

В *Общей характеристике работы* автор также сочла необходимым кратко представить главные положения более позднего материала, чем данное диссертационное исследование, но вытекающее из него и касающееся применения сформулированных в работе положений к новому сигматическому аористу. Доклад о природе нового сигматического аориста готовился последними диссертантами профессора А.Е. Супруна к Международному съезду славистов в Любляне в 2003 г. и был посвящен памяти дорогого учителя, ведь данная тема была предметом живого научного спора с Адамом Евгеньевичем после защиты диссертации о славянской системе причастий в 1999 г., когда автор данной монографии дала обещание своему руководителю, что исследование о новом сигматическом аористе станет логическим продолжением тезисов диссертации о славянских причастиях.

В остальном текст ныне публикуемой в качестве монографии научной работы не был изменен с 1999 г., сохранена его первичная целостность, хоть, безусловно, некоторые моменты сегодня требовали бы актуализации.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Система причастий – один из специфических разделов грамматики славянских языков. Во многих аспектах эта система остаётся привлекательной для исследований и обуславливает много спорных позиций. В центре внимания находятся вопросы, вытекающие из видимой нестройности данной системы.

В их числе:

- 1) *Является ли славянская система причастий собственно славянской?*
- 2) *Как соотносится славянская текстовая система причастий и славянская разговорная система причастий?*
- 3) *В чём причины явно присутствующих различий в книжной и разговорной традиции употребления причастий в славянских языках?*
- 4) *Каково отражение старославянской системы причастий в грамматиках отдельных славянских языков?*
- 5) *Каковы причины активных изменений в системе причастий на волне формирования отдельных славянских литературных языков во временных пределах XVI–XVIII вв.?*

Любое сравнительно-историческое исследование системы причастий в славянских языках неизбежно затрагивает материалы старославянской грамматики. Здесь мы нередко сталкиваемся с традиционным мнением, из которого следует, что старославянский язык – это фиксация состояния славянских наречий, очень близкого к “общеславянскому”. Отсюда формируется положение, что более поздние памятники славянских языков не просто отражают языковые процессы живого языка, а отражают хронологию фонетических, грамматических изменений по отношению к языковым фактам, зафиксированным в первичных текстах X–XI вв. В том числе, изменения в системе причастий воспринимаются как последовательные изменения именно старославянской системы причастий, а последняя, в свою очередь, становится хронологическим наследием праславянской системы форм.

Известный чешский славист проф. Радослав Вечерка отмечал [38: 164–165], что система старославянских причастий сходна с другими славянскими языками, но необходимо учитывать специфику формирования этой системы в старославянском языке, ведь “роль праобраза” для её

образования и распространения сыграл греческий образец. “В результате влияния греческого, общая картина употребления причастий в старославянском в самом деле типична для него самого и отличается от всех других древних славянских языков” [38: 165]. Из общих выводов Р. Вечерки при этом следует, что причастно-деепричастные обороты нельзя вывести только из греческого языка и считать чистыми греческими кальками. К этим же выводам приходит еще один всемирно известный славист Рудольф Ружичка [186], видя в старославянских причастно-деепричастных оборотах именно славянскую внутриязыковую закономерность, что и обуславливает впоследствии сходство старославянской и других причастных систем. Он пытается привести к славянским корням в т.ч. и те конструкции с причастиями, которые Вечерка определяет как типичные греческие кальки [185: 183]. В исследованиях Р. Ружички также можно встретить понятие “адаптация” греческих правил грамматики в славянском (старославянском) материале [187: 82].

В рассуждениях исследователей прослеживается мысль, что старославянская система причастий формировалась под сильным влиянием сложившихся в других языках литературно-письменных традиций, тогда как отдельные славянские языки и их грамматические системы больше были подвержены влияниям живых говоров, что сказывается на очевидных различиях сравниваемых причастных систем.

Многочленная старославянская система причастий, возможно, была искусственно достроена по греческим образцам, но на живом славянском языковом материале. В том виде, в котором эта система была представлена и изменялась в старославянских текстах, в народных говорах она, наверняка, не употреблялась.

Греческий язык “несомненно умножил <...> частоту употребления субстантивированных и атрибутивных причастий, причастий после фазовых глаголов и деепричастных причастий” [38: 165], но только в языке книжном, в языке старославянских переводов. Диалектный языковой материал при этом остался свободен от намеренной отделки и приспособления к более высоким коммуникативным требованиям.

Правомерно считать, что системы причастий современных славянских языков восходят не к одной, а к двум системам: старославянской и праславянской. Активные процессы “ломки стиля”, представленные в письменных текстах XVI–XVIII вв. (для некоторых славянских литературных языков уже в XIII–XIV вв.), проявление причастий в новых морфологических формах и функциях обозначают не резкое уплотнение языковых изменений, имеющих одно начало, а стилистическое смешение двух параллельно существовавших систем. Современные славянские языки представляют в системе причастий смешение праславянского и старославянского,

а отсюда – национального и интернационального, подлинного (“живого”) и искусственно смоделированного в языке.

Сегодня в славянских языках трудно отделить явления, связанные с переводом на старославянский язык и влиянием этого языка на все славянские литературные языки, от живых языковых явлений.

Очевидно одно: в современных славянских языках причастия перестали быть столь системным грамматическим явлением, как это представлено в старославянском языке.

Развитая и многофункциональная система причастий – наиболее характерная грамматическая и синтаксическая особенность старославянского языка.

В ней выделяются причастия, которые стоят в оппозиции по залогу (действительный и страдательный) и по времени (настоящее и прошедшее время). В результате выявляются залогово-временные пары: активное причастие настоящего времени на **-nt-* и пассивное причастие настоящего времени на **-m-*, а также: активное причастие прошедшего времени на **-ŷs-* и пассивное причастие прошедшего времени на **-t-*; **-n-*.

Присутствует также ещё одна грамматическая оппозиция: предикативность и непредикативность причастий. Это значит, что в старославянской грамматике любой вид причастий мог выступать в функции сказуемого (в составе именного сказуемого), в функции определения и, в том числе, после субстантивизации – в функции подлежащего или дополнения. Но наиболее ярко такое противопоставление выражали оба действительных и страдательное причастия прошедшего времени.

Можно также отметить, что причастия настоящего и прошедшего времени противопоставлены по словообразовательной основе: для причастий настоящего времени является исходной основа настоящего времени, для причастий прошедшего времени – основа инфинитива.

Однако выше представленная гармония бинарных оппозиций нарушена присутствием в старославянской грамматике т.н. *participium praeteriti activi II* – особого пятого причастия, называемого “эловым” по морфемному признаку *-l-* или “перфектным”, что исходит от его использования, в частности, в старославянских конструкциях перфекта, плюсквамперфекта и преждебудущего времени (перфекта в будущем).

Несмотря на своё особое предназначение эловое причастие имеет самые обычные грамматические характеристики и, аналогично причастию на **-ŷs-*, тоже является причастием прошедшего времени действительного залога и образовано от основы инфинитива. Но ни залоговой, ни временной пары в старославянской системе причастий *l-participium* не имеет. Единственная оппозиция, которую можно выявить для элового причастия – функциональная. Старославянская грамматика относит эловое

причастие в состав сказуемого и определяет для него предикативную функцию как единственно возможную. Ему функционально противопоставлено *participium praeteriti activi I*, с характерными старославянскими суффиксами *-ъ-*, *-ъш-*, *-въ-*, *-въш-*, для которого оговаривается специфическая атрибутивная функция или развивающаяся со временем адвербиальная.

Развитие славянских языков на ряде примеров показывает, что две формы причастий прошедшего времени действительного залога проявляют себя в разнообразных, при этом совпадающих синтаксических функциях. В частности, эловое причастие, противопоставленное всей старославянской системе причастий и имеющее не самое частотное употребление в старославянских текстах, неожиданно начинает занимать в грамматических системах славянских языков центральное место. Употребление данного причастия в роли предикативного определения развивается в чисто глагольную функцию во многих славянских языках. Но при этом наблюдается своего рода параллельное развитие *l-participium* как атрибутивного определения, что для старославянских текстов было почти абсолютно не характерно. Наряду с изменениями в употреблении *l-participium* другая форма действительного причастия прошедшего времени меняет свои функции из атрибутивных в адвербиальные, словно уступая определительную функцию эловому причастию. В то же время в ряде славянских говоров отмечается параллельное употребление *l-participium* и *ŷs-participium* в предикативной функции при разграничении семантики результата действия и состояния субъекта, что подчёркивает близость форм двух причастий.

Интересные совпадения отмечены не только в функциональном, но и в фонетическом качестве морфологических показателей причастий прошедшего времени действительного залога: как элемент *-l-* в эловом причастии, так и элемент *-v-* в причастии на **-ŷs-*, не везде однородны, и их фонетические варианты нередко максимально близки по артикуляции. Можно встретить мнение [30: 237], что именно функциональное сходство двух форм причастий прошедшего времени привело к смешению их морфологических показателей, и, соответственно, эловое причастие приобрело лабиальный показатель под влиянием причастия на **-ŷs-*. Мы находим такому смешению прямо противоположные объяснения.

Мы также полагаем, что на основании собранных в нашем исследовании фактов совпадений функций и форм причастий прошедшего времени действительного залога можно поставить вопрос о правомерности разделения указанных причастий на два вида, об искусственной грамматикализации исследуемых языковых форм.

Грамматикализация некоторых форм причастий могла строиться на калькировании моделей культурного диалекта либо на использовании

языкового потенциала народной речи, в системе которой формировался литературный язык и его грамматика.

В деятельности Кирилла и Мефодия было неизбежно знакомство с различными диалектами славянской речи и с инодиалектными вариантами одной и той же славянской грамматической категории. Литературный язык, который нормировали “солунские братья”, по принципу формирования всех литературных языков должен был противопоставить нефункциональному разнообразию форм их функциональное размежевание, а следовательно, – усложнение системы языковых единиц. Диалектная синонимика многообразных “оболочек”, функциональная тождественность нескольких единиц – “уродливость и исключение для литературного языка” [78: 55]. Дизъюнкция функционально не различающихся грамматических единиц, имеющих разную диалектную или позиционную фонетическую форму – процесс полностью соответствующий категории действительного причастия прошедшего времени. Литературный язык Кирилла и Мефодия, таким образом, в сфере *participium praeteriti activi* мог создать наддиалектные формы, размежевав их функционально и закрепив за ними разные орфографические нормы.

При дальнейшем формировании и развитии системы причастий в славянских литературных языках можно отметить явление стилистической преемственности, нормирование грамматик литературных языков по первообразцу, преобразование грамматической формы по принципу её унификации.

Процессы формирования славянских литературных языков, а в них конкретно системы причастий, неизбежно касаются теории языковых контактов, тем более, когда для всего “славянства” было представлено единое, международное средство литературного общения – старославянский язык. На этом основании можно объяснить многие причины сходства славянских языковых систем, в частности, причину сходства в развитии славянской системы причастий.

В свете теории языковых контактов мы выделили несколько надграмматических факторов, оказывавших влияние на формирующиеся славянские литературные языки, на их грамматическую систему, а следовательно, – на систему причастий, которая является прямым объектом нашего исследования.

В числе этих факторов:

- 1) фактор образованности переводчиков и копиистов;
- 2) фактор преобладания литературной языковой основы над диалектной;
- 3) фактор языкового авторитета переводимого библейского текста;
- 4) фактор преемственности “библейского стиля”;
- 5) фактор наддиалектного развития “библейского стиля”;

- 6) фактор “братственности” славянских народов;
- 7) фактор старейшей языковой традиции;
- 8) фактор чужой языковой среды.

Итак, в нашем исследовании будут поставлены вопросы о славянской принадлежности системы причастий, а гипотезы к поставленным вопросам будут представлены на фоне формирования старославянского и литературных славянских языков, к чисто языковедческим аспектам будет добавлен культурологический.

Научная проблематика и актуальность темы исследования

В качестве научной проблематики автора прежде всего привлекло состояние неравновесия системы причастий, которую восстанавливают как исходную для славянских языков на материале старославянских текстов. Это неравновесие ярко выражено в наличии двух форм *participium praeteriti activi*.

В работе проводятся сравнительные диахронические исследования славянской системы причастий, отдельно прослеживающие эволюцию действительного причастия прошедшего времени. На ряде примеров рассматривается не только развитие грамматического значения *participium praeteriti activi* и вариантность его функций, но также исследуется развитие формообразующих элементов данного причастия и их фонетические изменения.

Мы придерживаемся общетеоретических положений по данному вопросу, опираясь на труды ведущих языковедов-славистов, таких как Ф. Миклошич, Н.С. Трубецкой, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Т. Лер-Сплавинский, А. Брюкнер, Я. Лось, Р. Нахтигал, Е.Ф. Карский, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский и др. В работе представлены обоснования по исследуемой теме учёных, посвятивших ей монографии – Р. Вечерки, Е. Куриловича, Р. Ружички, Т. Ташицкого, Ф. Копечного, А.И. Генсюрского, М. Орожен, С. Стойкова, М. Есеншека. При этом исследователь старается высказать своё мнение в тех позициях, которые представляются устаревшими, мало обоснованными или спорными.

Цели и методы исследования

Цель нашего исследования – изучая грамматическую природу причастия, прослеживая его развитие в группе славянских языков – представить свой

вариант ответа на те вопросы, которые остаются актуальными и дискуссионными в данной лингвистической сфере.

Поскольку славянская система причастий и конкретно формы *participium praeteriti activi* вызывали интерес и были описаны или упомянуты исследователями грамматики различных славянских языков, в основу нашего филологического метода мы положили сопоставление данных из уже имеющихся исследований, в некоторых случаях добавляя их своими материалами.

Для реконструкции славянской системы причастий нами использовались знания о состоянии и развитии сходных грамматических систем во всех славянских языках, а также приводились в качестве примера смежные формы, представленные в неславянских языках и.-е. языковой семьи, например, армянском или литовском.

Можно отметить, что исследование опиралось на несколько методологических тезисов, в числе которых:

- 1) *изменения в грамматической природе причастий и их стилистике вскрываются при сравнении фактов литературного языка и диалекта, а также при сравнении фактов отдельных славянских языков;*
- 2) *если в литературном языке возникло новое средство выражения, то старое в живом языке обычно не отмирает;*
- 3) *синтаксис устного языка “во многом ближе к предполагаемому доисторическому состоянию, нежели синтаксис древних литературных памятников” [5: 7];*
- 4) *языковые факты, проявленные на периферии языковых зон будут представлять форму хронологически старшую, более архаичную в эволюции языкового явления;*
- 5) *архаичность можно усматривать в формах нерегулярных, представляющих собой исключение из правила и др.*

В нашем исследовании мы хотели бы обосновать некоторую искусственность старославянской и в целом славянской системы причастий на примере форм причастий прошедшего времени действительного залога. При этом особое внимание мы уделяли фактическому материалу первых грамматик и трактатов отдельных славянских языков и первичным переводным текстам литературных славянских языков. Был также привлечен диалектный языковой материал.

Такая подборка данных для обоснования своих предположений обусловлена нашей базовой позицией, представленной к защите: славянская система причастий имела с одной стороны литературную, а с другой – диалектную интерпретацию. Следовательно, всякий книжный материал мы должны примерять к диалектному, а диалектный рассматривать на фоне формирования литературных языков.

Первичные переводные тексты отдельных славянских языков и первые славянские грамматики особенно ценны тем, что они представляют парадокс пересечения языковых систем, которые до этого развивались параллельно. Поэтому нам нужно было не только изучить традиции старославянской грамматической системы, но и привлечь говоры, где язык развивался естественным путём и фактически до XVIII в. был отстранен от искусственного теоретизирования.

С одной стороны, направление наших обоснований идёт от древности к современности, с другой стороны, именно живые факты современных славянских языков могут нам расшифровать языковые процессы древности. Мы сталкиваемся с явлением, когда книжность старославянского языка не устарела в языковом материале славянских литератур, и современные диалекты не утратили своей архаичности.

Научная новизна работы

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в рамках одной работы представлен и проанализирован в фонетическом, морфологическом, функциональном и культурологическом аспектах материал по системе причастий всех славянских языков в историческом развитии и современном состоянии. Диссертация впервые в качестве научной гипотезы выдвигает положение об искусственной грамматикализации двух форм действительных причастий прошедшего времени в грамматике старославянского языка. В качестве доказательства используются примеры фонетического и функционального тождества данных форм в “живых” языковых проявлениях, а также сам факт “разрушения” старославянской системы причастий, исчезновения из употребления тех форм, которые могли быть навязаны силой литературной традиции.

Теоретическая значимость диссертации

Диссертация в качестве гипотезы вносит принципиально новые теоретические положения в грамматику старославянского языка и исторические грамматики славянских языков по разделу формирования системы причастий. Диссертант таким образом предполагает разрешить некоторые спорные вопросы, которые не находят ответа при всей длительности и разноплановости изучения в славистике данного грамматического раздела. Работа, прежде всего, предлагает пути разрешения спорных вопросов в славянской грамматике причастий, представляя нетрадиционную схему возможных дальнейших исследований.

Практическая значимость диссертации

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что его теоретические положения и фактический материал могут быть использованы при изучении исторической грамматики отдельных славянских языков, а также в практике вузовского преподавания, в частности, при чтении лекций по старославянскому языку. Некоторые данные могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Славянская система причастий восходит к двум языковым системам: старославянской и праславянской. Старославянская система причастий, сформированная на литературных традициях, частично вобрала в себя систему причастий, восходящую к праславянской. Пересечение этих систем происходило как в период интерпретации славянского диалектного материала первыми переводчиками, так и в период интерпретации старославянской письменной традиции носителями различных славянских языков.
2. Праславянская система причастий в результате литературной обработки приобрела новые формы и новые функции – в том числе к новообразованиям можно отнести раздвоение формы *participium praeteriti activi* (I и II).
3. Фонетическая и морфологическая синонимика *participium praeteriti activi* в славянских диалектах по нормам литературного языка могла быть заменена функциональным размежеванием вариантных единиц и их различным орфографическим оформлением.
4. Изменения в славянской системе причастий были обусловлены силой или послаблением консервативной литературной традиции.
5. Совпадение форм и функций в системах причастий современных славянских языков – в том числе форм *participium praeteriti activi* – могут быть обусловлены не “праславянским” единством, а именно авторитетом, консервативностью и распространенностью общеславянской литературной традиции.

Апробация и опубликованность теоретических положений диссертации

Основные положения диссертации были апробированы в докладах конференций, сообщениях на научных семинарах:

- IV научная конференция по болгаристике. Доклад “Система старославянского перфекта в сравнении с другими языками” (Минск, 14.05.1992).
- Лингвистический семинар кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ. Сообщение “Метод “пряязычия” в системе преподавания славянских языков” (Минск, март 1993);
- Научная конференция “Актуальные проблемы славянской филологии”. Секция “Изучение грамматической системы и методика преподавания славянских языков”. Доклад “Теоретические и дидактические принципы курса современного славянского языка”. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 16–17.11.1993);
- Научная стажировка на тему диссертации под руководством проф. Мартини Орожен в Университете в Любляне по программе Министерства культуры и спорта Республики Словения (01.11.–31.12. 1995), участие в лингвистических семинарах университета в данный период;
- XXXII Семинар словенского языка, литературы и культуры. Сообщение в научном семинаре проф. Бреды Погорелец “Slovanski vplivi na oblikovanje slovenskega knjižnega jezika od 16. do 20. stoletja”. (Словения, Люблянский университет, 2–6.07.1996);
- Simpozij *Obdobja 17* “Vatroslav Oblak”. Пленарный доклад “Тезис Облака о языковом дуализме и вопрос о первом письменном свидетельстве произношения славянского твёрдого *l* как *u*”. (Словения, Люблянский университет, 12–13.12.1996);
- IV международная научная конференция “Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства”. Доклад “Развитие и генетическая связь причастий на -*ŝ* и -*l* в польских, белорусских и русских примерах” (Витебск, Витебский государственный университет, 22–24.04.1997);
- Варшавская международная школа гуманитарных наук. Сообщения в научных семинарах проф. Януша Ригера и проф. Ельжбеты Смулковой “Języki mniejszości” и “Polsko-białorusko-litewskie pogranicze etnokulturowe”. (Варшава, Варшавский Университет, апрель 1998).

А также представлены в следующих научных публикациях:

1. Курьян И.В. *К вопросу об этимологии слова “человек”* // Веснік БДУ, сер. 4 – №3. – 1992. – С. 57–59.

2. Кур'ян І.У. (разам з Гюлумянц К.М., Кожынава А.А.), *Практычная граматыка польскай мовы*, Вучэбна-метадычны дапаможнік. – Мінск, 1995.
3. Курьян И.В., *Развитие и генетическая связь причастий на -ŝ и -t в польских, белорусских и русских примерах*. // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства. Матэрыялы IV Міжанароднай навуковай канферэнцыі. ч. 2. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт (22–24.04.1997). – Віцебск, 1997. – С. 279–283.
4. Курьян И.В., *Тезис Облака о языковом дуализме и вопрос о первом письменном свидетельстве произношения славянского твёрдого t как ѣ*. // Vatroslav Oblak. Mednarodni simpozij *Obdobja 17* (12–13.12.1996) (Пленарный доклад), Univerza v Ljubljani. – Ljubljana, 1998. – С. 131–144.
5. Курьян И.В., *Периферийная архаичность в исследовании славянской системы причастий*. // Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture. Mednarodni simpozij *Obdobja 18* (09–11.12.1999), Univerza v Ljubljani. – Ljubljana, 2002. – С. 127–137.
6. Кур'ян І.У. (сумесна з Зінкевіч А.В.), *Новы сігматычны аорыст і тэндэнцыя замяшчэння аорыста перфектнымі формамі*. // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. Беларускі камітэт славістаў. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – С. 19–34.

Последняя статья, специально подготовленная к XIII Международному съезду славистов в Любляне (2003) с посвящением А.Е. Супруну, явилась важным последующим развитием теоретических положений данной диссертации и вновь предложила новаторское решение задачи, непосредственно связанной со славянской системой причастий и попадающей в категорию трудных тем славистики с пометкой «до сих пор не выяснено». В ней идет речь о категории *нового сигматического аориста*, называемого иначе вторым сигматическим аористом, который был отнесен к категории старославянских новообразований, не обнаруживая в ряде крупных славистических исследований своего живого древнего языкового происхождения. Мы, таким образом, сталкиваемся с тем, что литературный старославянский язык мог продуцировать языковые формы исключительно в искусственной плоскости, функционируя до определённого времени параллельно к натуральным говорам, впоследствии смешиваясь с ними или ими вытесняясь, как явление чуждое. Данный процесс происходил и в системе причастий, о чем развивает мысль этот научный труд. Не случайно, даже спустя столетия по факту использования *нового сигматического аориста* в крупнейших старославянских текстах и их производных, отмечается процесс вытеснения его упрощенными формами перфекта, т.е. *эловыми причастиями*, на которых здесь мы акцентируем свои рассуждения.

Новый сигматический аорист как раз является той показательной глагольной категорией, изучение которой попало в свое время в безвыходный круговорот общепринятых научных положений, согласно чему новый сигматический аорист типа *двигохъ, ведохъ* рассматривался как грамматическая категория старославянской грамматики, вытекающей из грамматики древнегреческой, развиваясь из состояния индо-европейского в современное славянское по хронологической линии непрерывного живого языкового процесса, распределенное по различным славянским говорам. Лента развития нового сигматического аориста – *первый (простой) сигматический аорист* $\Rightarrow$ *второй (новый) сигматический аорист* $\Rightarrow$ *перфект* $\Rightarrow$ упрощенная форма перфекта с *эловым причастием* в остатке – перерастала в целые парадигмы нового сигматического аориста, которые в одночасье вышли из употребления, заменяясь эловыми формами причастия.

В своей монографии на основании диссертационных исследований (см. гл. 6.) нами как раз рассматриваются пути формирования и возможное фонетическое сходство графических вариантов простого и нового сигматического аористов с перфектом на *-l-*. Мы также подключаем в круг употребления сходных форм аориста и элового перфекта причастия на *-ši* и усматриваем в них подлинный перфект. Это самое архаичное из предикативных употреблений действительного причастия прошедшего времени: данная конструкция не только выражает результативное состояние, действительно соответствующее перфекту, но и указывает на то, что между обоими причастиями прошедшего времени, на *-ši* и на *-l-*, а по семантике конструкции – между перфектом и аористом, существовала тесная связь, которую очень трудно восстановить через все языковые литературно-диалектные наложения.

Структура и объём диссертации

Основной текст исследования включает общую характеристику работы, шесть глав, заключение, также представлен список научной литературы, которая использовалась при написании работы, и приложения к работе.

ГЛАВА 1.

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ПРИЧАСТИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Состояние старославянской системы причастий как исходной

За исходное грамматическое состояние, от которого развиваются системы причастий различных славянских языков, обычно принимается **старославянская система причастий**.

Старославянская система причастий представляет собой непарную, при наличии пяти форм, систему.

В группу *participium praesentis* входит две формы:

- 1) *activi* – причастия на ***-nt-**;
- 2) *passivi* – причастия на ***-m-**.

В группу *participium praeteriti*, соответственно, входят формы:

- 3) *activi* – причастия на ***-ŭs-**;
- 4) *passivi* – причастия на ***-t-; *-n-**.

Ещё одна форма причастий прошедшего времени –

- 5) причастие на ***-l-**
– оговаривается отдельно. Её принято называть *participium praeteriti activi II*, используется также определение *l-participium* или эловое причастие.

В системе старославянских причастий, состоящей из пяти членов, **nt-**причастие и **ŭs-**причастие, с одной стороны, противопоставлены двум пассивным причастиям; с другой стороны, **l-**причастие противопоставлено всей системе, потому что выступает исключительно в роли компонента сложного морфологического образования с глаголом *быть*. Следовательно, согласуясь только с подлежащим, оно имеет неизменяемую форму в И.п. ед. или мн.ч., в то время как другие причастия имеют сложную систему согласования и склонения.

1.2. Состояние системы причастий в современных славянских языках

Исходя из той позиции, что все литературные славянские языки в той или иной степени наследуют старославянскую систему причастий, следует отметить, что прочнее всего старославянская система причастий удержалась в современном русском языке. Это можно объяснить тем, что русский язык имеет наиболее долгую и непрерывную литературную традицию, восходящую к старославянской. Поэтому мы начнем краткий обзор систем причастий в современных славянских языках именно с русского языка. Дальнейший порядок обзора будет определён “снижением” старославянской литературной традиции в славянских языках и причастных системах.

Русский язык не утратил категории причастий действительного залога настоящего времени, руссифицировав именно старославянские причастные формы типа *горящий*. Народная восточнославянская форма этого причастия с суффиксом *-ч-* типа *горячий* в литературном языке стала выступать в роли прилагательного. Такую пару – “прилагательное на *-чий* – причастие на *-щий*” иллюстрируют многие примеры: *живучий* – *живущий*; *могучий* – *могущий*; *летучий* – *летающий*; *колючий* – *колющий*; *стоячий* – *стоящий* и др.

Формы причастий прошедшего времени действительного залога сохранились в рамках старославянской модели и в полной форме имеют значение атрибутивов. Краткие формы активных причастий настоящего и прошедшего времени оформились в деепричастия. Причастия на *-мый* в понимании причастий действительного залога прошедшего времени в современном русском языке не фигурируют. Формы типа *зрелый*, *спелый* являются прилагательными.

Валерий В. Иванов отмечает [73: 361], что заимствованные старославянские причастные формы в живой диалектной речи не получили широкого распространения и являются в современном русском языке книжным элементом.

Причастия страдательного залога в краткой форме сохранились в качестве именной части составного сказуемого, а в полной форме сохранились как атрибутивные причастия.

Старославянская модель системы причастий в русском литературном и разговорном языке даже в конце XIX в. не была столь устойчивой, как в современности. Показательны замечания Фёдора Буслаева [33: 147]:

Употребление собственно причастий должно отличать в русском языке двоякое: в речи книжной и в речи народной, разговорной. В речи книжной свободно употребляются все формы причастий: т.е. настоящие и прошедшие действительного и страдательного залога; напр.: *делаю-*

ций, делавший, делаемый, сделанный. В речи же разговорной, народной, а потом и в такой книжной, которая сближается с народной, употребительно только страдательное прошедшее (напр. *сделан*), за весьма немногими остатками прочих форм причастий, которые впрочем принимают характер прилагательных.

И далее [33: 148]:

Мало употребительные в народной речи формы причастий заменяются у нас двояко: или разложением причастия в придаточное предложение полное; напр.: *приходивший* – *что приходил, который приходил*; или именем существительным, напр.: *владеющий* – *владелец, владелец <...>*.

Современный **чешский литературный язык** представляет достаточно многообразное наследие старославянской системы причастий, хотя в современной грамматической формулировке к причастиям относятся только краткие эловые формы, называемые причастиями прошедшего времени действительного залога (*nesl*; -a; -o; -i; -y), и страдательные причастия прошедшего времени типа *nesen*; -a; -o; -i; -y. Следы старославянских причастий активного залога настоящего и прошедшего времени остались в современной чешской категории деепричастия: *nesa* / *nesouc* – *nesouce*, *dělaje* / *dělajíc* – *dělajíce*, кроме того, *prosě*, *hodě*, *mlátě*; *nes* / *nessi* – *nessě*, *dělav* / *dělavši* – *dělavše*. В этих формах деепричастий настоящего (без учета возможного будущего) и прошедшего времени представлено старославянское разделение по формам рода и числа атрибутивных причастий. Франтишек Травничек называет [218: 365] чешское деепричастие особой формой, отличной от всех форм имён в широком смысле. Можно констатировать, что разговорный стиль современного чешского языка полностью от него отказался. Обороты типа *upadnuv zlámал si nohu* носители языка определяют как книжные и в разговоре скорее скажут *upadnul a zlámал si nohu*. Аналогичным образом в разговоре редко скажут *bežíс*, считая эту форму значительно современной архаичного *běha*, но предпочтут сказать *když běžel*. Нами отмечено также, что молодые чехи уже не всегда различают форму ед.ч. ж.р. типа *jedši*; *jezdivši* и мн.ч. для всех родов типа *jedše*; *jezdivše*, как это разделяет Травничек, а называют в числе книжных форм одну форму для ед. и мн.ч. *jedši*; *jezdivši*. Таким образом, чешский язык повторяет процессы, пережитые многими славянскими языками.

Многие причастия по новому грамматическому определению чешской грамматики [218: 367] являются прилагательными: *minulý*; *znalý*; *prosící*; *hledící*; *provínivší se*; *vytrpěvší*. Присутствует интересное отнесение к субстантивированным причастиям на -l названий носителей свойств, которые, как представлено в грамматике Травничка, образованы от эмоционально окрашенных эловых причастий. Прозвище типа *blouznil* равно по значению

сочетанию *blouznivý člověk*, где форму *blouznivý* Травничек также определяет как причастие [218: 181]. Наблюдается переход таких форм в чешские фамилии: *Chytil; Kvapil; Sušil* [218: 201].

Болгарский язык, в начале формирования своей древней литературной традиции теснейшим образом связанный со старославянской традицией, в современном состоянии представляет “остатки” развитой старославянской системы причастий.

Причастием прошедшего времени активного залога здесь являются только краткие формы элового причастия: *ядял, -а, -о, -и; могъл, -а, -о, -и* – форм на **-в-** или **-ии-** современный болгарский язык не знает.

Неизвестны здесь также причастия настоящего времени пассива. Но пассивная форма прошедшего времени используется довольно активно. В действительном залоге настоящего времени “сегашно деятелно причастие” равно по значению прилагательному, напр.: *спящото дете; питащ студент*. В неизменяемой форме, с добавлением суффикса **-ейки/-айки** к основе глагола настоящего времени, оно используется для выражения дополнительного одновременного действия. Разговорной речи эти формы не свойственны [77: 185].

Позволим себе объединить данные о состоянии грамматики причастий в современных **хорватском** и **сербском языках**. Последующее мнение сформировано в том числе по данным, представленным в статье Любомира Стояновича [201: 1], где он пишет:

Партиципи су се у целом источном делу народа изгубили и нема их више у народном говору, а уколико се још употребљавају у књижевном језику, не може се о њихову значењу извести поуздан закључак <...>

В хорватском и сербском языках в настоящее время, действительно, отмечается “избегание” форм причастий в разговорной речи и, напротив, использование их в книжном стиле языка, в языке официальных сообщений, в языке науки. В последнее время стремление размежевать то, что в лингвистической литературе было оформлено единым названием сербохорватский язык, приводит к обращению филологов, особенно хорватских, к первичным языковым текстам, к архаичным литературным и диалектным языковым формам. Это стремление, в итоге, может либо упразднить некоторые формы причастий, либо придать им новый морфологический облик и определить новые, с опорой на старые, возможности синтаксического употребления. Сербская и хорватская система причастий до недавнего времени представляла две формы деепричастий: несовершенного вида на **-ћу (-ћи)** (*дарујућу / дарујући*) и совершенного вида на **-вши (-вši)** (*пришавши / prišavši*). Отмечено [117: 59], что деепричастие несовершенного вида может использоваться в качестве определения (хотя нам такая

функциональная формулировка кажется не совсем верной), напр.: сербск. *руководећа улога; задовољавајући резултати*. Основное же употребление этих форм, утративших уже своё первоначальное, представленное ещё в старославянском языке, значение прилагательного [149: 134] – обстоятельство при основном глаголе. Причастиями в атрибутивном и предикативном употреблении являются только эловое причастие и причастие пассива прошедшего времени.

В украинском языке, как и в других, представленных выше славянских системах причастий, причастия представлены только двумя формами: настоящего времени действительного залога типа *любляча дружина; лежачий камінь; згасаючий день* и прошедшего времени пассивного залога типа *кохана дівчина; загублена доля; підготовлена відповідь*. В качестве примера причастия, связанного с категорией совершенного вида приводится также эловая полная форма типа *зав'ялий*, которая часто функционально отождествляется с причастием пассива прошедшего времени. Так Юрий Шерех [236: 8] отмечает, что в современном украинском языке исчезли причастия на **-m* и на **-š*, почти нет причастий на **-nt*, и сохранились только пассивные причастия на **-t* и активные на **-l*. Причём в настоящее время украинские формы на *-тий* могут заменяться формами на *-лий* в пассивном значении, в подтверждение чего Ю. Шерех приводит следующий пример [236: 29]: “<...> стояв, очманілий нею, весною і щаст'ям”.

Деепричастий также два: на *-учи/-ючи; -ачи/-ячи* (*співаючи, лежачи*) и на *-ши* (*подумавши, принеши*). Вместо причастий на *-ший* используется описательная конструкция типа *той що читав*, а не *читавший*. Формы типа *перемігший, закінчивший* являются новообразованиями литературного происхождения, в народных говорах такие формы не употреблялись [6: 345].

В современном польском языке, исходя из старославянской модели причастий, присутствуют только две формы: активное причастие настоящего времени и пассивное причастие прошедшего времени. В данной грамматической традиции разделение на причастие и деепричастие выражено в разделении функций: причастие может быть определительным (собственно причастие) и наречным (деепричастие). Отсюда *participium praesentis activi* представляет формы изменяемые на *-ący, -a, -e* и неизменяемые на *-ąc: idący, śpiewający / idąc, śpiewając*. За редким исключением, эти формы не имеют залоговой пары в пассиве на **-m* (напр. *znajomy*) – здесь чаще используются образования от основы инфинитива несовершенного вида (напр. *przeczytany* ⇒ *czytany*), тогда как определительное причастие действительного залога настоящего времени не имеет временной пары прошедшего времени.

Прошедшее время актива представлено только книжной неизменяемой формой на *-szy*, используясь исключительно как наречие. Отмечается [86: 384], что *participium praeteriti activi I* сохраняется в польском языке в остаточном виде. Эловое причастие выполняет функции глагола прошедшего времени с трансформацией конструкции с глаголом-связкой *być* в личное окончание глагола: **pisał jes i ⇒ pisales*. Данное личное окончание при этом сохраняет свою синтаксическую подвижность и может присоединяться к другим членам предложения (напр. *w szklanceś pokoju nie znalazł*). Отмечено также [86: 383], что причастные формы на *-ty* в сознании говорящих были отнесены в категорию прилагательных. Таким образом, *imiesłów czynny czasu przeszłego na -t-* развил в польском языке местоименную систему склонения: *posiwiady, posiwiatego, posiwialemu* и т.д.

Если дополнительно говорить о причастиях на **-m* в современном польском языке, то отмечается [2: 72] “zatarcie” этих форм. Такие причастия пассива настоящего времени, как: *znikomy, nieruchomy, widomy, rodzimy, wiadomy, znajomy, łakomy, kryjomy, rzekomy, świadomy* – называют формами “закостеневшими” в языке.

Схожее грамматическое развитие причастных форм представлено в **серболужицких языках** [220: 38–41]. Активное причастие настоящего времени представлено формами типа: *mjetucy, pijacy, kupowacy*, его деепричастное выражение краткой формой на *-jo*, восходящей к праславянскому **-ę*: *dzelajo*. Такие формы связаны с категорией несовершенного вида. Законченность действия, предшествующего к основному глаголу выражают деепричастия прошедшего времени активного залога на *-ši-*, *-wši*: *donjessi, zapisawši*. В причастиях пассивного залога прошедшего времени семантика совершенного и несовершенного вида обусловлена функцией: в атрибутивном употреблении формы типа *prošeny, wičeny* преимущественно связаны с длительным незаконченным действием, в предикативной функции их значение становится результативным.

Словацкий язык [166: 255–257] использует склоняемую форму причастия на *-vší*, опять-таки, преимущественно в книжных текстах, тогда как в разговорной речи оборот типа *spadnuvší človek* заменяется на описательную конструкцию с эловой формой: *človek, ktorý spadol*. Современные носители языка часто не могут даже припомнить употребления причастия на *-vší* в своей речи. Временная последовательность действий выражается в их речи парой глаголов с союзной связью: *spadol a zlomil si nohu; otvoril si a vošel*. Активные причастия настоящего времени склоняются в полной форме *pracujúci; -a; -e*. Краткая форма *pracujúc* является деепричастием (“prechodník”). Она считается книжной и архаичной. В разговорной речи деепричастие заменяется конструкцией типа *ked’ pracujem*. Группу причастий формируют также пассивные формы прошедшего времени на *-nų; -tų* и эловое причастие.

Четыре последующих современных славянских системы причастий, на наш взгляд, могут быть основополагающими для того, чтобы сделать некоторые выводы. **Словенский язык**, тесно связанный в диалектном проявлении со старославянской традицией, по выражению Франце Безляя [14: 33] “je neke vrste jezikovni muzej”. Можно предполагать, что живые формы представляет **белорусский язык**, потому что “новая беларуская літаратурная мова цалкам грунтуецца на народна-дыялектнай аснове, таму ў яе мала перайшло царкоўнаславянскіх форм” [30: 211]. Данные **македонского языка** интересны как народная языковая основа первых старославянских переводов. И, наконец, **полабский язык** служит своего рода критерием народности в славянских грамматиках: присутствие определённых грамматических форм в полабских текстах даёт основание считать их живыми языковыми категориями [206: 49].

В **словенском языке** сохранились только активные причастия настоящего времени и пассивные причастия прошедшего времени, а также эловое причастие. Первые образуются от глаголов несовершенного вида с помощью форманта -*č* и являются по значению прилагательными, напр.: *vroča voda = voda, ki vre*. Пассивные причастия прошедшего времени образуются от глаголов совершенного вида. Причастие прошедшего времени активного залога в функции деепричастия представлено только в т.н. “остатках”: *opr̥tiv*, *pustiv*, которые в своё время использовались в качестве примеров во многих словенских грамматиках. Эти формы являются уже элементами фразеологии. Других форм причастий и деепричастий, сопоставимых со старославянской системой причастий, в словенском языке нет. Можно говорить только об архаизмах, отраженных в письменности. Описание по употреблению форм *participium praeteriti activi I* отсутствует в современной грамматике словенского языка Йоже Топоришича (*Slovenska slovnica*, Maribor 1976), уже не отмечена как употребляющаяся форма в грамматике “четырёх авторов” – Антона Баеца, Рудольфа Коларича, Мирко Рупеля и Якоба Шолара (*Slovenska slovnica*, Ljubljana 1947), отмечается как форма, не присутствующая в живом словенском языке, в грамматике Антона Брезника (*Slovenska slovnica za srednje šole*, Celovec 1916), где Брезник пишет, что в языке осталась только “крупница” таких форм преимущественно от глаголов совершенного вида типа *začenši, prišedši, pozabivši, opazivši, bivši* [22: 155].

Эловое причастие при этом активно используется в двух функциях: предикативной и адъективной. Обе функции используют одну форму, напр.: *hiša je pogorela / pogorela hiša*. Пишется [12: 13], что поначалу эловые формы обозначали состояние, напр.: *je porasel*, а потом эта же конструкция сформировала составную глагольную форму.

В **белорусском языке** нет причастий пассивного залога настоящего времени, а только пассивная форма прошедшего времени: *падзёрты*,

спісаны, затрыманы. Нет причастий настоящего и прошедшего времени актива, а есть только деепричастия от этих форм, напр.: *кажучы гэта, ён махаў рукою; прачытаўшы, зачыніў кнігу*. Использование таких форм в качестве склоняемых причастий “ацэньваецца як парушэнне норм літаратурнай мовы” [30: 294], в первую очередь под влиянием русского литературного языка. Соответственно, вместо причастий действительного залога обоих времён употребляется придаточное определительное предложение “які пахне (вместо “пахнучы”), які ўзрастае, які ўзнік, які перазімаваў” [78: 177].

“Вялікае багацце ў беларускай мове дзеепрыметнікаў на **-лы**” [198: 28]: *спацелы, перасохлы, застыглы*,” – они используются вместо аналогичных старославянских форм на **-ший** в атрибутивном значении. Считается, что именно активность данных форм, принятых из народной речи, мешает распространению в белорусском языке атрибутивных форм на **-шы**, имевших место, наряду с причастиями на **-лы**, в старобелорусском литературном языке.

В **полабском языке** зафиксированы формы эловых причастий в претерите: *jōs plokōl, tāu krodahl, ājmaudā 'l-sə, ājrūdā 'l-sə*, – в условном наклонении: *bi sá 'pol* [112: 231] Представлено атрибутивное употребление пассивных причастий прошедшего времени: *bajtē* “битый”, *zosiülenē* “засоленный”, *ājstraizonē* “постриженный”, *ājklāstenē* “сжатый” (дословно “уклещенный”), форма пассива в настоящем времени – *wědomy*. В активе встретились также формы причастий настоящего времени в функции прилагательного: *kpsajqčē* “кусающий”, *gornqčē* “говорящий”. Причастий или деепричастий на **-vši** нет.

Некоторые данные **македонского языка** будут представлены на примере диалектов, исследованных Ватрославом Облаком [157: 170–171], в частности – в районе ныне греческих Салоник, с целью описать диалектную основу старославянского языка. Исследования, проводимые во второй половине XIX в., показали: в македонских говорах лучше всего представлены эловое причастие и пассивное причастие претерита на ***-n**; ***-t**: *рѣкла, рѣклѣ; умрен, биѣн*. Другие формы причастий утрачены до незначительных остатков. Причастия настоящего времени действительного залога с формативом **-аеки**: *играеки, чекаеки*, которые встречаются в некоторых македонских диалектах, Облак считает заимствованием из сербского, а не местным языковым явлением.

Сегодня в македонских диалектах, как и в литературном языке можно встретить формы причастия на ***-nt** : в говорах они представлены в формах типа *молејк'и; викајк'и*, в письменной традиции формами на **-ит** (напр. *горешит* “горячий”). Блаже Конески говорит об остатках этих форм в современном македонском языке [95: 53].

В единичных формах представлены в литературном македонском языке пассивные причастия настоящего времени на **-m*, напр.: *недвижим*; *неумолим*.

Состояние *participium praeteriti activi I* в македонской системе причастий представлено в цитате [95: 154]:

Минатиот активен партицип I исто така рано излегол од употреба. В нашиот литературен јазик придавката *бивш* е единственен остаток од некогашната форма на тој партицип.

Активно используются формы пассивного причастия прошедшего времени типа *ранет* (*ранет војник*) или *оубијен* (*-ом*) (ед.ч. м.р. И.п.). Б. Конески отмечает, что в македонском языке осталась фактически только эта форма причастия [95: 53]. В частности, в ряде говоров Македонии, напр., в говорах Бобошицы или говорах Костурско [95: 168], она замещает эловое причастие в конструкциях перфекта: вместо *сум дојдел* говорят *сум дојден*, а также *имам дојдено*.

Причастие на *-л* используется в составных глагольных конструкциях: *водата е врела*; *сум викал*; *би викал* – и в качестве определения: *врела вода*; *успело предавање*. Формы типа *врела*; *гнил*, как и формы типа *горешт*, нечасты в употреблении в современном македонском языке.

1.3. Представление об исходной славянской системе причастий на основании современных данных

Общая картина современного состояния системы причастий в славянских языках представлена в нашей таблице приложения (см. **Табл. П.1.1.**). Нужно заметить, что данные по состоянию современной славянской системы причастий и её сравнение со старославянской системой форм были обобщены в типологических исследованиях и таблице (см. **Табл. 1.1.**) А.Е. Супруна [205: 23–24]. Наша таблица усложнена функциональным аспектом в рассмотрении системы причастий, а также учётом литературной и разговорной традиции употребления причастий. Вероятно, по той причине, что исследования А.Е. Супруна опирались на данные современных словарей славянских языков, а мы намеренно искали “живое” употребление исследуемых форм, результаты в некоторых позициях расходятся. Данные расхождения при этом усиливают контраст литературного и “живого” употребления причастий, подтверждают искусственность литературной традиции, выявляют источник закрепления причастий в славянских литературных языках.

Таблица 1.1. Современное состояние¹ системы причастий в славянских языках
(по А.Е. Супруну)

Язык	Причастия					Деепричастия	
	Настоящее время		Прошедшее время			Настоящее время	Прошедшее время
	действительные на *- <i>ntj</i> -	страдательные на *- <i>nt</i> -	действительные на *- <i>(v)ьs</i> -	страдаа-тельные на *- <i>t</i> - / *- <i>n</i> -	*- <i>l</i> - не в сложных формах		
старославянский	+	+	+	+	(+)	(+)	(+)
русский	+	+	+	+		+	+
белорусский	(+)	(+)	(+)	+		+	+
словенский	+		+	+	+	+	+
чешский	+		+	+		+	+
словацкий	+		+	+		+	(+)
польский	+			+	+	+	+
украинский	+			+	+	+	+
кашубский	+			+		+	
болгарский	+			+	+	+	
серболужицкий	+			+		+	+
*сербско-хорватский				+	(+)	+	+
македонский				+	+	+	

В частности, словарный материал и таблица А.Е. Супруна не подтверждают употребления атрибутивных эловых форм в белорусском, русском, чешском, словацком, кашубском, серболужицком языках, тогда как мы, напротив, констатируем² их достаточно активное употребление. Аналогично причастия прошедшего времени на *-*ys*- не употребляются столь активно в живой речи, как это “мнимо” отражают словари современных славянских языков, и употребление этих форм, как представлено в нашем материале, ограничено в чешском, словацком, фактически отсутствует в словенском языке. Картина употребления деепричастий настоящего и прошедшего времени действительного залога в таблице А.Е. Супруна

¹ Состояние соответствует дате проведения и издания исследования проф. А.Е. Супруна.

² Исследование А.Е. Супруна проводилось до 1983 г., отсюда усматривается разница в принятых к рассмотрению славянских языков. Надо отметить, что в нашей работе кашубский язык не рассматривался как отдельный славянский, но А.Е. Супрун не принял во внимание примеры из “мёртвого” полабского. Мы говорим о двух серболужицких языках, хотя рассматриваем их вместе касательно системы причастий. В период написания нашей диссертации уже вырабатывалось разделение сербско-хорватского языка на два различных, и частично мы старались это учитывать.

подтверждает жесткую литературность этих форм, их редкое книжное употребление представляет наша таблица. При этом мы намеренно совмещаем понятие “книжное” с определением “редкое”. Оба сопоставления выделяют как наиболее мощный тип дистрибуции причастных форм – русский, в большой степени связанный со старославянской традицией и влияющий на распределение причастий в восточнославянских языках, в частности, в белорусском.

Подводя же итог представленному в разделе 1.2. и нашей Табл. П.1.1. краткому обзору славянских систем причастий, где они противопоставлены старославянской системе причастий, с одной стороны, как исходной, а с другой стороны, как литературной, можно гипотетически заметить:

- “естественными”, “живыми” для славянской системы причастий являются прежде всего две формы: эловая форма и форма пассивного причастия прошедшего времени на **-t-*; **-n-* – обе используются как в предикативном, так и в атрибутивном употреблении;
- исходной славянской, по всей видимости, является форма активного причастия настоящего времени на **-nt-*, использующаяся чаще в первичной атрибутивной функции, в то время как предикативная функция стёрта;
- деепричастное употребление активного причастия настоящего времени на **-nt-* развивается как вторичная функция, прежде всего в системе литературного языка из потенциальной грамматической функции говорящего. В ряде славянских языковых систем она внедрена как недостающее синтаксическое средство выражения;
- причастное и деепричастное употребление причастия на **-ŷs-* – явление преимущественно книжного порядка. Преобладающее наречное употребление причастия в литературном языке также можно объяснить, как принятие языковой системой недостающего синтаксического средства выражения;
- место пассивного причастия настоящего времени на **-m-* слабо поддаётся определению в славянской системе причастий. Эта форма стёрта из употребления. В ряде славянских языков наблюдается совпадение форм и значений данного причастия и страдательного причастия прошедшего времени на **-t-*; **-n-*, напр.: бел. *знаёмы*, рус. *знакомый* (диалектное – *знамый*, *знамо*), польск. *znany*, словацк. *známy*; рус. *известно* (диалектное – *вестимо*), бел. *вядома*, – что приводит к предположениям об исходном единстве двух форм, развивающихся на противопоставлении видов.

На основании таких предположений “живая” славянская система причастий восстанавливается в следующих формах:

- 1) действительное причастие настоящего времени на **-nt-*;
- 2) действительное причастие прошедшего времени на **-l-*;
- 3) страдательное причастие настоящего времени на **-m-* (либо совпадение с последующей формой с протвоставлением по виду);
- 4) страдательное причастие прошедшего времени на **-t-*; **-n-* (либо совпадение с предыдущей формой с протвоставлением по виду).

При этом по грамматическим признакам образуются следующие пары:

- 1) **временная пара:** активное причастие настоящего времени на **-nt-* и активное причастие прошедшего времени на **-l-* в атрибутивном употреблении (напр. *загорающий* / *загорелый*). Грамматическая семантика этих форм – качество по действию в процессе этого действия и качество по действию в результате этого действия. Можно отметить, что обе формы также развивают предикативность до уровня слияния с функцией глагола настоящего и прошедшего времени;
- 2) **залоговая пара:** активное причастие прошедшего времени на **-l-* и пассивное причастие на **-t-*; **-n-* в атрибутивном и предикативном употреблении. Грамматическая семантика этих форм – качество или состояние субъекта действия и качество или состояние объекта действия (напр. *разбила яйцо* / *разбитое яйцо*). Предикативность проявляется в составе именного глагольного сказуемого, а с утратой связки приближена к значению глагола;
- 3) **видовая пара:** причастие настоящего времени на **-nt-* в атрибутивном употреблении (несовершенный вид) и пассивное и активное причастия прошедшего времени на **-t-*; **-n-* и на **-l-* в атрибутивном и предикативном употреблении (совершенный вид) (напр. *зреющий* – *зрелый*, *созрел*; *берущий* – *взял*, *взял*; *собирающий* – *собранный*, *собрал*). Грамматическое значение этих форм – качество при длящемся действии и качество или состояние после завершения пассивного или активного действия. В ряде языков, напр., польском, видовую пару от одной формы инфинитива образуют причастия пассивного залога настоящего и прошедшего времени: польск. *czytany* – *przeczytany* (ср. рус. *читаемый* – *прочитанный*).

Конечно, такая схема – только гипотеза, “снятая” с данных современных славянских языков. Нельзя не учитывать, что именно *nt*-причастие и *ŷs*-причастие, которые практически выпали из славянских грамматических систем, находят непосредственные параллели в и.-е. языках, тогда как наиболее частотные *l*-причастие и *t(n)*-причастие почти не восстановлены в и.-е. языковом периоде. Напр., Р. Вечерка полагает [37: 37], что *nt*-причастие и *ŷs*-причастие самые старые и истинные формы славянской

причастной системы, тогда как остальные формы скорее всего были внедрены (“*vklíněna*”) позже и развивались из других адъективных форм.

Выводы к гл. 1:

- Старославянская система причастий может рассматриваться как исходная литературная, но не тождественная праславянской системе данных грамматических форм. Старославянская система причастий представляет интерпретацию и надстройку диалектной “живой” системы причастий.
- Можно предполагать, что четырёх- или даже трёхкомпонентная славянская система причастий приобрела в старославянской системе новую модель, добавив активное причастие прошедшего времени на *-ši* (этимологическое **-ys-*) – что сделало её пятикомпонентной. Это причастие, в старославянском языке использующееся только в атрибутивной функции, фактически заместило атрибутивную функцию элового причастия.
- Старославянская система причастий по мере демократизации диалектных норм разрушается диалектной системой причастий.
- Можно предполагать, что современное состояние системы причастий ближе к праславянскому, чем представленному в старославянских текстах.
- Изменения славянской системы причастий на литературном и диалектном уровне разных славянских языков, при их взаимодействии, проходили приблизительно одинаково, что обусловило определённое сходство причастных систем в современных славянских языках.

ГЛАВА 2. ВОПРОС О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИЧАСТИЙ

2.1. Особенности причастия как грамматической категории

Славянские грамматики относят причастия к группе именных отглагольных форм, таких как инфинитив или супин. Райко Нахтигал определяет [154: 109] причастие как краткую именную форму, образованную по индоевропейской модели образования прилагательных. В и.-е. языке такие суффиксы как **-lo-*; **-no-*; **-to-*; **-mo-*; **-ro-* присоединялись к глагольной основе и были суффиксами отглагольных (девербативных) прилагательных [106: 445]. Из этой предварительной и общей характеристики причастия становится ясно, что данная категория интересна прежде всего своей гибридностью, совмещением полярных грамматических значений имени и действия.

По своей двойственной природе причастие представляет грамматические характеристики прилагательного: формы рода, числа, падежа, – и глагола: вид, время, залог.

В основе, от которой образуется причастие, можно проследить видовые и временные характеристики, в суффиксах – залоговые.

Поскольку причастия признаются образованием по типу прилагательного, формы причастий склоняются по именному типу склонения на *-jǫ*; *-jā*. В их грамматике важен также показатель членности и нечленности форм.

Следует отметить, что существует самая разнообразная терминология, разделяющая причастия по значениям, вытекающим из различных функций в предложении.

Функции причастий, в зависимости от синтаксической ситуации определяет в “Сравнительном синтаксисе <...>” Франц Миклошич [141: 822]. Он разделил причастия на атрибутивные, предикативные и аппозитивные:

- 1) при согласовании в роде, числе и падеже с определяемым существительным причастия становятся атрибутивными;
- 2) причастия становятся предикативными при глаголе *быть*;
- 3) в аппозитивной функции причастия выступают в роли второстепенного сказуемого (в таких примерах ярче всего заостряется глагольная семантика причастия).

Партиципиальные конструкции также называют активными синтаксическими конструкциями (причастный оборот) и полусинтаксическими конструкциями (деепричастный оборот).

Используется терминология, объединяющая глагольное и атрибутивное начало в причастии и определяющая проявление этих начал в предложении: атрибутивное определение; предикативное определение. Атрибутивное определение подчинено существительному, предикативное определение, напротив, управляет существительным, выполняя функцию глагола в едином понимании функции составного именного сказуемого. Встретилось также определение “сказуемое употребление причастия” [150: 7].

2.2. Атрибутивная природа причастия

Так как славянская система причастий “генетически” восходит к индоевропейским отглагольным прилагательным, то атрибутивные причастия, т.е. причастия, выступающие в роли определения, часто называют “собственно причастиями”, а атрибутивное значение причастных форм принимается как первичное. Соответственно, из него в дальнейшем развивается адвербиальная и “восстанавливается” глагольная семантика. Причём атрибутивность всё равно как бы сохраняется в других функциональных проявлениях причастия: в наречии (деепричастии) как признак действия, а в предикативной функции причастие является атрибутивным элементом в составном именном сказуемом.

Несмотря на то, что причастие по образованию является отглагольным прилагательным, его атрибутивность является в какой-то степени “неполноценной”. Можно встретить разделение форм на атрибутивные причастия и отглагольные прилагательные, что сопоставимо с понятиями “подлинное причастие” и “подлинное прилагательное”.

Подлинность причастия, по некоторым мнениям [2: 5–7], выражается в сохранении “акцента на процессуальность”, т.е. в присутствии глагольных признаков в именном образовании. При акцентировании качества атрибутивное причастие становится отглагольным прилагательным. При этом существует определённая контекстуальная грань, когда атрибутивное причастие остаётся подлинным причастием, и синтаксическая ситу-

ация, когда эта грань ломается, а причастие превращается в подлинное прилагательное. По мнению Барбары Бартницкой [2: 169], “kryterium syntaktycznym, pozwalającym odróżniać imiesłowy zadiektywizowane od nie zadiektywizowanych jest możliwość zachowywania przez imiesłów zdolności do wiązania się z dopełnieniami i okolicznikami, przejmowanej od podstawowego czasownika”. Граница между этими формами “jest nieostra”, почувствовать разницу можно в примерах типа: *suszone siano* и *suszone na słońcu siano*. Аналогичные примеры приводит Лев П. Якубинский [248: 241]: “как ты смел (прилагательное) и как ты смел это сделать (глагол); мальчик вял (прилагательное) и цветок вял в течение нескольких дней (глагол)”.

2.3. Глагольная природа причастия

В силу своего отглагольного образования, с которым причастие наследует ряд глагольных грамматических значений, оно способно воспроизводить предикативную функцию (ревербиализация причастия). Это даёт основания считать, что всё же первичной и основной в причастии является глагольная семантика, ведь причастие развивает своё грамматическое значение от глагольного к именному, а затем его “восстанавливает”.

Александр А. Потебня заостряет внимание на важности глагольного значения в причастии. Он пишет [172: 221–222], что “причастия, по функции более отдалённые от глагола”, язык “делает строго подчинёнными членами, переводя в категории прилагательного и наречия, а менее отдалённые от глагола заменяет личным глаголом”. Причастие в обороте типа *вставь рече* А.А. Потебня называет зачаточным предложением. Оно “хотя и не равносильное с глаголом, но близкое к нему” [172: 221–222]. Получается, что именно глагольное значение определяет функциональные возможности причастия. При этом первичная глагольная семантика в развитии словно вытесняется атрибутивной.

Например, словенский исследователь причастий Марко Есеншек также считает именно глагольную семантику причастий первичной и пишет, что “prvotni glagolski pomen”, “prvotne funkcije” причастий “so se ohranile le v zvezah s pomožnikom, oziroma v funkciji deležijskega polstavka” [62: 30].

Деепричастный оборот, упоминаемый в данной цитате, – это своего рода промежуточная позиция в процессе изменения грамматической и функциональной семантики причастия от глагольной к атрибутивной или же наоборот.

2.4. Формирование наречного значения в причастии

В старославянской грамматике деление на причастие и деепричастие ещё не присутствует, хотя выделение данной отпричастной категории происходит, в сущности, на старославянском материале. Можно говорить о том, что в старославянском языке представлено состояние неопределённости между грамматическим и синтаксическим значением причастия и деепричастия.

Р. Вечерка в своей монографии “*Syntax aktivních participií v staroslovenštině*” [38], где представляет классификацию старославянских причастных оборотов, также избегает деления на причастия и деепричастия по грамматическим и формальным признакам. Он выделяет не деепричастие, а деепричастный оборот, или же определяет данную форму как “деепричастное причастие” или причастие в функции деепричастия, тем самым подчёркивая, что это функциональное, а не грамматическое явление.

Исходя из традиций старославянской грамматики, деепричастия оформляются и развиваются только из двух категорий: кратких форм причастий действительного залога в ед.ч. м.р. И.п. настоящего и прошедшего времени.

Деепричастный оборот начинает проявляться в старославянском языке, а далее в церковнославянских текстах, как определённое полупредложение, развивает собственное действие – одновременное и предшествующее основному – при едином субъекте. Помимо одновременности или предшествования основному действию, наречную семантику деепричастия определяют как семантику “сопроводительности действия”, “предсобытийности”, как “вторичное глагольное действие”, деепричастие называют “второстепенным сказуемым”, считают своеобразным средством для представления иерархии действий или временного соотношения действий.

“Превращение причастий в деепричастие есть формирование новой предикативной функции в предложении, отличающейся от предикативной функции глагола,” – пишет Тимофей П. Ломтев [121: 227]. Но “новая предикативность”, что вытекает из грамматических особенностей причастия, не теряет при этом атрибутивности, поэтому по значению деепричастный оборот приравнивается к наречному придаточному предложению, деепричастие в связи с этим часто называют “наречным причастием” или “отглагольным наречием”, а наречие, как известно, выражает признак действия.

“Главный случай” образования славянского деепричастия А.А. Потебня описывает следующим образом [172: 185–186]: “<...> в причастии уничтожаются знаки его согласования с подлежащим (падеж, род, число)”,

и слово, бывшее причастием, “вовлекается в сферу притяжения сказуемого”. Потебня называет этот процесс “перемещением центра тяготения” в синтаксисе. Исключительно точно описывает синтаксический переход причастия в деепричастие Витольд Ташицкий [211: 4]:

Dany jednak związek, jaki istniał między rzeczownikiem a imiesłowem, nawet w dzisiejszym jeszcze języku zostawił pewne ślady. Imiesłów bowiem stoi w bliskim syntaktycznym związku z podmiotem zdania, choć związek ten coraz bardziej zaciera się w świadomości mówiących, tak, że na imiesłów nieodmienny patrzymy już raczej jak na “skrócone” zdanie czasowe, przyczynowe, przyzwolone itd., niż jako na określenie podmiotu.

Р. Вечерка назвал [38: 165] этот переход процессом “морфологического застывания причастий в несклоняемые формы наречного характера”.

Из этого следует, что категория деепричастия развивается от состояния определения к состоянию обстоятельства. Позиция, закрепляющая причастие в форме неизменяемой, стирает в языковом сознании синтаксический союз субъекта и причастного определения, заставляя воспринимать причастие как наречие причины или времени. Причастие, адвербиализируясь, становится признаком действия, а не предмета.

Переход причастия в деепричастие может быть обусловлен не только неизменяемостью причастной формы в определённой синтаксической конструкции. Логика синтаксиса такова, что наречие-деепричастие относится к предикату так, как прилагательное-причастие относится к субъекту – обе формы выражают качество: предмета или действия. Если мы превратим субъект в предикат, то прилагательное параллельно превратиться в наречие [212: 74], определение в обстоятельство, причастие в деепричастие.

2.5. Синтаксическое переосмысление значений причастия в старославянском тексте

В старославянском тексте легко представить превращение субъекта в предикат, потому что очень часто личные местоимения эквивалентны личным окончаниям глагола. Мы можем наблюдать ситуацию, когда субъект, выраженный личным местоимением, опускается, а категория лица сигнализируется в глагольных окончаниях. Например, в предложении типа **да и азъ шедъ поклонъ сѧ юмоу** (Мар. Ев., Мф. 2.8), теоретически форма **азъ** избыточна, поскольку 1 л. ед. ч. выражает глагол **поклонъ сѧ**. В этом случае абсолютно полноценным будет предложение без местоимения **азъ**, т.е. **да и <...> шедъ поклонъ сѧ**. Но здесь уже из подчинения местоимению причастие **шедъ** переходит в подчинение глаголу. Семантика “и я, пришедший (пришлый), поклонюсь ему” трансформируется в “и, придя,

поклонюсь ему”. Так “непринуждённо” произошло зменение функции причастия из определения в обстоятельство без изменения его грамматической формы и порядка слов.

Субъект в старославянском предложении также может отсутствовать, когда он понятен из контекста. Например, в Мариинском Евангелии: слышавъ же ѿсѣ ѿко иѿванъ прѣданъ быѥ ѿиде в галилеѣ (Мф. 3.12), – и следующее предложение: – (и при)шедъ въ сѣли сѧ въ капернаоумъ (Мф. 3.13). В первой конструкции причастие при субъекте скорее является атрибутивным определением, а во второй находится в переходном состоянии к функции обстоятельства. Подобное контекстуальное отсутствие субъекта можно также определить как “оказиональную субстантивацию” причастия, когда причастие спорадически используется без субъекта, принимая на себя временно функцию подлежащего [2: 118]. В приведённом выше примере, пожалуй только краткость причастной формы не способствует восприятию её как субстантива, ведь в старославянском языке категория членности была уже в стадии формирования.

Немалую роль в переосмыслении синтаксических функций причастия-атрибута сыграли структурные традиции языка. Здесь можно говорить о срабатывании “закона позиции”, который формулирует Люсьен Теньер [212: 169], в т.ч. относительно славянских языков. В синтаксисе славянских языков атрибут обычно предшествует существительному. В позиции следования он предикативизируется. В случае, когда причастие-атрибут находится в постпозиции к определяемому слову, оно, переосмысливаясь, начинает входить в группу основного глагола. Подобная “переломная” синтаксическая ситуация ощущается в предложении типа (Мар. Ев., Мф. 2.16):

тѣгда иродъ видевъ ѿко поржганъ быѥ ѿ вѣхъ разгнѣвавъ сѧ зѣло
и пославъ избѣ всѧ ѿтрокы шѣиѧ въ видѣ оѿмѣ.

К словам видевъ, разгнѣвавъ сѧ и пославъ в равной степени уместно поставить вопрос *когда? после чего “избил младенцев Ирод”?* (обстоятельство времени) и *какой? в каком состояний был Ирод?* (определение). И всё же постпозиция к субъекту больше склоняет нас к восприятию этой формы как деепричастия действия, предшествующего к основному глаголу избѣ.

Можно говорить о балансе причастных значений и вытекающих отсюда функций в рамках *nomen – verbum*. Это равновесие нарушается при синтаксическом акцентировании определённого значения. Для демонстрации вышеупомянутого баланса причастных значений нам кажется образцовым следующее предложение из Мариинского Евангелия: прииде иѿванъ крѣтъ проповѣдаѧ въ поустыни иудеиѣ (Мф. 3.1). Здесь одновременно можно выделить все три потенциальных функции причастия:

оборот с атрибутивным определением *иѡанъ крѣтъ проповѣдаа*; деепричастный оборот *прииде <...> проповѣдаа* (в постпозиции к субъекту причастие заостряет свои глагольные свойства) и, наконец, оборот *проповѣдаа въ поустыни*, где процессуальные и предикативные значения причастия акцентируются при наличии подчинительной связи. При этом форма *проповѣдаа* как бы одновременно подчинена субъекту и предикату и управляет оборотом *въ поустыни*.

2.6. Значение причастия в составном именном сказуемом

Предложение, в состав которого входит предикативное определение, в целом выражает не действие, а состояние – т.е. качественный способ существования предмета. Причастия в роли предикативного определения при этом выражают качество по действию. Обычным средством для выражения состояния при предикативном определении является глагол *быть*. Структура *быть + предикативное определение*, называемая составным именным сказуемым, представляет собой единый элемент предложения, где вспомогательный глагол обеспечивает структурную функцию глагола с общей “идеей процесса”, а предикативное определение обеспечивает семантику процессуального качества [212: 73, 172]. Глагол *быть* не имеет полной семантической нагрузки и значимость его чисто абстрактна, поэтому в обороте с предикативным определением вспомогательный глагол может утратиться (десемантизация глагола *быть* [212: 73]).

В структуре *быть + предикативное определение* могли участвовать все старославянские причастия. Но прежде всего данную модель использовали пассивные причастия прошедшего времени и эловые формы активных причастий прошедшего времени, образуя залоговую пару аналитических форм перфектных времен.

Конструкции глагола *быть* с активными причастиями настоящего и прошедшего времени (*participium praeteriti I*) Ф. Миклошич называл “*unslavisches*” [141: 822], считая их характерной греческой калькой. Вечерка считал возможной грамматикализацию такого оборота из средств живого славянского языка при греческой модели за недостатком собственных средств выражения [38: 162–163]. По мнению Р. Вечерки, “*se vznikem nových výrazových potřeb*” конструкция *byti + participium* вводится в язык старославянских переводов, приравниваясь по своей семантике к сочетанию глагола *быть* с любой формой имени (существительным, местоимением, прилагательным). Такие обороты были исконными в славянских языках, поэтому из сочетания *byti + participium*: *чловеки бѣдѣши*

ДОВА получилось вполне употребляемое славянское средство выражения [38: 162]. Р. Вечерка также отмечает [38: 70–71], что если *PPs* + *byti* – конструкция достаточно употребляема, то *PPt I* + *byti* (в обозначении Р. Вечерки – *Pps* – part. praes.; *PPt* – part. praet.), напротив, конструкции единичные (“*ojedinělé*”). Также Ф. Травничком признаётся, что конструкция типа *юсмь пришьль* образовалась по той же схеме: путём присоединения к глаголу-связке атрибутивного причастия [219: 1–18]. В дальнейшем же она утвердилась в грамматике как описательная форма сказуемого с особым временным обозначением.

Выводы к гл. 2:

- Как видим, причастие, содержащее в себе разнообразный исходный грамматический потенциал, реализует одно из значений не в определённой последовательности, а в зависимости от синтаксической ситуации. На наш взгляд, вообще уместнее говорить о грамматической полисемии причастия, не выделяя специально первичных или вторичных значений.
- Теоретические положения данной главы дают основания полагать, что в грамматической природе причастия заложена его многозначность и многофункциональность, поэтому всякую определённую функцию причастия можно считать искусственно закреплённой за определённой формой, что также относится к двум формам *participium praeteriti activi*.

ГЛАВА 3.

ВОПРОС О РАЗВИТИИ И СООТНОШЕНИИ ДВУХ АКТИВНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

3.1. Общая картина развития двух форм действительных причастий прошедшего времени

Процессы развития двух форм причастий прошедшего времени представляются абсолютно противоположными и на первый взгляд трудно объяснимыми. Мы имеем дело с грамматическими формами, которые, по существующим этимологиям, образованы по единой индоевропейской модели как отглагольные атрибутивы, мало чем отличающиеся в своём значении.

В старославянских памятниках эти формы проявляют себя уже в двух обособленных функциях, где *participium praeteriti activi I*, причастие на *-*ŭs*-, выступает в разнообразных функциях прилагательного с формированием значения наречия, а *participium praeteriti activi II*, эловое причастие, является предикативизированной частью составного именного сказуемого.

Характер употребления названных форм в старославянских памятниках говорит о том, что для *participium praeteriti activi I* место в старославянской грамматике уже было чётко определено, а описательные формы времён, в которой участвует *participium praeteriti activi II*, являются категорией формирующейся (см. П.2.).

С ослаблением старославянской традиции при формировании отдельных славянских литературных языков картина употребления исследуемых форм причастий диаметрально меняется: именно описательная форма претерита, называемая в грамматической традиции перфектом, начинает вытеснять простые формы прошедшего времени и трансформировать деепричастные обороты предшествующего действия. Эловое причастие усиливает, таким образом, свою грамматическую позицию, тогда как причастие на *-*ŭs*- теряет своё место в славянских грамматиках.

3.2. *Participium praeteriti activi I*

3.2.1. Происхождение и формирование *participium praeteriti activi I*

Происхождение причастных форм на **-ŷs-* традиционно представляется путём изменения индоевропейских суффиксов **-uos-*; **-ues-*; **-ŷs-*. В некоторых грамматиках, начиная от Антуана Мейе [132: 208], толкования восходят к суффиксам **-wet-* и **-wes-*, с помощью которых образовывалось индоевропейское действительное причастие перфекта. Праславянский суффикс **-ŷs-* явился при этом нулевой ступенью второго суффикса.

Старославянские формы представляют развитие праславянского варианта **-ŷs- ⇒ *-ъs- ⇒ *-ъŷ-*. Элемент *-ŷ-* возникает при образовании форм женского рода с типом основы на **-ja-* и в косвенных падежах форм мужского и среднего рода, которые под влиянием форм женского рода стали склоняться по типу основы на **-jō-*. После превращения **-s-* в **-x-* (переход **-s-* в **-x-* после *-u-* (**-ŷs-*)) происходит палатализация **-x-* под влиянием *j* и образуется *-ŷ-*.

Достаточно туманно представляется развитие формы **-ŷs-* в старославянские показатели *-vъ-*; *-vъŷ-*. Непонятным оказывается появление *-v-* в данных суффиксах. В некоторых этимологиях его возводят просто к форманту **-uŷs- ⇒ -vъ-* [211: 41]. Некоторые лингвисты это явление связывают с теорией “хиата” – появления протетических (вставных) звуков при “зиянии гласных” [65: 33, 37]. Рефлекс вставного *-u-* возникает после глагольной основы на гласный перед реконструируемым суффиксом *-ŷs-*, напр.: **bīra + ŷs + j- ⇒ *bīra + ŷ + ŷxj- ⇒ *bъravъŷ- ⇒ ст.-слав. бъравъши-*.

В результате различных преобразований старославянский язык представляет три типа причастий прошедшего времени действительного залога (*participium praeteriti activi I*):

- *-ъ (ŷī)* – типа *несъ / несъши*;
- *-ъ (ŷī)* – типа *прошь / прошьши*;
- *-vъ (ŷī)* – типа *знавъ / знавъши*.

Все типы причастий на **-ŷs-* образуются в старославянском языке от основы инфинитива, к которой добавляется один из представленных выше суффиксов. В зависимости от того, заканчивалась ли основа инфинитива на гласный или согласный, присоединялся соответствующий суффикс *-vъŷ-* или *-ъŷ-*. Если основа заканчивалась на гласный *-i-* (**prosi-*; **rodi-*), то *-i-* $\Rightarrow$ *-j-*, а *-ъŷ-* под воздействием *-j-* превращался в *-ъŷ-*. Палатальный *j* также вызывал различные изменения предшествующего согласного основы:

- *prosi + ŷs ⇒ *prosjīs ⇒ ст.-слав. прошь(ши)*;
- *rodi + ŷs ⇒ *rodjīs ⇒ ст.-слав. рождь(ши)*.

3.2.2. Развитие *participium praeteriti activi I*

Общей тенденцией развития *participium praeteriti activi I* является, на наш взгляд, тенденция к унификации форм и грамматических значений.

Первой приметой данного процесса явилось **выпадение форманта -b(ši)** из системы образования данного причастия. Очень скоро глаголы класса на **-i-** (IV кл.) стали образовывать действительное причастие прошедшего времени (*participium praeteriti activi I*) по общему вокалическому типу с присоединением суффикса **-vb(ši)**: ст.-слав. *просивъ(шу)*; *родивъ(шу)*. А образования с формантом **-b(ši)** стали своего рода приметой первичных текстов, их характерным явлением. Ещё Николас ван Вейк отмечал, что “причастия типа “хваль” древнее, чем такие формы как “хваливъ”, в этом никто не сомневается” [36: 217]. Процесс замены суффикса **-b(ši)** на **-vb(ši)** Н. ван Вейк наблюдал уже в Зографском Кодексе: здесь на 160 форм первого типа обнаружено 5 форм замены нового типа. В Супрасльской рукописи Андре Вайан обнаруживает новых форм уже в 5 раз больше, чем форм “на -b” [35: 275].

Своё оригинальное, но на наш взгляд маловероятное, толкование развития форм на **-vb(ši)** после основы на **-i-** в старославянских формах предлагает Франц Серафин Метелко [134: 139] в словенской грамматике 1825 г., написанной под сильным влиянием старославянской традиции. Схема развития формы *pozabivši* из формы *pozabljši* выглядит следующим образом: **pozabi-ti* ⇒ *pozablj-ši* (развитие *l-epentheticum*) ⇒ *pozablj-ivši* ⇒ *pozabivši*. Такое фонетическое решение Метелко представил, обнаружив в словенских говорах две формы: *pozabljivši* и *pozabivši*.

Используемая ниже схема дальнейшего развития причастий на ***-ŭs-**, в сущности, накладывается на все славянские языки, имеющие богатую письменную историю. Её, в частности, представляет на материале старопольских памятников В. Ташицкий [211: 41 и далее].

Таким образом, выделяются следующие процессы:

1) утрата системы склонения *participium praeteriti activi I*

У А. Вайана [35: 279] этот процесс также назван “тенденция к сокращению склоняемости причастий”.

От старославянской системы склонения *participium praeteriti activi I* во всех современных славянских языках, кроме литературного русского, остались немногочисленные следы.

Генрих Остеррайхер отмечает, что, к примеру, польский язык утратил систему склонения этого причастия уже в дописьменный период, потому что ни в одном польском памятнике не встречаются склоняемые формы типа *zebrawszy, zebrawszego, zebrawszemu*, как это возможно в русском языке [164: 18]. Авторы исторической грамматики польского языка

[86: 384] пишут, что в историю польского языка причастие на **-ŭs*, как наследие старославянского языка, проникло уже только в двух формах: ед.ч. ж. и м.р. И.п.

Например, в памятниках украинского языка падежные формы причастия на *-шій* встречаются ещё в XIV–XV в.в. [6: 345], но и они постепенно выходят из употребления.

“В древнейших памятниках русской письменности эти формы стали искажаться в своих окончаниях, мало-помалу приближаясь к той неподвижности, в какой они употребляются теперь”, – пишет Ф. Буслаев [33: 149] именно о причастиях “краткого окончания”, которые в русском языке сформировали категорию деепричастия. В “Истории древнерусского языка” Л.П. Якубинского отмечается [248: 253], что причастия перестают склоняться в результате утраты способности кратких форм как причастий, так и прилагательных выступать в роли определения. Поначалу сохраняется согласование форм причастий в И.п. ед. или мн.ч с подлежащим. Однако, в дальнейшем при общей тенденции унификации, “закостенения” причастия на **-ŭs*, произойдёт и фонетическая замена формы причастия И.п. мн.ч. с окончанием *-vъše* на универсальную форму с окончанием *-vъši*. С утратой согласования в падежах исчезает и согласованность в роде и числе между причастием и определяемым словом. Из всех форм активных причастий прошедшего времени на **-ŭs* в конечном итоге во всех славянских языках возобладали формы на *-ši*. В частности, “единственный пример склонения” такого причастия в польском языке отмечен в 1512 г. в переводе Евангелия Никодима (*Ewangelia Nikodema*): *umarwszym leżałeś w grobie*, но польские исследователи (Я. Лось, В. Ташицкий, Г. Остеррайхер, А. Брюкнер) считают его “*niespodzianką*” и “*wyjątkiem*”, поскольку в более поздних редакциях перевода встречается только *umarwszy, leżałeś w grobie* [164: 18–19], что, в свою очередь, в современной орфографии пишется как *umarłszy*.

Неизменяемой причастной форме было предопределено развитие в деепричастие. Однако, как пишет А.А. Потебня [172: 186], до того, как причастия стали деепричастиями, “в языке должно было чувствоваться отличие причастий определительных, более тесно связанных со своими определяемыми, от других, более близких ко глаголу”. Это ощущение могло поддерживаться двумя “приметами”: 1) появлением местоименных и именных форм атрибутивов; 2) наличием атрибутивной формы на *-l-* типа *зрелый* в языке говоров. Именно последняя форма становится и членной, и склоняемой в славянских языках.

На наш взгляд, утрата системы склонения причастия на **-ŭs* может свидетельствовать о многом. Грамматическое значение и функция данного причастия, определённые в старославянских текстах, словно не находят

понимания у тех, кто усваивает и интерпретирует грамматику первых славянских переводов. При общей тенденции развития членности адъективов и внедрения местоименных определительных форм в систему склонения, *йs*-причастие в различных славянских древних текстах не развивает ни членной формы (хотя такие формы присутствуют в старославянских памятниках), ни системы склонения. Его восприятие и истолкование остановилось на самой частотной форме: “бесчленная” форма И.п.

2) т.н. падение форм кратких причастий [228: 500]

В первых письменных памятниках отдельных славянских языков отмечается значительное сокращение кратких форм на *-ъ*; *-vъ participium praeteriti activi I*. Вместо них начинают употребляться формы на *-ъši*; *-vъši*, которые первоначально были показателями формы ж.р. ед.ч. И.п. Функциональное расширение форм на *-ъši*; *-vъši* привело уже в XVI в. практически к полному вытеснению альтернативных вариантов. Новые универсальные формы, пользуясь выражением В. Ташицкого [211: 45], “skupiły na sobie funkcje wszystkich rodzajów i liczb”.

В старопольских текстах XIV и XV вв. формы на *-w* ещё отмечены [86: 384] и исчезают в памятниках уже во второй половине XV в., начале XVI в. Совмещать функцию определения ж.р. ед.ч. с единой формой деепричастия стали формы на *-szy*. Как считает Ян Лось [124: 167], формы на *-szy* / *-wszy* были более характерными, имеющими выразительную морфему и не сливающимися в звучании с эловым причастием, поэтому они начинают завоёвывать литературу, как яркое стилистическое средство.

Интересно, что Ефим Ф. Карский [82: 43] отмечает использование в “западнорусских летописях” XV–XVI вв. двух форм *participium praeteriti activi I*: на *-ъ* и на *-иш* типа *сѣдъ* и *смовивши*, где первая форма соответствовала образованиям от основы на согласный, а вторая – от основы на гласный.

Фран Рамовш в “Морфологии словенского языка” [174: 148] называет форму типа *pozabiv* “okamenina brez *-ši*”. Важно отметить, что Р. Нахтигал [154: 85] констатирует использование формы на *-v* в словенских говорах: *pustiv iti*; *óprtiv nésti*; *prihúliv hodíti*. Последний пример мы также обнаруживаем в §67 словенской грамматики Антона Янежича “Slovenska slovnica s kratkim pregledom slovenskega slovstva”. Автор этой грамматики в первом издании 1854 г. утверждал, что такие формы ещё активно употребляются “med preprostim ljudstvom”. Но в дальнейших изданиях своей грамматики (1864, 1869, 1876) Янежич опускает это утверждение, соглашаясь, что в живом говоре они всё-таки не подтверждаются. В словенском языке есть также пример искусственной грамматикализации краткой и полной формы. В единственной написанной на иллирийском (всесловенском) языке грамматике Матии Майара (Зильского) [126: 84] предлагается формы на

-*v* использовать как деепричастия, а формы на *-vši* как склоняемое причастие: *delavši muž, delavše dete, delavša žena*.

3) появление союзной связи между причастием на **-ŷs-* и *verbum finitum*

Можно было бы считать, что с утратой системы склонения неизменяемая форма на *-ŷ-* начинает в славянских языках выступать только в функции деепричастия. Однако, примеры показывают, что такое новое восприятие формы на *-ŷ-* в славянских языках было сформировано не сразу. Своеобразным промежуточным этапом становления деепричастной функции причастия на *-ŷ-* являются примеры, где причастия присоединяются к основному глаголу с помощью союзов типа *i; a*. С позиции современного литературного славянского языка, в котором деепричастный оборот уже не воспринимается иначе, как краткое предложение с подчинительной связью, такой способ соединения причастия и основного глагола кажется странным.

Р. Вечеркой замечено, что в ряде случаев причастие в функции деепричастия может соединяться с основным глаголом с помощью союзов типа *i; a* уже в старославянских текстах. В частности, он приводит пример из Синайского требника [37: 44]: “*i priemъ ppъ nožę izd rąky ego. i rečetъ se*”. (Euch Sin 96a24-96b2). При этом, как считает Вечерка, такая связь не мешает общему пониманию деепричастного синтаксического значения.

В “Сравнительном синтаксисе <...>” Ф. Миклошич высказал мнение [141: 834], что это явление было ошибкой, обусловленной именно непониманием новой функции причастия.

Б. Конески, отмечая это явление в памятниках македонского языка XIII в. (*Вранешнички апостол*), считает, что употребление причастия на **-ŷs-* и другой глагольной формы с сочинительной связью свидетельствует о постепенной утрате *participium praeteriti activi I* в народной речи [95: 155].

А.А. Потебня [172: 187] пытался сравнить эту конструкцию с литовскими примерами и определял такой способ соединения свойством балто-славянским. Потебня также, считая такой способ соединения причастия и основного глагола естественным для “древнего языка”, писал [172: 165]:

<...> деепричастие ни в каком случае не может быть не самостоятельным по отношению к сказуемому, т.е. всегда выражает признак, возникший помимо деятельности, обозначенной сказуемым.

Тем самым Потебня подчёркивал наличие в деепричастном обороте двух сказуемых: главного и второстепенного, — поэтому они вполне могли разделяться союзом.

В. Ташицкий разъясняет [211: 52–53], что это соединение только внешне не кажется сочинительным, что появление или отсутствие в этом случае союза *i* — качество более свободного древнего синтаксиса. Из польской Библии королевы Зофьи (*Biblia królowej Zofii*, XV в.) Ташицкий приводит

примеры [211: 42], где мы можем одну и ту же форму видеть в типичном деепричастном обороте, как *To rze^{kw} Samuel, obrocył syo* (BZ. k. 181 b (IX, XV, 27)) и в примере с союзной связью: *To rze^{kw} y prziszedł ku krolyowu* (BZ. k. 207 a (IX, XXII, 15)). В этих примерах, считает Ташицкий, застыла древнейшая языковая эпоха, а новые синтаксические тенденции, склонные к строгому бессоюзному подчинению деепричастного оборота главному звену предложения, вытеснили такой способ синтаксической связи уже в XVI в.

Мы всё же считаем, что появление союзной связи между формирующимся деепричастием и глаголом является доказательством того, что функция деепричастия не была до конца осознана переписчиками, и деепричастная форма скорее воспринималась как реальное второе однородное сказуемое, определяющее последовательность действия через своё лексическое значение, а не через грамматическую форму. В подобных примерах нами усматривается неполное понимание функции причастия на **-ŷs-* и случай его “живой” языковой интерпретации.

4) использование причастия на **-ŷs-* в функции сказуемого

Данное синтаксическое явление сопровождается свойством, отмеченным в некоторых исследованиях [211: 57–58], как необъясненная закономерность. В частности, в старопольских примерах никогда не встречается предикативизированное причастие на **-ŷs-* в сочетании с глаголом *быть*. А.А. Потебня, собрав в восточнославянских памятниках большое количество примеров употребления действительных причастий настоящего времени в функции сказуемого, ничего подобного не обнаруживает в отношении причастий действительного залога прошедшего времени. В частности, в Остромировом Евангелии их “вовсе нет, а в других церковнославянских памятниках они редки” [172: 132]. Определяется следующая тенденция: в памятниках, сильнее связанных со старославянской традицией, случаев употребления причастий на **-ŷs-* в функции сказуемого почти не наблюдается. Факт отсутствия причастий на *-ŷi* в роли сказуемого в древних восточнославянских и старославянских памятниках комментируется А.А. Потебнёй как результат избавления славянских языков от “излишества двух сходных причастий прош. действ. (*ъ*, *-въ* и *-лъ*)” [172: 132–133]. Принимая во внимание то, что в немногих примерах это явление оставило следы в памятниках письменности, а также в говорах, Потебня заключает [172: 132–133], что старославянские и древнерусские памятники хронологически не далеки от такого процесса в славянских наречиях. Т.П. Ломтев в этом случае добавляет [121: 244], что явление к моменту формирования письменности ещё имело место в тех диалектах, которые находили отражение в текстах, т.е. имело диалектальный, а не повсеместный характер. Например, Ломтев указывает на письменность с чертами белорусского

языка: в некоторых белорусских диалектах причастия на *-šĭ* продолжали функционировать в роли сказуемого (наравне с причастием на *-лѣ*), что и находило спорадическое отражение в памятниках письменности.

Действительно, активные причастия прошедшего времени, “только употребленные своеобразно”, обнаруживает в старобелорусском языке Литовских летописей XV–XVI вв. Е.Ф. Карский [82: 28]. Но при этом Карский в равной степени готов отнести такие случаи к примеру написания *-в-* (= *ŷ*) на месте *-л-* в эловых причастиях. Из Виленской рукописи XVI в. учёный, в частности, приводит следующее: *а как услышавъ князь свя-тослав, што идеть на него скригаило, и онъ исполчивъ воя и поиде проти-вѹ* (10 Вил). В этом примере представлена сочинительная связь причастия с формой аориста с помощью союза *и*, что даёт возможность связывать данный пункт нашей последовательности (п. 4) с предыдущим (п. 3). Уматривать здесь графическую подмену *-лѣ* на *-вѣ* позволяют такие примеры Карского как: *ягаило переступивъ тыи правды мовить* (7 Вил.), тогда как в более раннем Уваровском списке XV в. мы находим тот же оборот уже с эловым причастием: *переступилъ* (33 Увар.). Отражением появления *-ŷ-* на месте *-л-* может служить последнее слово в примере из Виленской рукописи, приведённом выше: *мовить*, – где уже отсутствует этимологический корневой *-л-*. В аналогичном предложении в Виленской рукописи мы можем прочесть слово *смовивши* (1 Вил.), а в Уваровском списке *смовивши* (27 Увар.).

Частое употребление *participium praeteriti activi I* в роли сказуемого также отмечает Кристиан Станг [195: 8] в старобелорусских грамотах и актах эпохи Казимира IV Ягеллончика, короля Польской Короны и правителя Великого Княжества Литовского (вторая половина XV в.). Со временем происходит корректировка такого рода употребления причастий на *-š-*, и в грамотах поздней поры, как отмечает Станг, с ним сталкиваешься реже. Мы связываем упразднение таких синтаксических недочётов в литературных языках с более конкретным определением синтаксического места причастия на *-š-*, а именно – использование его в роли деепричастия-обстоятельства.

На наш взгляд, появление причастия на *-š-* в роли сказуемого – нарушение старославянской синтаксической традиции. Оно могло быть вызвано влиянием говоров (см. раздел 3.2.4. нашего исследования) и смешением фонетических форм причастия на *-š-* и элового причастия.

5) синкретизм форм причастия на **-ŷs-*

При общей тенденции к унификации формы причастия на *-šĭ* (*-šy*) можно отметить её формообразующую нестабильность в славянских языках, что также косвенно является свидетельством “неживости” данного типа причастий.

Отсутствие стабильных грамматических форм причастий предъявляет в качестве признака неестественности, мертвого состояния системы причастий в живом языке словенский языковед и католический деятель XIX – нач. XX вв. Станислав Шкрабец [237: тетрадь 5]. После анализа протестантской литературы XVI в. на словенском языке он указывает, что прежде всего мёртвыми следует считать формы на *-ši*. Идеальными он признаёт только формы причастий в переводах Штэфана Кюзмича [238: тетрадь 7], хотя, например, проф. Мариной Орожен замечено [162], что словенский переводчик Нового Завета 1771 г. Ш. Кюзмич, зачинатель вторичного использования в словенском литературном языке причастно-деепричастных оборотов, употреблял причастия в видовом беспорядке. Как пишет об этом М. Орожен: он “представил бесконечное разнообразие видовых форм, нарушая понятия одновременности и предшествования действия” [162: 50]³. Например, активные деепричастия настоящего времени Ш. Кюзмич образовывал как от глаголов совершенного, так и несовершенного вида: *pridoucsi / idoucsi*, – при этом форму несовершенного вида мог употребить при глаголе совершенного вида типа *idoucsi vrzi vodiczo v morje*, что дословно переведется как “идя, закинь удочку в море” (Мф. 17.27) [108: 57]. Есть образования причастий прошедшего времени активного залога от глаголов несовершенного вида при глаголе совершенного вида, напр.: *I pluvavji na nyega vzéli so <...> trfzt* (Мф. 27.30) [108: 94].

Аналогичным образом “не ощущает” видовой “путаницы” М.В. Ломоносов в своей “Российской Грамматике” (1755), предлагая образовывать действительные деепричастия “прошедшего неопределённого времени”, напр.: *двигаѡъ / двигаѡиши* [120: 131]; *показываѡъ / показываѡиши* [120: 154]; *приучиваѡъ / приучиваѡиши* [120: 157].

Мы также сталкиваемся с явлением, когда некоторые грамматики и писатели начинают создавать морфологию причастий по своему вкусу. Это явление удачно названо “произволом языкового чутья пишущих” [62: 94].

Разнообразное “причастное самотворчество” представлено в “западнорусской” “Граматыке славенской” Лаврентия Зизания (1596). Более всего отступают от старославянского образца полные формы м.р. ед.ч. *participium praeteriti activi* I на *-v*: *iavivy*, *въставый*, *спасыйся* (примеры приводятся по тексту грамматики Зизания в “Старабеларускіх граматыках” Алены Яскевич [247: 227, 235, 237]). Мелетий Смотрицкий в своей “Грамматике <...>” (1619) [194: 128–1286] представляет парадоксальное объяснение образованию подобных форм. Форму *читавый* “прешедшего”

³ Здесь следовало бы взять во внимание формирование категории вида в славянских языках, ведь современный словенский язык и сейчас не совсем чётко отражает категорию аспектуальности, на которую опирается система причастий в славянских литературных языках.

времени он выводит из аориста “от *читахъ* преложену *хъ* на *вѣй*”, а форма *читаавѣй*, созданная им для “мимошедшего” времени, явно образована от имперфекта. Возможно, такое развитие членности в этих формах причастия связано с тем, что в старых текстах, как это отмечает Я. Лось [124: 167], краткие формы на *-и* использовались как прилагательные м.р. ед.ч., тогда как функцию деепричастия “взяли на себя” формы на *-szy*. Хотя употребление форм на *-и* в роли атрибутива оговаривается скорей как исключение для старопольских памятников [86: 384].

Некоторые словенские авторы формы на *-v* без *-ši* предпочитали использовать как личное стилистическое средство. Например, считая чужеродной морфологическую структуру форм с *-ši* после основы на согласный (типа *rekši*), словенский грамматик Петер Дайнко [58: 123] придумывает форму *rekevši*, вокализируя основу глагола и предлагая при этом вообще исключить причастия на *-ši* из атрибутивного использования.

Образования типа *odidši*, *kričevši*, *živevši* мы находим в словенской грамматике Антона Лесаря (*Slovenska slovnica v spregledih*, 1863). Форму *pridši* представляет в своей грамматике словенец Антон Янежич (*Slovenska slovnica* <...>, 1854), поскольку форма *prišedši* не отвечала его языковому вкусу.

Известные случаи морфологического новаторства представляет современная польская орфография, которая в свою очередь остановилась на старопольском принципе написания: здесь в т.н. “*imiesłowcie czynnym przeszłym* на *-szy*”, при образовании этой формы от основы на согласный пишется *-lszy*, так, как будто она образована от причастия на *-l-*, произношение же *-l-* вовсе опускается – *przyszedlszy* [*pʂysʲetʂy*]; *przysięglszy* [*pʂysʲonkʂy*]. Я. Лось даёт следующие пояснения по этому поводу [124: 166]:

Oczywiście zwyczaj pisania *-lszy* wziął początek w mniemaniu, że między imiesłowem na *-szy* a imiesłowem na *-l* istnieje bezpośredni związek genetyczny. Ta pisownia była w użyciu w pierwszej połowie w. XVI i trwała około 100 lat <...>.

Ташицкий пишет [211: 46], что причастные формы с *-l-* между согласным основы и окончанием *-szy* попадают в старопольских памятниках уже в XV в., в частности, в Библии королевы Зофьи, а в Истории о Понтиане (*Historia o Poncjanie*, 1528) морфологически смешанные причастия используются постоянно: *obloklszy*; *rzeklszy*. Ташицкий также предполагает, что эти формы появились не в результате исторического развития, а по аналогии с эловым причастием. После основ на согласный в старопольских памятниках XIV–XV вв. отмечены также формы на *-wszy* типа: *szedwszy*, *padwszy*. В XV в. в старопольских текстах также встречаются формы, когда копиист, словно до конца не понимая грамматического значения формы и возможных вариантов её произношения, “перестраховы-

вается”, на всякий случай употребляя оба показателя причастий прошедшего времени: *wszedłwszy*; *wyrzekłwszy*; *niosłwszy*. Хронология появления таких новообразований, названных “смесью элового причастия с *-wszy*”, представлена следующим образом [86: 385]: самые старые примеры обнаруживаются во второй половине XV в., их становится больше в XVI в., потом частота их употребления снижается в XVII в., и они опять появляются в конце XVIII в. преимущественно в строго литературных текстах. Аналогичные смешения форм в старочешских памятниках с конца XIV в. отмечает Ян Гебауэр [52: 101].

Новообразованием можно назвать и причастные формы, образованные от основы на согласный или носовой гласный типа случаев замены в украинских грамотах XIV–XV вв. [6: 345] – старшего *сѣдѣши* на более новое *сѣвши* – или ст.-польск. *wziqłw* из Флорианской Псалтыри (XIV в.), ведь по старославянской модели такая форма должна выглядеть не иначе как *vъzъtъ* [231: 51], сравните с бел. рег. *узѣмшы*.

Е.Ф. Карский отмечает подобное написание в старобелорусских библейских переводах псалтыри XV–XVII вв. [83: 236] и не только после основы на согласный, напр.: *ѡтвориши*⁴.

Таким образом, в результате ступенчатой нормализации начальное “богатство функций и форм” *participium praeteriti activi I* претворилось, в сущности, в одну форму: наречие-деепричастие, образованное от глаголов совершенного вида и с помощью форманта *-ši* (*-šy*). Это состояние засвидетельствовано большинством современных славянских литературных языков.

3.2.3. Случаи активизации употребления *participium praeteriti activi I* в славянских языках

В процессе литературной нормализации причастных форм на *-ši* (*-šy*) в разных славянских языках отмечаются случаи их “оживления”⁴, активизируется употребление данных причастий в качестве стилистического средства в библейской литературе.

Например, на фоне функционального “замирания” форм причастий на *-šy* в польском языке особой последовательностью и частотностью в их употреблении отмечена Библия Якуба Вуека (1599). Она входила в число наиболее популярных изданий и была известна не только в Польше, но и за границей. Считается, что именно Вуек создал польский библейский

---

⁴ Явление приживания, обновления старых грамматических форм также может называться архаизацией или славянизацией (славизацией) грамматики. В словенском языке можно встретить обозначение “slaveniti”. Термин “славянизация” в значении навязывания моделей старого книжного языка встречается у Бориса А. Успенского [224: 70]. Сергей П. Обнорский в этом же значении использовал понятие “оболгарение” [158: 144].

стиль и, что для нас наиболее интересно, ввёл моду на причастия в польском языке по крайней мере на последующие 300 лет [210: 77–78]. Перевод Вуека делался с латинской версии Королевской Полиглоты 1569–1572 гг. Система употребления причастий Вуеком соответствует Вульгате, но с нередкой взаимной заменой форм прошедшего и настоящего времени, а также с характерным “нарастанием” количества конструкций с причастиями в тексте: их в переводе употреблено гораздо больше, чем в языке источника. Характерно, что в современном переводе Библии на польский язык⁵ с греческого и латинского языка причастия на -*ący* абсолютно исчезают. Например, в Евангелии от Марка представлены разнообразные синтаксические замены бывшим причастиям:

а) **Вульгата:** *ascendens de aqua vidit* (Мк. 1.10.)
Вуек: *wystąpiwszy z wody, ujrzał*
Тынецкая Библия: *w chwili, gdy wychodził z wody, ujrzał*

б) **Вульгата:** *egregientes de synagoga venerunt* (Мк. 1.29)
Вуек: *wyszedłszy z bożnice przyszli*
Тынецкая Библия: *zaraz po wyjściu z synagogi, przyszedł*

в) **Вульгата:** *surgens, egressus abiit* (Мк. 1.35.)
Вуек: *wstawszy, wyszedłszy, odszedł*
Тынецкая Библия: *wstał, wyszedł i udał się*

Автор исследования языка Библии Вуека – Эва Сятковска [210: 77–78] – считает, что рост употребления причастий в библейском тексте мог быть вызван не проникновением живых элементов в устаревший книжный язык, а включением причастий в группу стилистически характерных книжных языковых средств.

Такая же тенденция отмечена Сятковской [210: 79] в переводах лужичина Михала Френцля (1670 г. – Евангелия от Матфея и Марка; 1706 г. – полный Новый Завет). Поскольку официально М. Френцель переводил с Лютера, он, как и автор текста-источника, избегает употребления причастий, ведь известно, что Лютер намеренно упразднял причастные обороты, желая упростить тяжеловесный синтаксис Библии. Тем не менее, фиксируются случаи использования Френцлем причастий там, где у Лютера их, соответственно, не было. Это указывает на то, что Френцель не только пользовался переводом Лютера, но и ориентировался на стиль славянских источников, в частности, польских и чешских, откуда и проникают некоторые причастные обороты в его язык.

⁵ В сопоставлении – *Biblia Tyniecka*, Poznań 1980 (перевод сделан по инициативе Тынецких Бенедиктинцев).

Интересные данные по развитию и употреблению форм на *-ši* в словенском языке приводит М. Есеншек [62: 138–139]. Они представляются нам наиболее характерным примером “оживления” причастий в славянских языках.

Книжная традиция словенского языка начинается в XVI в. практически без форм причастий на *-ši*. Их употребление единично. Это явилось результатом принятия в первую очередь латинско-немецких языковых образцов без опоры на старославянское письменное наследие.

В первых словенских грамматиках формы на *-ši* либо вообще не рассматриваются, либо единичные формы включаются в систему наречий. Так в латиноязычной грамматике Адама Бохорича (1584) причастную форму *skriu/hi* в примере – *skriu/hi pred ozhetom* (лат. *clam pater*) – можно найти именно в разделе о наречиях, как вторичное отглагольное наречие.

Только в XVIII в., когда библейские переводы были сделаны на востоке словенских земель, в Прекмурье, причастные обороты, в том числе и причастия на *-ši*, начинают активно внедряться в литературные начинания как восточной, так и центральной Словении.

М. Есеншек представляет интересные статистические данные [62: 139], отражающие искусственный процесс приживления причастных форм в книжности. Так уже упомянутый автор первого прекмурского перевода Нового Завета (*Nouvi zakon ali testamentom* <...>, 1771) на “старый словенский язык” – Штефан Кюзмич – на первые сто страниц текста Нового Завета использует 371 форму причастий активного залога настоящего и прошедшего времени. При этом интересующие нас причастия на *-ši* в качестве атрибутивного определения используются только 9 раз, в качестве деепричастия – 72 раза. При том, что причастия настоящего времени действительного залога имеют несколько другую пропорцию в употреблении: 170 форм атрибутивного и 120 форм адвербиального употребления. Через десять лет, вслед за Штефаном Кюзмичем, перевод Евангелия осуществляет его литературный преемник Миклош Кюзмич (*Szvėti evangeliomi* <...>, 1781). На ста первых страницах текста он образцово употребляет 383 формы причастия, уже немного активнее используя формы на *-ši* (10 единиц) в роли определения и реже (70 единиц) в функции деепричастия. В группе активных причастий настоящего времени соотношение значительно возросло в пользу атрибутивного использования этих форм: 204 на 89 наречных употреблений. Уже через два года тот же автор, Миклош Кюзмич, в своём новом религиозном переводе (*Kniga molitvena*, 1783) употребляет на 100 страниц только 36 причастно-деепричастных форм вообще, из них атрибутивные причастия на *-ši* составляют 1 форму и деепричастия на *-ši* – 5 форм. Эти данные непосредственно демонстрируют сознательный отказ второго автора от указанного синтаксического

средства, ведь за такой короткий срок в языке не могли произойти столь контрастные изменения.

В дальнейшем с 1789 по 1888 гг., по исследованиям М. Есеншека на выбранной им единице текстового объёма в прекмурской литературе встречалось от 0 до 1 формы причастий на *-ši* и от 1 до 12 употреблений деепричастия. Мы наблюдаем здесь процесс неприживания возрождаемой причастной традиции, а в процессе искусственного приживания – преобладание деепричастного употребления форм на *-ši*. М. Есеншек определяет представленную тенденцию как “исчезновение форм”, поскольку убеждён, что в Прекмуре формы на *-ši* были “старым домашним средством”, т.е. местным языковым явлением, хотя сам автор исследования констатирует, что в “živem govoru niso več srečevali z oblikami na *-č* in *-ši*” [62: 143]. Возродить эти формы, как предполагает М. Есеншек, было невозможно, поскольку, по его мнению, активное и длительное влияние немецкого языка вытеснило данное синтаксическое средство, замещая его другими возможностями выражения.

В частности, принято считать, что на переводе Нового Завета Ш. Кюзмичем (1771), где представлено полное богатство причастно-деепричастных форм, сказался греческий источник. Существенно отличается от перевода Ш. Кюзмича центрально-словенский перевод Нового Завета Юрия Япеля (*Svetu pismu Noviga Testamenta*, 1784), где формы на *-ši* вообще отсутствуют. Вместо них Япель использовал глагольные конструкции с разного рода зависимыми компонентами. В предисловии Япель указал на многочисленные источники и, прежде всего, на Вульгату, Библию Далматина (1584) и немецкий перевод Библии. Отсутствие причастий на *-ši*, чужеродность других причастных форм в языке Япеля объясняется чаще всего именно немецко-латинской основой его перевода.

Казалось бы, словенская грамматика и литературный язык в XVIII в. отказались от причастий на *-ši*. Но в конце XIX в. словенские грамматисты начинают активно описывать причастные формы в своих трудах, стараясь объяснить нормы употребления и образования возрождаемых наново форм.

Инициатором “вторичного возрождения”⁶ причастных оборотов в словенском языке в какой-то степени явился Ерней Копитар, который вёл активные палеославистические исследования и, кроме того, безусловно, был воодушевлён славянскими инициативами в Чехии. В своей грамматике 1808 г. Копитар указывает, что формы на *-ši* ему известны из языка Кирилла и Мефодия, и он жалеет, что в центрально-словенском языковом аре-

---

⁶ Данное определение используется в некоторых работах М. Орожен и М. Есеншека (у Есеншека – “ropovno oživiljanje”), само слово “возрождение” указывает на то, что не оспаривалась их славянская и словенская исконность.

але они не сохранились: “Unſer Dialekt hat diesen Participial Modum nicht, wenigſt nicht im gemeinen Leben; Dalmatin hat ihn in der Poſtſtile gebraucht *puſtivſhiga malo shiviga*; (*poſadivſhi ga na fvoje shivinze*); aber er muß nicht Beyfall gefunden haben, weil er ihn ſpäter in der Bibel vernachläſſigte. Es iſt Schade darum! <...>” [93: 321]. Кроме того, Копитар дал свою оценку двум переводам Нового Завета в центрально-словенском и восточно-словенском языках и перевод Ш. Кюзмича, который, как известно, славился обилием причастий, оценил выше, чем перевод Ю. Япеля [63: 35–52] (см. наше сравнение данных переводов). Вслед за Копитаром его ученик, Матеуж Равникар, проповедник “славянского синтаксического пуризма”, призывает отбросить в словенском языке все синтаксические кальки из немецкого, установившиеся в XVI в., и взамен им использовать старославянские формы, в том числе – причастно-деепричастные обороты. Равникар пытается ввести в язык и краткие формы активных причастий прошедшего времени типа *priſed*; *videv*. Появление подобных форм в словенской грамматике называли “синтаксической новостью” [160: 336–353].

Несколько десятилетий новой грамматической инициативы в словенском языке, обратившей особое внимание на причастия, всё же не давали результатов. Причастные формы использовались крайне редко и часто без достаточного понимания их функций и правил образования. В грамматиках царила путаница, и первая нормализация причастных форм была предложена в грамматике П. Дайнко (*Lehrbuch der windischen Sprache*, Graz 1824). В 1863 г. грамматика А. Лесаря (*Slovenska slovnica*) предложила широкую парадигму образования причастий на *-ſi* от всех групп глаголов, что укрепило возможности употребления этих форм в литературном языке. Фран Левстик в своей работе “Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen” (1866) дал объяснения по образованию и употреблению причастных форм на старославянских примерах, призывая к возрождению старой славянской литературной традиции. Он пропагандировал именно деепричастное употребление форм на *-ſi*, называя эту форму “*deležnik aktivne preteklosti*”.

Тем не менее, сегодня в словенском языке форму причастий на *-ſi* можно считать мёртвой. Стимулированное некоторыми переводчиками и грамматистами употребление форм причастий, в том числе – форм на *-ſi*, в словенском литературном языке XIX в. было краткосрочным и традиция не развилась, особенно в разговорной речи. Если эта форма ещё оговаривается, то с замечаниями, что употребляется редко, чаще в устойчивых сочетаниях и в литературном языке как стилизма с отметкой “архаично”. Не восстановлена она и в говорах.

3.2.4. Особые случаи употребления *participium praeteriti activi I* в говорах

Попытки проследить традицию использования причастий на *-*ŷs*- в различных славянских говорах имеют фактически нулевой результат. Только в белорусских и польских говорах современной Беларуси (Гродненская, Витебская и Могилёвская область), на части территории Литвы, Польши, в северо-западных говорах России (в частности, возле Пскова, Рязани, Великих Лук), а также в районах, которые до определённого времени относились к Западной Пруссии, причастие на *-*ŷs*- замещает эловое причастие в некоторых грамматических значениях и выступает в роли сказуемого. Данное причастие совпадает с формой, представленной в старославянских текстах (форма на -*ŷi* ж.р. ед.ч. И.п.) и выступает в конструкциях с глаголом *быть*, а также в случаях, где глагол-связка опущен, напр.: *у яго дух замёршы; быўшы адна дзерэўня; маць памёршы; каб я ўвiдзеўшы быў бы, спрасiўшы, чаго ён прыходзiў; первы сын родiвся, нязвесна де девся, а четьвяро живиших оставишы; штоб бывши я за хозяина* (примеры из [121: 241]); *дзiця памыўшыся; матацыкал быў застраўшы ў балоце; спярша жыў, а тады у другую вёску ён выехаўшы; сын узёмшы православную; хол я выдраўшы – хол у мяне чысты; так захаладаўшы, ужас; дом ужо настроiўшы; ён тры гады з ёй дружыўшы; córka wyszedzsy zamąż, w Rydze ona mieszka* (примеры наши – И.К., Гродненская обл. Лидский р-н и Витебская обл. Браславский р-н РБ); *byłby jadşy świniacze jadlo, a i tego nie stało* (из пересказа библейской истории о блудном сыне) (примеры из [235: 72]).

Это явление было замечено в польских и белорусских, украинских памятниках письменности, представлено в немногих примерах в староречешских текстах и относится к п. 4 представленной выше (см. раздел 3.2.2.) последовательности. Но при достаточно широком употреблении причастий на -*ŷi* в диалектах, это причастие в функции сказуемого в древних восточнославянских памятниках почти не встречается. Так Т.П. Ломтев в грамотах и актах Литовской метрики (1517), в Евангелии Калиста (1616) находит только несколько примеров [121: 239]: *ино мы съ паны радами нашими того досмотревши* (Грамоты и акты Литовской метрики изд. в Рус. Ист. Библиотеке, т. XX, Лит. метрика, 972); *и мы того выпису с книгъ <...> выслушавшы и с паны радами тому порозумевъшы* (т. XX, Лит. метрика, 966); *все свое штоколовекъ маетъ отдавши* (Ев. Калиста, 184). В древнерусских летописях А.А. Потебня находит только два примера [172: 132]: *лице мы показавшеся будемъ <...> прощени будем* (Лавр., 72); *наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бѣше множество чюди вѣѣзше* (Новг., I, 59). Соответственно, частотное употребление предикативных форм на *-*ŷs*- в ряде говоров вряд ли можно связывать с сильным влия-

нием книжных традиций, но в памятниках польской, белорусской, украинской письменности это явление можно было бы охарактеризовать как диалектное.

Нас в названном явлении прежде всего интересует факт взаимозаменяемости причастий на **-ūs-* и на **-l-* при небольшом изменении глагольных значений. Данную замену в своей грамматике литовского языка (“*Litauisches Lesebuch* <...>”, 1916) отмечал Август Лескин. В “Из записок по русской грамматике” [172] о ней писал как о славяно-литовском явлении Потебня, в “Очерках по морфологии русского глагола” (1953) – Сергей П. Обнорский, в исследованиях польских диалектов – Казимир Нич [151], есть узкотематические статьи других авторов [235: 71–75]. В итоге определено, что это не полное, а частичное замещение: причастие на **-ūs-* нельзя использовать вместо параллельно существующей эловой формы везде, где вздумается. Данное замещение определяется как действие, совершенное в прошлом, но в настоящем явившееся продолжительным состоянием. Это состояние становится качеством предмета, чертой субъекта. Литовское выражение *aš esu matęs vilką* можно перевести, как “я человек, видевший волка”. Хелена Швейковска [235: 71–75], подробно исследовавшая данное явление на литовско-польском пограничье, представляет гамму значений от обозначения предыдущего действия в давнопрошедшем времени: [*zdais'e tama juš byla umaršy*], через состояние, “которое вызвал у себя сам предмет”: [*Maćk'ejić pšyĵexařsy*] – “*Maćkiewicz przyjechał i jest tu obecny*”, до определения в активном: [*ml'ika řk'iřy*] – “*mleko jest skwařniałe*”, – и пассивном значении: [*kon'i přyvykřy*] – “*konie są przyzwyczajone*”. Важно отметить, что такое употребление причастия на *-ři* касается только форм, образованных от глаголов совершенного вида. Ломтев при этом считает [121: 242], что причастия на *-ři* несовершенного вида также употреблялись, но были вытеснены из функции сказуемого, уступая перфекту.

Мы же, напротив, усматриваем в этом диалектном употреблении причастия на *-ři* подлинный перфект. Это самое архаичное из предикативных употреблений действительного причастия прошедшего времени: данная конструкция не только выражает результирующее состояние, действительно соответствующее перфекту, но и указывает на то, что между обоими причастиями прошедшего времени, на *-ři* и на *-l* (в том числе и причастием пассива), а по семантике конструкции – между перфектом и аористом, существовала тесная связь, которую очень трудно восстановить через все языковые литературно-диалектные наслоения. Некоторые примеры, представленные в “Исторической грамматике русского языка” Ф. Буслаевым, очень близки к раскрытию этого грамматико-семантического единства. Буслаев отмечает, что “в областном языке”, “в древнерусском народном языке” “причастие

прошедшее может сочетаться с глаголом настоящего или будущего времени”. Возникает таким образом придаточное предложение, которое есть не что иное, как причастие на *-l-* “с придачею своего собственного оттенка” [35: 134]. Ф. Буслаев отмечает, что сейчас это причастие уже принимается за глагол изъявительного наклонения, но в диалектных примерах оно несёт значение, которое сам Буслаев пытается представить через причастие на *-шій*: “истокъ заросъ хвощемъ стоитъ тихо” (т.е. как бы: заросший хвощем, стоит)” (пример из Акта 1677 г. к описанию г. Шуи). Аналогичные примеры представлены Буслаевым из сборника “Древнія Россійскія стихотворенія, по изданію Калайдовича 1818 г.”, ст. № 150: “что ты, сударыня, идёшь закручинилася” (т.е. закручинившись); ст. № 234: “сскочилъ съ коня, самъ бьётъ челомъ” (т.е. соскочив с коня, бьёт челом); из русских народных песен по изданиям Чулкова и Прача: “пролегла, лежитъ широкая дороженька”, “леталь голубъ по долинѣ, самъ воркуетъ”; из “Евгения Онегина” А.С. Пушкина: “опомнилась, глядитъ Татьяна”. Мы усматриваем в этих диалектных проявлениях русского языка сходство с диалектным употреблением причастия *-šī* в конструкциях, несущих значение действия, совершенного в прошлом, но в настоящем явившегося продолжительным состоянием. В примерах Ф. Буслаева это как раз подчёркивается сочетанием эловой формы с глаголом настоящего времени.

3.3. *Participium praeteriti activi II*

3.3.1. Происхождение и формирование *participium praeteriti activi II*

Схема образования причастия на **-l-* представляется в теории более простой – *participium praeteriti activi II* скорее всего восходит к индоевропейскому именному типу на **-lo-*, в праславянском же языке его форма образовывалась присоединением суффикса *-l-* к основе инфинитива.

Если причастие на **-ūs-* обнаруживает близкородственные параллели в индоевропейских языках как причастие сложных форм прошедшего времени, в частности, в литовском языке (причастия прошедшего однократного и многократного действия образуются с помощью суффикса *-(i)us-*) [54: 294–296], то параллели для отглагольного образования на **-l-* можно найти только в армянском, тохарском и хеттском языках.

Параллели с армянским языком открывает А. Мейе [130: 128–129], констатируя, что инфинитив на *-l-* и причастие на *-eal-* используются в этом языке при образовании составных форм времени, напр.: *cneal em* – “я родился”. Карл Бругманн подводит [23: 333] славянские, тохарские и армянские *l*-причастия к индоевропейским адъективам на **-lo-*. Следы парадигмы элового причастия в хеттском языке представляет Вяч.Вс. Иванов [74: 24].

В индоевропейском языке формы на *-lo-* могли образовывать отглагольные атрибутивы, называющие исполнителей действия (*nomina agentis*), а также субстантивы (субстантивированные прилагательные), называющие действия как результат (*nomina actionis*). Рефлексы развития атрибутивной формы усматриваются в греческом [130: 129]: *μιμηλοφ* ‘подражающий; копирующий’; *στρεβλοφ* ‘крученный; витой, повернутый’; *σιγηλοφ* ‘молчаливый, молчащий’; *τυψλοφ* ‘слепой’; *νοσηλοφ* ‘болезненный’; *απατηλοφ* ‘обманный’. Несколько примеров традиционно приводятся из латинского языка: *bibulus* ‘впитывающий влагу, жаждущий’; *discipulus* ‘ученик’; *figulus* ‘гончар; горшечник’. Предполагается, что индоевропейская форма данного отглагольного атрибутива не имела ни временных характеристик, ни указаний на род образования. Вероятно, она была очень близка по семантике к различного рода антропонимам в славянских языках, которые относятся к общему роду, образованы от глаголов и с помощью форманта *-l-* (фонетические варианты суффиксов – *-la-*; *-lo-*), напр.: рус. *запевала, обдирала, надувала, прилипала, воротила*; чеш. *čtuchala*; польск. *gadula* ‘болтун’, *dhubala* ‘тот, кто что-то усердно ковыряет’, *kręciola* ‘вертун’, *niedbala* ‘небрежный’, *jąkala* ‘заика’, *niezgula* ‘беспомощный’, *bazgrala* ‘тот, кто небрежно пишет’. К этой же группе можно отнести отглагольные образования на *-ило*. Например, слово *жубрило* Владимир И. Даль [56: 546] объясняет как прозвище, связанное с глаголом ‘жуборить, жубрить, есть с трудом на одни зубы, жевать’.

Интересные формы, которые отмечены, как имена ангелов-хранителей, образованные по модели глаголов 3 л. ед.ч. прошедшего времени, представляет ‘Сибирский сборник заговоров первой трети XVIII века’ (цит. [246: 59]):

Сидят на святом золотом дереве, на святом море Акияне три братья, три ангели: брат Посмотрил, его брат Пострелил, его брат Воротил. Посмотрил – показывает супостата; Пострелил – стреляет спорщика и супротивника и чародейщика; Воротил – отвращает всю силу неприятную.

Хотя не исключено, что преобразователь этих имён использует традиционную модель *ангельских* имён с древнееврейским элементом *-ил*, что значит ‘бог’, по типу архангелов: *Михаил, Гавриил*.

Ряд ономастических примеров с элементом *-л-* рассматривает В.Б. Сузанович [204: 183], представляя в т.ч. и фамилии, возникшие впоследствии на основе прозвищ, напр., *Ярила* ‘делающий что-то кое-как’. Такие фамилии встречаются во многих славянских языках, напр.: чеш. *Dřimal, Běhal, Klestil* (от **klestiti* ‘обрезать ветки’); польск. *Krzykała, Przybyła, Cierpiel, Smrodziel, Smarkiel, Pomagiel, Chudziel, Pieściel* [50: 333–335]; словен. *Skuhala, Kosovel* (предполагается – от ‘косу вел’), *Spacal* (от ‘размазал’); бел. *Журыла, Вераціла*. Подобные антропонимы можно обнаружить в немецком

и литовском языках. Основная семантика данных образований, как предположительно и первичных индоевропейских, – “способность к определённому действию”, “качество по действию”, встречается также термин “атрибутивы (прилагательные) наклонностей” [57: 128] и “исполняющее “я”. Часто эти формы образованы от экспрессивных глаголов. Субстантивы, называющие результат действия как качество с помощью форманта *-l-* представлены в различных славянских языках, напр.: бел. *цвіль, прэль, кісель, рубель, капель*; рус. *мысль, боль, заросль, гниль, прибыль, гибель, убыль, купель* – многие эти формы можно назвать общеславянскими.

Характерно то, что современные славянские языки возвращаются к этим древним категориям, а точнее – не теряют их из семантического поля, используя как новые словообразовательные средства, но – это важно подчеркнуть – на основе элового причастия. Например, субстантивы, называющие исполнителей действия, могут образовываться от эловых атрибутивов с добавлением суффиксов *-ec* или *-ik*: чешск. *znalec, ospalec, umrlec, uprhlec / uprchlik* [57: 11–12]; польск. *tubylec*; рус. *жилец*; бел. *здохлік*; серб.-хорв. пример приводит Миклошич [141: 817]: *davalac*. Можно заметить, что эти формы используют уже не только экспрессивные глаголы, но преимущественно интранзитивные.

В современных славянских языках от эловых форм могут образовываться также новые атрибутивы, имеющие значение ‘склонности лица к действию’, например, в чешском языке их называет Франтишек Копечны [91: 278]: *trpělivý, mlčelivý*, – говоря, что эловый адъектив “*osvěžen novým formantem -vý*”.

3.3.2. Развитие *participium praeteriti activi II*

Если вести речь о развитии эловой формы причастия прошедшего времени действительного залога, то следует отметить несколько этапных моментов этого процесса:

- 1) Индоевропейская отглагольная форма причастия на **-l-*, имеющая первоначальное атрибутивное значение, как принято считать, к моменту появления старославянских переводов полностью предикативизируется. В первейших памятниках славянской письменности мы фактически не наблюдаем атрибутивного употребления элового причастия;
- 2) По всей видимости, в дописьменный период своего развития эловая форма, как и другие грамматические формы атрибутов, могла формировать конструкцию составного именного сказуемого: глагол *быть* + *атрибутивная часть* в предикативном употреблении. Однако, в старославянских текстах она формирует уже самостоятельную составную форму времени – перфект, по традиционным описаниям грамматик, не тождественную составному именному сказуемому, хотя и использующую ту же самую модель;

- 3) Особая аналитическая форма прошедшего времени – перфект – определившаяся в грамматике первых славянских переводов, представляет только одну сторону причастного значения эловой формы, предикативную, и только в краткой форме И.п. Характерно то, что перфект в первых славянских переводах является относительно редкой категорией по сравнению с другими формами претерита. В том числе более частотным является употребление дублетной формы активного причастия прошедшего времени на **-ŭs-*, но в атрибутивно-адвербиальном значении;
- 4) С развитием письменной славянской традиции перфектная форма “стремительно” наращивает своё употребление в текстах и постепенно вытесняет все средства выражения претерита, становясь единственной или главной формой прошедшего времени. От семантики предикативного определения *l-participium* развивает значение предиката и переходит в категорию глагола. Характерно, что с активизацией употребления форм старославянского перфекта, во всех славянских языках активизировалось и употребление элового атрибутива в полной форме. Подобно тому, как перфект вытеснил из употребления формы аориста и имперфекта, эловые прилагательные значительно “сократили” употребление атрибутивных причастий на **-ŭs-* во всех славянских языках.

Мы также в некоторой степени придерживаемся схемы развития *l*-причастия, прослеживаемой в исследованиях Ф. Копечного [90: 138–163]: и.-е. адъектив $\Rightarrow$ субстантивация и.-е. адъектива в *nomina agentis* $\Rightarrow$ образование названия действия, акта действия $\Rightarrow$ запущение исходного адъективного значения.

Ниже мы представим расширенный комментарий к некоторым положениям, связанным с развитием причастия на **-l-*.

3.3.3. Атрибутивное и предикативное эловое причастие

Эловое причастие в том наборе грамматических свойств, который представляют старославянские тексты, не относят к полноценному причастному образованию. Данное положение формируется из-за его выразительной функциональной “однбокости”. А. Мейе называет эловое причастие предикативным [132: 211]. Действительно, в старославянских переводах *l-participium* специализируется в предикативной функции, практически не имея атрибутивных проявлений. В частности, это отмечает Кирил Мирчев: “<...> в старобългарския език миналото действително причастие на *-л* няма самостоятелна употреба <...>” [142: 241]. Предполагается, что эловое причастие, до того, как оно закрепилось в предикативной функции, изменялось по падежам, а затем утратило систему склонения, подобно тому, как это произошло с краткими прилагательными [51: 459]. По другим

предположениям [57: 141], краткая форма *l-participium* никогда не употреблялась в качестве определения, а “od niepamiętnych czasów” “służy tylko do tworzenia czasów złożonych” [124: 165]. При этом, как бы параллельно ей и независимо, развивалась форма на *-l-*, выступающая только в атрибутивной функции. В связи с тем, что она выступает как атрибутив в полной форме, удобнее будет обозначить её как форму на *-ly*.

Возникают вопросы, которые неминуемо назревали в столь запутанной грамматической ситуации. Если параллельно с предикативным употреблением эловой индоевропейской формы развивалось её атрибутивное употребление, то почему это употребление не представлено в должном объёме в старославянских текстах? Если в славянских языках присутствуют, изначально присутствовали, и частота их употребления имела тенденцию роста, другие эловые формы, помимо предикативного определения в составе старославянского перфекта, то какую форму называть “эловым причастием”: на *-l-* или на *-ly*?

На последний вопрос в славистике уже выработались определённые мнения. Там, где в конструкции претерита остаётся вспомогательный глагол *быть*, ещё можно говорить о причастном грамматическом значении краткой эловой формы, представленной в предикативной функции, что вряд ли уместно для современного состояния тех славянских языков, где эловое причастие стало, по сути, глаголом.

Витольд Дорошевский считает [60: 243], что назвать причастием краткую эловую форму можно разве что с точки зрения истории этого образования. Предлагается также называть *l-participium* причастием только в некоторых случаях, но с “отстранением” от форм других причастий. Ф. Копечны предлагает [92: 345] вообще избегать отнесения краткой эловой формы к причастиям и использовать термин, представленный в грамматике македонского языка Б. Конеского [94: 168]: “эловая форма” или “эловое образование” (Ф. Копечны это переводит как “*l-ový tvar*”). Копечному представляется возможной только ссылка на историческую основу этой формы, на её причастное происхождение, частично обозначенное морфологическим сходством с другими причастиями, а также формой рода и падежа.

Иржи Дамборски в своём исследовании [57] последовательно называет эловым причастием только атрибутивную форму на *-ly*, ведь во многих славянских языках эта форма, как истинное причастие, склоняется по падежам, является отглагольной формой с характеристиками и глагола, и прилагательного. Он также вводит термин “департиципальный адъектив” (*departicipiální adjektivum*) и приводит для сравнения непартиципальные адъективы с формантом *-l-*: рус. *белый, милый, целый, весёлый, тёплый, кислый*. Форма на *-lъ* в составе славянского перфекта, по мне-

нию Дамборского, явилась только одной из трёх форм развития исходного причастного образования на **-lo*. Славянская причастная форма на *-ly-*, по языковым наблюдениям Дамборского, может быть как атрибутивом так и предикативом, её предикативное употребление отмечено в говорах, в составе перфекта.

Многие славянские грамматики единодушны во мнении, что формы на *-ly-* типа “пришлый” являются производными от форм на *-l-* типа “пришел”. Дамборски считает эту позицию неверной. Он отмечает, что форма “пришел” приобрела определённое грамматическое отнесение ещё в праславянскую эпоху и полностью определила свои функции в роли предиката. В формах типа “пришлый” нет развития вторичных функций из предикативной и нет повторного превращения в форму прилагательного. Эти формы находятся друг с другом только в родственной связи. Причём самыми древними из всех возможных форм на *-l-* Дамборский называет “чистые” прилагательные типа ст.-слав. *зрѣлъ*, *гнилъ*, рядом с ними стоит экспрессивная группа прозвищ и фамилий, от них образованных (см. раздел 3.3.1. нашего исследования), затем идут эловые отглагольные прилагательные типа бел. *памёрзлы*; польск. *przybyły*. И только как более поздняя форма появляются формы на *-l-* в конструкциях типа *pisalъ jestъ*.

Мы всё же придерживаемся позиции, не разделяющей причастия на *-l-* и *-ly-* в развитии, а рассматривающей их как одну форму в различных синтаксических проявлениях, что отразилось как на сохранении краткой формы причастия, так и на развитии полной. Развиваясь из одной формы, данные причастия обрели свою “нишу” в грамматике по двум путям: одно – в направлении к более конкретному временному и видовому отнесению в вербальной группе, другое – к приобретению вневременного значения уже в группе номинальной. Надо заметить, что в цепочке функциональных перевоплощений элового причастия, типа польск. *polegli* (предикативное употребление); *polegli żołnierze* (адъектив); *polegli* (субстантив) представлено соответствие функциональным возможностям других типов причастий.

3.3.4. Вопрос о грамматическом значении элового причастия

В начальной стадии развития эловые формы объединяла не просто гибридная природа причастия, но и интранзитивно-пассивная семантика [106: 445], ибо они предназначались для обозначения результативного состояния. Они могли нести значение результативного активного состояния, если образовывались от интранзитивных глаголов, напр.: рус. *гнить* ⇒ *гнил* ⇒ *гнилой*; *спеть* ⇒ *спел* ⇒ *спелый*. И, соответственно, значение результативного пассивного состояния от глаголов транзитивных: рус. *мять* ⇒ *мял* ⇒ *мятый*; *носить* ⇒ *носил* ⇒ *ношенный*. В данных примерах подтверждает-

ся предположение И. Дамборского о том, что формы типа *гнилой* и *спелый* были очень древними. Ведь они сохраняют семантику результативного состояния, хотя по данным современной грамматики образованы от глаголов несовершенного вида. Сочетание “гнилое яблоко” обозначает “яблоко, которое уже сгнило”, а не “которое гнило долгое время” или форма “рослый” обозначает человека, который уже “вырос” а не “рос до настоящего времени”. Такое несоответствие семантики формы видовой семантике глагола можно назвать “колебанием видового определения” [2: 29]. Если придерживаться “правильной” словообразовательной цепочки современного русского языка, мы получим уже ряд: *гнить* $\Rightarrow$ *гнил* $\Rightarrow$ *гнивший*; *спеть* $\Rightarrow$ *спел* $\Rightarrow$ *спевший* или *сгнить* $\Rightarrow$ *сгнил* $\Rightarrow$ *гнилой*; *поспеть* $\Rightarrow$ *поспел* $\Rightarrow$ *спелый*.

Данное сопоставление указывает на ту мысль, которой мы придерживаемся на протяжении всей нашей работы: избирательная предикативная функция причастия на *-*l*-, как и атрибутивная функция причастия на *-*ŷs*-, были явлением книжным и они имеют одинаковое направление в изменениях глагольной семантики. Атрибутивная форма на *-lŷ-* в книжном языке появилась значительно позже [124: 165]⁷, по нашим предположениям – из говоров, где она оставалась в употреблении с самых древних времен. Именно поэтому она вступила в книжный язык с древней семантикой. Здесь снова подтверждается предположение И. Дамборского, что две разновидности эловых форм развивались параллельно. Но это происходило под влиянием внешних, а не внутренних языковых факторов.

Внутреннее грамматическое развитие предикативных эловых форм на *-l*- значительно опережает развитие атрибутивных эловых форм на *-lŷ-*, которые в какой-то мере были “законсервированы” в диалекте. В тех языках, где сегодня использование форм на *-lŷ-* активизировано, а это большинство славянских языков, среди них – болгарский, чешский, словацкий, словенский, польский, лужицкие языки, белорусский, украинский, – можно говорить о сохранении в них древнейшего грамматического значения: они образуются преимущественно от небольшого числа непереходных глаголов, глаголов совершенного вида, и представляют качество в результате действия или состояния. Напр.: бел. *зляжсалы, амярцвелы, пастарэлы, сцішэлы*; укр. *вигорілий, утеклий, повеселілий, обмоклий, тріснулий, підпилий* [236: 8]; словац. *bdelý, nastalý, ušlý, zvislý, nazrelý, čulý, padlý* [193]; чешск. *omšelý, nejedlý, ospalý, zbludnelý, minulý, opozdelý, stalý, povychladlý* [192]; в.-луж. *zhniły, zwjadły, stuchły, hasły, zmjerzły, přešły* [47: 137]; польск. *stward-*

⁷ Например, Я. Лось отмечает уже довольно частое употребление этих форм в старопольских памятниках XV–XVI вв. [124: 165–166].

niały, podmokły, dojrzały, poległy; словен. *uvele rože, premrzle roke, zmarzla zemlja*; а также серб. *usahla jabuka, žena umrloga* [149: 138].

Показательно то, что, например, в словенском и болгарском языке та же форма, что участвует в образовании перфекта, может употребляться и в роли адъектива. Это краткие формы типа: болг. *засъхнал, застлал*; словен. *moški je osupel* “мужчина остолбенел” и, соответственно, – *osupel moški* “изумлённый мужчина”. Ф. Копечный приводит пример [92: 341] т.н. “народного префекта” (“*lidový perfekt*”), когда в чешских говорах, наоборот, полная форма на *-lý*, используется в составе описательной временной конструкции: *už je odešlý* (если эту фразу превести на диалектную белорусскую – “белорусский народный перфект”, – то получим оборот *ён ужо пайшоўшы*).

Отмечено также, что именно в белорусском и украинском языке сохраняются многочисленные древние формы на *-ly-*, а также то, что эти языки, находившиеся под сильным влиянием русской литературной традиции, как раз в области употребления причастий на *-ly-* сохранили “островок архаичного состояния” [57: 89]. Следует добавить, что в русском языке белорусским и украинским причастиям на *-ly-* прежде всего будут соответствовать формы на *-š-*, типа: бел. *ахрыплы* – рус. *охрипший*; бел. *прыбылы* – рус. *прибывший*; бел. *аслеплы* – рус. *ослепший*; укр. *прибили* – рус. *прибывший*; укр. *визниклий* – рус. *возникший*; укр. *віджилий* – рус. *отживший*, что отражают академические словари двух языков [188; 189]. Здесь снова вмешалась книжная традиция, вытеснившая народную традицию этих форм в русском языке, ибо, к примеру, ещё толковый словарь “живого” языка В.И. Даля (1861) приводит такие обороты как *палые листья, сохлое растение, помёрзлые овощи, талая земля*, но сейчас мы чаще услышим *опавшие листья, засохшее растение, оттаявшая земля*, а формы типа *палый, талый* вытеснены из разряда причастий, приобрели семантику “чистых” прилагательных и стилистически окрашены. Это же подтверждают примеры Ф. Буслаева [33: 148]:

Старинные писатели удачно употребляли прошедшее время изъясит. наклонения на *-ль*, вместо несвойственного нашей речи причастия на *-ший*; напр. в Пс. Ох.* [Псовый Охотник М. 1785. Замечательное по языку, сочинение это перепечатано во 2-м изд. Совершенного Егеря, С.П.Б. 1791. – прим. Буслаева] “гон (т.е. хвост) крепкой, прямой, короткой и не повислой, и никуда на сторону *не скинулся* (вм. не скинувшийся), или на спину кольцомъ *не завернулся*” (вм. не завернувшийся).

Интересно, что в этом примере Буслаев никак не отмечает форму *повислой*, а ведь именно она в современном русском языке вытеснена формой *повисший*.

Есть определённая грамматическая закономерность: в языке, где имеют место причастные формы на *-ly-*, не находится места причастным формам на *-ŝ-*, и наоборот, продуктивная литературная традиция использования форм на *-ŝ-* вытесняет возможности употребления форм на *-ly-* по традициям говоров.

Развитая система употребления причастия на *-ŝ-*, какую мы можем наблюдать, например, в современном русском языке, имеет такую же гибкую систему видовых значений, как и предикативная краткая эловая форма действительного причастия прошедшего времени. Своеобразное синхронное развитие форм на *-l-* и на *-ŝ-* создаёт возможность их взаимной предикативно-атрибутивной трансформации. Если для непереходных глаголов совершенного вида в ряде славянских языков можно найти предикативно-атрибутивную пару с одинаковым формантом *-l-*, типа: рус. *пришел – пришлый* (но и *пришедший*), *сгнил – гнилой* (но и *сгнивший*), то для переходных глаголов такой парой станет только *написал – написавший*. При этом не составляет труда образовать пару из форм несовершенного вида: *шел – шедший; писал – писавший*. Это подтверждает мысль о том, что эловое краткое причастие и причастие на *-ŝ-* не только развивались в общей литературной грамматической среде, но воспринимались как примеры функционального раздвоения одной формы.

К мысли о единстве грамматических значений причастий на *-l-* и на *-ŝ-*, а также о том, что эловое причастие несло в себе значение состояния, нас возвращает старославянский оборот “дательный самостоятельный”. Дательный самостоятельный, признанный многими исследователями старославянского языка как категория книжная, на наш взгляд, представляет семантическое тождество конструкции причастия на *-ŝi-* с субъектом в дательном падеже и конструкции с глаголом связкой *быть* + эловое причастие – обе обозначали состояние. В дательном самостоятельном воплотилось понимание создателями новых славянских письменно-грамматических традиций “живой” славянской категории состояния и возможности её синтаксической трансформации. Ведь присутствие в современных славянских языках форм типа: *человеку ясно, мне грустно, ему холодно*, косвенно свидетельствует об их “живости”, народности. Соответственно, обороты *человек понял, я загрустил, он замёрз*, могли, как синонимичные конструкции, выражающие состояние, быть представлены в оборотах типа: *человеку понявши, мне загрустивши, ему замёрзши*. Что и представил язык как трансформацию единой формы *participium praeteriti activi*.

В современном понимании “категория состояния” употребляется с субъектом только в дательном падеже и по определениям Виктора В. Виноградова [42: 401], Николая С. Поспелова и Евдокии М. Галкиной-Федорук [171: 25] является наречной аналитической конструкцией со струк-

турой именного сказуемого, где глагол-связка *быть*, несущая значение времени, может иметь “значимое отсутствие” [171: 26]. Эти характеристики вполне соответствуют и старославянскому дательному самостоятельному. При этом Пospelов признаётся, что в истории категории состояния присутствовали формы с краткими атрибутами, в т.ч. с эловыми формами в безличном употреблении [171: 36], типа *ты рад, он горазд, я сит, будь здоров; потеплело, нам принесли письмо*, сохранившиеся во многих славянских языках уже как формы застывшие в развитии, но сохраняющие в себе древнее значение категории состояния. Такие конструкции в какой-то степени соотносятся с именным составным сказуемым, называемым в старославянской грамматике перфектом.

3.3.5. Перфект и составное именное сказуемое

“Первоначально быв причастием, наше деепричастие могло, как и другие причастия, соединяться с вспомогательным глаголом в описательных формах спряжения; напр. *ѣсть сѣдѣ* (*есть сидящий* или *судит*), *бѣ оучѣ* (*был учивший* (*учащий* – прим. И.К.) или *учил*) <...>” [33: 149]. Но конструкции причастия с глаголом *быть* квалифицируются двояко в старославянской грамматике:

- 1) если именная часть выражена всеми формами причастия, кроме элового, то это – описательная (сложная, аналитическая) форма выражения сказуемого, называемая “составное именное сказуемое”. Наряду с причастиями именная часть здесь может быть выражена существительным и прилагательным;
- 2) если именная часть выражена эловым причастием, то это – описательная (сложная, аналитическая) форма прошедшего времени, называемая “перфект” (если глагол-связка *быть* стоит в настоящем времени) или “плюсquamперфект” (если связка используется в прошедшем времени (в имперфекте)) и “преждебудущее время” (если связка стоит в будущем времени).

Прилагательные или причастия в составе именного сказуемого употребляются, как правило, в И.п., краткой форме. Что характерно, то же самое можно сказать об эловом причастии в составе перфектных времен.

Думается, что и первая, и вторая аналитические конструкции восходят к единой конструкции, несущей значение “бытности, состояния субъекта в определённом качестве”. Глагол-связка при этом выражает семантику факта существования субъекта в настоящем, прошедшем или будущем времени и распространяется атрибутом в субстантивированной форме (существительное), в основной форме (прилагательное) и в форме атрибута по действию (причастие).

Можно полагать, что перфект не является в старых славянских языках собственно формой прошедшего времени, имеющей своё особое выражение, а является одним из вариантов составного именного сказуемого, где именная часть просто выражена эловым причастием. В какой-то степени мы можем судить об этом по данным из Мариинского Евангелия: перфект во всём памятнике используется только 78 раз, тогда как другие формы прошедшего времени – неизмеримо больше (аорист – 3789 раз; имперфект – 1128 раз) [191: 20]. Однако в Мариинском Евангелии эловое причастие всегда употребляется только в сочетании с глаголом *быть* [150: 15], и такая текстовая картина может формировать отнесение перфекта к особой старославянской форме прошедшего времени.

Это мнение об отнесении перфекта к особой старославянской форме прошедшего времени бытует в традиции славянских грамматик. Как же тогда определяется перфект? Место данной грамматической формы и его функциональная специфика давно породили дискуссию в славистике. Самое распространённое мнение наследует известную формулировку Ф. Миклошича (*Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, 1879–1883) о том, что сочетание типа *даль ѓси* выражает результативность действия, совершенного в прошлом, поэтому вполне соответствует лексическому и грамматическому значению слова “перфект”, что в переводе с латинского обозначает: *perficio, feci, factum* “совершать, доводить до конца”, *perfectus* “завершённый, законченный”. Аналогичную формулировку даёт перфекту А. Мейе, в переводе его книги перфект обозначен как “законченное действие” [131: 211]. Хотя в переводе другой книги А. Мейе [132: 212] представлена следующая формулировка: “перфект, состояние, явившееся следствием какого-либо совершенного действия”. Однако многие исследователи приходят к выводу, что все контекстные значения старославянского перфекта невозможно определить этими традиционными формулировками. Вся трудность в определении перфектной сложной формы обычно возникает при попытке соединить грамматическую семантику составляющих: глагола-связки *быть* в настоящем времени и действительного причастия прошедшего времени, ибо, как пишет А.А. Потебня [172: 256–257], “как глагол, так и причастие вносят в мысль свой оттенок времени”. Таким образом, в одной грамматической форме одновременно присутствует план прошлого и настоящего. Возникает потребность в разделении временной двуплановости на соотношение прошлого и настоящего в перфекте. Если у Лескина в §175 про “описательные” времена [119], а также Кульбакина [98: 133], Вондрака [46: 279] для старославянского прошедшего сложного времени вполне приемлемо название “перфект”, при всей его противоречивости, то Бругманн [24: 549] формулирует его как *perfek-tum praesens*, с чем схожа характеристика перфекта Юрием С. Масловым:

“преднастоящее время” [129]. У Буниной [31: 62–64] определяется такая точка отсчёта, как “момент речи”. Начальная формулировка Миклошича в новейших исследованиях постепенно уточняется от значения “результативность действия” и “результат действия” к значению “результат действия в прошлом, последствия которого выражаются сейчас”; “действие, совершенное в прошлом, соотносимое с ситуацией в настоящем”; “актуальность последствий действия”; “свершившийся факт, важный говорящему лицу”.

В последнее время практически исключается понятие “действие” в семантике старославянской перфектной конструкции, и на первое место выдвигается семантика “состояния, созданного действием”. Новые формулировки направлены на атрибутивную природу причастия, входящего в состав перфекта. Отмечается, что причастие не несёт временной характеристики, а обозначает только предшествование или одновременность с основным действием. Есть утверждения, что перфект вообще оторван от временных отношений, что это своеобразная статичная характеристика субъекта, близкая характеристике, выраженной прилагательным. Потевбня формулирует [172: 260] значения сложных форм времени (перфекта и плюсквамперфекта) гениально просто: “каков кто есть” и “каков кто был”. Рассуждения возвращаются к сходству перфекта с формой именного сказуемого, о котором мы говорили в самом начале этого раздела.

Не усматривает разницы в употреблении причастия на *-лѣ* в составе перфекта и других имён в составе именного сказуемого Т.П. Ломтев [121: 88]. Он объединяет эти синтаксические явления в одном определении “двусоставные именные конструкции”. По замечаниям, сделанным Игнатием В. Ягичем в “Критических заметках по истории русского языка” [247: 138–139], можно думать, что Ягич вообще отрицает факт существования перфекта в живом языке.

Ломтев считает [121: 246–247], что “<...> на сочетания *ѣсмь несѣъ; вѣдѣ несѣъ; вѣхъ, вѣахъ несѣъ* генетически надо смотреть как на именные конструкции с причастием прошедшего времени на *-лѣ* в сказуемом”. Само действие, выраженное таким сказуемым, Ломтев называет “именным действием”. “Именное действие” получает в толкованиях Ломтева, на наш взгляд, абсолютно закономерную интерпретацию. Пытаясь перевести грамматическими средствами современного языка сочетание “*ѣсмь несѣъ*”, Ломтев (неизбежно – прим. И.К.) прибегает к форме *participium praeteriti I*: “генетически ст.-сл. перфект мог бы обозначать “я несший”. Такое понимание перфекта Ломтевым обнаруживается и у Потевбни. Последний пишет [172: 256–257], что примеры из Лаврентьевской летописи типа: *єлико нас хрестилися єсмы, кляхомъся церковью ильи* (Лавр. 22), – можно было бы интерпретировать так – “мы, сколько нас есть (в настоящее

время) крестившихся (прежде), поклялись <...>”. У Потебни обнаруживается пример [172: 262], когда старославянский плюсквамперфект **изгыбѣ** соотносится с новейшим воплощением **бѣ погыбѣ**. Оба выражения предлагается перевести как “он был погибшим (погибший)”. Попутно возникает вопрос: а чем является форма **погыбѣ** для восточнославянских памятников письменности, – причастием на *-*I-* с редуцированным в результате местного произношения эловым показателем или же формой причастия на *-*ys-* в роли сказуемого?

Итак, очередной раз даёт о себе знать двойственная природа причастия: эловая форма, выступающая в составе именного сказуемого, помимо предикативных выявляет и атрибутивные свойства. Поэтому значение перфекта нельзя назвать собственно деятельностью, которую проявляет субъект – это деятельность как качество, это определённое состояние, которое переживает субъект. “Серединность” семантики такого оборота хорошо выражает определение Ломтева [121: 224]: “действие, оформленное в виде атрибута”.

В соответствии с такой семантикой неслучайным является использование глагола *быть* для выражения состояния. “Глагол бытия” нёс индоевропейское значение того, что существует, бывает по обыкновению, длится [75: 75]. Состояние могло выражаться сочетанием глагола-связки *быть* не только с активным причастием прошедшего времени, но и с другими формами причастий.

Можно ли тогда найти объяснение тому, что составное именное сказуемое, называемое по традиции перфектом, выделяясь на фоне составных именных конструкций с другими причастиями, стало родоначальником современных прошедших времен?

Важно отметить, что такое развитие – от атрибута в составе именного сказуемого до предикатива с глагольными характеристиками – получают все формы причастий, которые мы восстанавливаем в исходной славянской системе причастий в разделе 1.3. нашего исследования.

Конструкция ***быть* + активное причастие настоящего времени на *-*nt***, выражающая состояние от неопределённого, неограниченного предельно действия, развивается и в итоге совпадает в значении настоящего, неопределённого действия. Вовлечение причастия на *-*nt* в глагольную парадигму различных языков – достаточно доказанный факт [75: 81–83]: в славянских языках оно также даёт форму 3 л. мн.ч. глаголов настоящего времени.

Конструкция ***быть* + пассивное причастие прошедшего времени на *-*t*, *-*n*** в славянских грамматиках обычно не входит в парадигму глагола, но имеет предикативное значение и глагольные характеристики, в результате чего её нередко называют “пассив-перфектом”, а в некоторых грам-

матиках, например, в грамматике А.В. Исаченко [79: 363] выражения типа *дом построен* или *дом будет построен* отнесены в пассивную парадигму глагольного спряжения.

Конструкция **быть + активное причастие прошедшего времени на *-I** реализует ту же самую тенденцию, повторяя её механизм, причём одновременно с пассивным причастием прошедшего времени, но гораздо позже, чем конструкции с причастием на ***-nt**, утрачивая глагол-связку в первую очередь в форме 3 л. ед. и мн.ч., причём во множественном числе быстрее, чем в единственном. Отсутствие глагола-связки при эловом причастии фиксируется в самых первых славянских памятниках. Ф. Буслаев приводит такие примеры [33: 131–132] из Супрасльской рукописи: **четырьми десаты дньми постомъ илиа изискавъ господа видельъ** [Супр. 68]. В памятниках древнерусской письменности “сокращенная форма перфекта” распространена уже в XIII в. [33: 131–132]. Например, Смоленская грамота 1229 г., договор князя Мстислава Давидовича с Ригию и Готским берегом (этот памятник имеет отношение и к истории белорусской письменности) не представляет глагола-связки при подлежащем или если его характер ясен из контекста – **того лѣты, коли альбрахтъ владыка ризский умьрль, възду-малъ князѣ смоленскыи <...>**. Самое раннее свидетельство употребления “сокращенного перфекта” представлено [248: 284] в древнейшем русском канцелярском документе – Тмутараканской надписи 1068 г.: **<...> глѣбъ князь мѣрилъ ѿ по ледѣ ѿ тѣмѣторокана до кърчева <...>**.

Отсюда предполагается, что такое состояние перфекта было характерно для славянских говоров ещё в дописьменную эпоху. Его “живое” проявление в письменности сдерживалось правилами новой сформированной синтаксической традиции. Например, Т. П. Ломтев [121: 109] отмечает, что распад сложной формы перфекта в белорусском живом языке может быть отнесён не позднее XIV в., а в XVIII в. сложных форм перфекта в “живом” народном белорусском языке уже не было. Но именно письменная традиция сохраняет в старобелорусских памятниках употребление связки в определённом лице (преимущественно 1 и 2 л.) при причастии на **-ль** и в позднейших памятниках XVII в., причём, подчёркивает Ломтев, исключительно при причастии на **-ль** [121: 98]. Это может обозначать, что сложные формы перфекта являлись элементом литературного стиля, а глагол-связка *есмь* или *еси*, по предположению Ф. Буслаева [33: 131–132], могли употребляться вместо “я” и “ты”, реально употреблявшихся в народной речи.

3.3.6. Перфект и аорист

Таковыми же яркими элементами литературного стиля являлись простые формы прошедшего времени: аорист и имперфект. Можно сказать, что на

уровне перфекта “борьба” между устной и письменной традицией в славянских языках сопровождалась выпадением или сохранением глагола-связки *быть*. На уровне форм прошедшего времени это было представлено формальным и семантическим “поглощением” аориста или имперфекта перфектными формами. Поглощение на формальном уровне выражалось в ошибочном употреблении и образовании прошедших простых времен

“и началось въ русской письменности весьма рано (уже в XII в.), и съ теченіемъ времени всё болѣе и болѣе усиливалось, такъ что въ памятникахъ XVII в. въ этихъ формахъ одно лицо употребляется вм. другаго; напр. у Дан. Зат. (Слово о Даніилѣ Заточникѣ (XII в.)) по списку XVII в.: “умъ мой яко ночный вранѣ на нарищи **забдѣхъ**; у Даніил. Поломн. (Даніилъ Паломникъ) по позднѣйш. списку: “тогда онъ **поклонихся**”, “азъ ту **стояше**”, или же смѣшиваются безо всякаго порядка древнѣйшія формы прошедшихъ съ позднѣйшими <...>” [33: 131 в прим. 2].

Помимо неправильного употребления личных форм аориста и имперфекта отмечается смешение элового причастия, в т.ч. причастия на **-ys*, с аористом или имперфектом, напр.: имперфект **всѣдѣоваше** добавлял элемент причастия *-в-* и форма **повѣсѣдовавше** использовалась вместо имперфекта или аориста [224: 150]. Или же примером такой гиперкоррекции может быть использование связки *быти* при аористе, типа: **посла ѱси** (Берестяная новгородская грамота № 99, XIV в.) Нередко формы аориста образуются по унифицированной модели, когда от эловой формы с основой на гласный можно отсечь показатель *-лѣ*, и останется чистая основа сигматического аориста. Но по аналогии эта модель стала употребляться и для основ на согласный, в результате чего вместо **сѣдѣ** появилось **сѣ** [224: 147], что тоже может свидетельствовать о несвойственности аориста живой речи. Как отмечает Б.А. Успенский [224: 150], прецеденты такого смешения можно найти уже в XI–XII вв. Если бы формы существовали в живой речи, то, пожалуй, живая система форм обеспечивала бы их правильное образование, и такие искажения и контаминации были бы невозможны.

Но аорист выступает в самых различных жанрах славянской письменности, в результате чего часто считается не старославянским архаизмом и стилистическим элементом книжности, а, всё же, средством, использовавшимся и в разговорном языке. Однако в текстах, написанных, по выражению Успенского [224: 152], “более простым вариантом церковнославянского языка” встречается уже в XI в. минимальное количество аористных форм. Нет ни одной формы аориста в Мстиславской грамоте 1130 г. [224: 144], а вместо него используется старославянский перфект. Смоленская грамота 1229 г. представляет синтаксис с эловым причастием, представляющий иерархию действий, которую старославянский язык обозначил бы

традиционным аористом с подчинённой формой *participium praeteriti activi I*: *вздѹмалѣ князѣ смольнескыи мѣстиславѣ двѣдѣ снѣ прислалѣ въ ригѹ своего лѹчшешего попа <...>* [224: 144]. Показателен также пример из грамматики Якубинского [248: 290], где автор отмечает, что в договорной грамоте Александра Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 гг. в начале грамоты “густо выступают аористы”: *докончахомъ, отложихомъ, выдахомъ*, – а в последних строках аористы исчезают и употребляется только перфект, в том же значении: *есмы отстѣпили, цѣловали* и др., т.е. с тона книжного писец збился на формы более привычные, разговорные. По мнению Якубинского [248: 313–314], аорист использовался, но вышел из употребления в живой русской речи в XI в. Белорусские исследователи пишут [30: 207–209], что в народной речи аорист не существовал уже в XII–XIII в., но сдерживался в письменности до XVII в. Его наличие в книжном языке в позднее время используется как дань книжной традиции. Но даже при формальном использовании форм аориста, носители языка, скорее всего относили его к грамматическому образованию, равному по своему значению перфекту с эловым причастием. Иначе как можно объяснить то, что ряд “западнорусских” грамматик (Лаврентия Зизания 1596 г., Мелетия Смотрицкого 1619 г., Ивана Ужевича 1645 г.), польские грамматики XVI в., например, грамматика Франциска Месньена 1649 г., представляют в одной парадигме форм прошедшего времени формы аориста с окончанием *-хъ* в 1 л. ед.ч. и перфект, типа: (я) *чтохъ*, но (он) *чель*, (она) *чла* [из грамматики Смотрицкого по 194: 121]; *азъ глаголахъ, ты глаголашь еси* [из грамматики Ужевича по 249: 319]; “in prima persona *bylech / bylach / byloch*, in plurali *bylichmy* [Francisco Mesgnien, “Grammatika sev Institutio Polonicae lingvae <...>”, 1649, 59]. Аналогичное смешение аориста и форм перфекта, а также смешение имперфекта с эловым причастием и имперфекта с аористом, представляют формы множественного числа у названных грамматистов, например, у Смотрицкого [194: 19] – (он) *биль*, (они) *биху* – формы мужского рода, но (она) *била*, (они) *биша* – формы женского рода: у Ужевича [227: 25] – сингулярная форма *пановалемъ*, плюральная – *пановалихмы*.

Такая модель, соединяющая окончание аориста с эловым причастием, получила распространение не только в ранних восточнославянских грамматиках, но и в языковых памятниках, например, в старобелорусской письменности XVI в.. Формы типа: *заставилихомъ, допустилихмо, потвердилихмы, реклихмо*, – встречаются в Евангелии В. Цяпинского (1580), в Литовском Статуте (1588) [30: 211]. Контаминацию форм прошедшего времени можно встретить и в Библии Скорины (1517–1519): “Азъ далахъ рабу мою до лона твоего” (*Книга Бытия*, 29). “У старобеларускай пісьменасці зафіксаваны таксама адзінкавы выпадак пранікнення аорыстнага

паказчыка *-х* унутр дзеепрыметніка на *-л*: *питье мое с плачѣмъ ростворѣхль есми*” (*Псалтырь* XVI в.) [30: 211]. Смотрицкий же в своей грамматике (194: 123) пишет, что прошедшие времена “Руска иногда *языка навывкомъ*” образуются, имея ввиду эловое причастие с глаголом связкой или без неё “*ѣхъ, чѣхъ есмы*”, и давая тем самым основание считать другие способы выражения прошедшего времени “нерусскими”.

Эловое причастие в перфектной конструкции или в форме “сокращенного перфекта” в славянских языках в дальнейшем фактически полностью замещает аорист и имперфект, становясь обобщённым выражением прошедшего времени. Этот факт имеет противоречивые объяснения, прежде всего в вопросе с трансформацией видовых значений аориста, имперфекта и перфекта. Например, у Якубинского [248: 243] перфект, который по определению выражает законченное действие или результативное состояние, оказался способным выражать совершенный и несовершенный вид глагола, поскольку “оттенок настоящего, который был присущ перфекту и выражался в связке *есть*, соотносил его с несовершенным видом”.

Как мы уже определяли выше, перфект, видимо, прежде всего использовался для выражения состояния, вызванного совершенным действием, что в современных славянских языках развилось в значение результата действия и по семантике стало равно аористу, а в дальнейшем – другим формам претерита, тем самым вытеснив их из употребления. В начальный период славянская письменность отражала грамматическую разницу этих форм, и ранний славянский перфект был противопоставлен аористу и имперфекту, в том числе и презенсу, как состояние может быть противопоставлено действию. Такие семантические параллели явились наследием и.-е. видо-временной системы, и старославянский перфект по сути является архаизмом видо-временной системы. Разделение **перфект – аорист** возникает на древней видовой семантике действия, “не имеющего предела” и действия “ограниченного пределом” [19: 69–86]. У А. Мейе это разделение представлено в выражениях “законченное действие” и “момент завершения действия” [131: 211].

Изменение значения перфектной конструкции было направлено от состояния к пределу состояния, т.е. к результату действия. Эти понятия по сути совпадают в своей семантике, ведь результативное действие и есть состояние, которое наступает после полной исчерпанности процесса. Таков семантический механизм преобразования причастия на **-l-* из конструкции именного сказуемого в предикатив и, как следствие, вытеснения аориста старославянским перфектом.

То, что эловое причастие заменило аорист, в дальнейшем определило его развитие в разноречивую форму. Ведь эловое причастие совпало с аористом в словообразовательной основе, основе инфинитива. Грамматика

глагола в старославянском языке выражалась внешнефлективным способом, сопровождаемая различием аффиксов. Это значит, что при образовании аориста не было ограничений в видовых характеристиках основы, потому что сам аорист, его грамматическая форма, его окончания давали глаголу понятие завершённого действия. Следовательно, эловое причастие, замещающее аорист, с утратой его специфических показателей, утрачивает и его специфическую видовую семантику, оставаясь только при его глагольных основах разных видов. Например, если аорист *писахъ* обозначало “я написал”, то при вытеснении этой формы эловым причастием не только формант аориста *-хъ* заменился на *-лъ*, но поменялось и видовое значение нового претерита – *писалъ* уже является формой несовершенного вида. С развитием новых способов выражения результативности действия эловое причастие абсолютно перестаёт нести только значение совершенного вида и становится многофункциональным глаголом прошедшего времени.

3.4. Функции и соотношение *participium praeteriti activi* I и *participium praeteriti activi* II

Представленные нами теоретические положения и некоторые числовые данные (см. П.2.) дают возможность считать, что эловое причастие не возникло в системе славянских языков, как особая перфектная форма причастия. В живом языке мы обнаруживаем две стороны его функционального использования. Механизмы развития элового причастия в предикатив и атрибутив повторяют древние языковые механизмы развития всех причастных форм. В славянских языках это раздвоение переживают все формы причастий, которые мы схематично включили в славянскую партиципиальную систему в разделе 1.3.: активные причастия настоящего и прошедшего времени, пассивное причастие прошедшего времени.

Все славянские языки представляют древнее преобразование *nt*-причастия в форму глагола настоящего времени; все славянские языки предикативизируют *I*-причастие и *t(n)*-причастие, и во многих славянских языках эти формы выполняют чисто глагольную функцию.

Совершенно очевидно то, что старославянская конструкция с эловым причастием и глаголом-связкой *быть*, называемая в грамматической традиции перфектом, начиная с первых славянских памятников письменности, активно стремится упорядочить своё употребление в синтаксисе, заданном ей литературной традицией. Следует отметить, что её использование в конструкции составного именного сказуемого для выражения состояния полностью совпадает с семантикой подобных конструкций с причастием на **-ŷs-* в ряде славянских говоров (см. раздел 3.2.4. нашего

исследования). При чем, белорусские, русские и польские говоры, где такие конструкции “живы”, представляют самое древнее значение перфектной конструкции – “результативное состояние”, и морфологически противопоставлены действию, которое выражает бывшее эловое причастие. Такое противопоставление равно по сути старославянскому противопоставлению перфекта аористу и имперфекту.

Примечательно то, что славянские литературные языки, “адаптировавшие” атрибутивное употребление причастия на **-ŷs-* в своих системах, допускают или предпочитают замену конструкции с атрибутивным причастием на **-ŷs-* на глагольно-именную конструкцию с эловым причастием. Так Татьяна Н. Волынец, рассматривая “трансформационное проведение” причастий в современном русском языке [45: 9], выделяет причастие прошедшего времени на *-ви-* в группу причастий, допускающих грамматическую и семантическую трансформационную замену в предикативную форму глагола с морфемным показателем *-л-*, напр.: “<...> сон, подымавшийся над Россией” в “<...> сон, который подымался над Россией”. Т.Н. Волынец относит трансформационную замену причастий прошедшего времени типа *державший* в предикативную форму глагола типа *держал* в современном русском языке к стандартным трансформациям, предполагающим свободное преобразование причастной формы в семантически и грамматически соотносительную форму глагола [45: 12].

Трудно до конца представить, какая модель грамматической абстракции была избрана в отношении причастий на **-ŷs-* и на **-l-* в первых старославянских переводах. Очевидно то, что функция причастия на **-ŷs-* была определена более конкретно, чем причастия на **-l-*. (см П.2.).

Выводы к гл. 3:

В границах XVI–XVIII в. (для некоторых славянских литературных языков уже в XIII–XIV вв.) в письменности различных славянских языков наблюдается ряд активных процессов, связанных с действительными причастиями прошедшего времени. С позиции книжной эволюции грамматики изменения выразились в следующем:

- причастие на *-ŷ-* из атрибутивного употребления развивает деепричастную функцию и закрепляется в данной синтаксической роли в единой форме, утратив систему склонения и морфологические варианты. Наблюдается процесс разложения оборота сказуемого с причастием на сказуемое с придаточным предложением [172: 125];
- причастие на *-l-* активно развивается в предикативной функции и вовлекается в систему глагола с постепенным “стяжением” конструкции составного именного сказуемого, называемого в старославянской традиции перфектом (“слияние составного сказуемого в цельное” [172: 125]);

- причастие на *-ŝ-* и *-l-* начинают “подменять” друг друга в прежних функциях: предикативное эловое причастие выступает в роли атрибута с развитием членной формы, а причастие на *-ŝ-* в своих вариантных формах иногда выступает в роли сказуемого или однородного сказуемого с основным глаголом;
- эловое причастие, приобретая семантику глагола, вытесняет из употребления другие старославянские формы претерита: аорист и имперфект.

С позиции эволюции диалекта и его проникновения в литературную сферу изменения проходили по следующим причинам:

- причастие на *-ŝ-* теряет функцию атрибута, потому что оно не использовалось в этой функции в говоре;
- причастие на *-l-* развивает все свои функции – предикативную и атрибутивную по “живой” модели изменения всех причастий, являясь, видимо, единой формой *participium praeteriti activi*;
- две формы активных причастий прошедшего времени начинают подменять друг друга в силу диалектной интерпретации книжного материала. По выражению Р. Ружички, владеющий только славянским языком мог распознать в старославянской грамматике только синтаксис, присущий его родному языку [187: 82];
- причастие на *-l-* вытесняет формы аориста и имперфекта, потому что многим славянским наречиям они могли быть не присущи.

На наш взгляд, в функциональном совпадении элового причастия и причастия на **-ŷs-* заключен “момент языковой истины”, который, к сожалению, не лежит на поверхности. Мы можем только предполагать, что два славянских причастия прошедшего времени действительного залога восходят к одной форме. С зарождением старославянской книжной традиции единой форме был предопределён различный путь развития, и следы “близкого родства” разделённых форм представляют как разговоры, так и темночисленные “нарушения” в их грамматической интерпретации, которые мы описывали выше.

ГЛАВА 4.

НАДГРАММАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИЧАСТИЙ

4.1. Роль контактов диалекта с языком высшей культуры

При оценке данных грамматики старославянского, отдельных славянских языков и, в целом, любого языка, нельзя не принимать во внимание данных надграмматических, не учитывать особой роли языковых контактов.

В теории формирования литературных языков на первый план преимущественно выдвигается схема их отдиалектного развития, а в нормированных книжных языках видится “в первую очередь и почти исключительно материал для историко-генетических исследований, для восстановления форм и структуры праславянского языка<...>” [214: 3].

В традиционном понимании язык постепенно нормализует свои элементы из диалектного собрания произносительных, грамматических и лексических единиц. Говор учится выражать высокоинтеллектуальную мысль также посредством дополнительного заимствования лексики, некоторых аффиксальных элементов и синтаксических конструкций из других языков, прежде всего из языков высшей культуры (образцовых языков [39: 107]; высокопрестижных языков; культурных диалектов [110: 232]; высокоавторитетных языков; языков-эталонов-моделей [214: 35]). Диалект народный, до этого не предназначенный для таких целей, приобщается к развитой культуре абстрактного мышления.

Контакты говора с языком высшей культуры обычно трактуются как дополнительные факторы, поддерживающие основные, по выражению Тадеуша Левашкевича, “rodzime siły sprawcze doskonalenia sprawności funkcjonalno-językowej” [110: 233]. Но в нашей работе возникла необходимость дать новую оценку языковым контактам и их роли в формировании литературных славянских языков. Мы принимаем позицию, высказанную рядом исследователей, о том, что на европейском пространстве контакт

диалекта с языком высшей культуры являлся главным, а не дополнительным фактором в формировании литературных языковых норм.

4.2. Система переводческой деятельности Кирилла и Мефодия

Ещё не было славянской литературной традиции, но был уже литературный язык – так можно дополнить известное замечание Александра Брюкнера: “nie było jeszcze piśmiennictwa, ale był już język piśmienny” [26: 204]. Следует признать, что формы и модели “живого” языка служат образцами для славянских литературных языков не в пору становления славянской письменности, а гораздо позже, приблизительно в XVI веке.

А в IX в. первым переводчикам библейской литературы для славян образцами служили прежде всего высокопрестижные греческий и латынь, уже имевшие наддиалектный характер.

Для хорошо образованных греков-полиглотов Кирилла и Мефодия литературной основой для старославянских текстов был прежде всего греческий язык. Р. Вечерка пишет [38: 164–165], что “старославянский стал языком письменности в результате продуманной и целеустремлённой деятельности филологически образованного лица и <...>, как язык переводов, испытывал влияние языка подлинников – греческого, в самых разнообразных формах”. Кирилл и Мефодий, образовательный уровень которых имел глубокие риторические традиции, не могли допустить просторечия, недостатка языковой культуры. Язык перевода был и символом причастия к новой вере, отсюда, как пишет Ф. Буслаев о славянских переводчиках Святого писания: “<...> Всякое слово, имѣвшее смыслъ языческаго поклоненія, они почитали недостойным чистоты Евангельской” [32: 90]. Но неизбежно первым славянским переводчикам нужно было прикоснуться и к народному языковому материалу.

В возникшем состоянии языкового смешения (литературно-диалектной языковой интерференции) трудно определить, что можно назвать основой переводного текста и формирующегося на его базе литературного языка – диалект или литературный язык оригинала. Важно учитывать и разделять две основы формирования книжного варианта языка: литературную и диалектную.

Старославянский язык, в качестве диалектной основы которого был использован болгаро-македонский славянский говор, нуждался в своего рода доработке, урегулировании, даже исправлении⁸, чтобы стать функционально пригодным для перевода библейских текстов, а значит, функционально

---

⁸ У Р. Вечерки – “zpravidelněn” язык [39: 71]. Вечерка называет это также “искусственным достроением грамматической системы” [38: 165].

равным греческому оригиналу. Б.А. Успенский отмечает [224: 32–35], что общий язык славянской литургии и литературы создавался как равноправный и даже эквивалентный престижному греческому языку. Именно теснейшее подчинение греческому языку, а не живым славянским говорам, могло подтвердить благородство старославянского языка.

Неслучайная систематическая переводческая деятельность Кирилла и Мефодия имела достаточно оснований на утверждение книжных норм греческого образца, но вместе с этим она имела право на предвосхищение нормы из возможностей разговорного славянского языка. В тех сферах, где выразительных способностей народного языка было недостаточно, не только используются греческие кальки, а формируются языковые средства, потенциально заложенные в систему говора, но до этого не использованные в практике. Н.С. Трубецкой пишет [223: 59]:

<...> св. Кириллу и его брату св. Мефодию <...> пришлось ввести в солунско-славянский говор очень много новых слов”, “эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян <...>, частью были заимствованы из греческого, частью же были созданы из славянских элементов по образцу соответствующих греческих слов.

Но такое “подтягивание” языка до нужного уровня, относилось не только к лексике. Подобные наблюдения в сфере синтаксиса проводил Р. Вечерка, который отмечает [39: 72; 107], что в синтаксисе старославянского языка непосредственных калек, созданных по образцу греческих, немного; их количество ограничено только отдельными случаями. Однако,

“řečtina <...> přispěla tak k aktivizaci a ke zformování některých prostředků, které byly v nářečním lidovém základu staroslověnštiny nerozvinuté nebo v něm byly obsaženy jen latentně, jako skryté výrazové potence”.

Вечерка называет их “конкурирующими языковыми средствами” [39: 107], “у них нет аналогии в других славянских языках – они являются книжным <...> выражением” [38: 165]. Их употребление в системе старославянского языка было более частотным, чем использование прямых калек с греческого. На греческую языковую модель и её грамматическое значение накладывалось диалектное славянское языковое средство, имеющее до этого, возможно, приближенную, но иную грамматическую функцию. Поэтому для нового гибридного способа выражения сложно найти прямые греческие кальки или выявить исходную функцию составляющих.

Отсюда реально предполагать, что славянская система причастий, которая находится в центре нашего языкового исследования, явилась результатом усовершенствования возможностей диалектного материала, была культурно-диалектным творчеством и, по образному выражению Никола-са Ван-Вейка [36: 396], была “внушена” греческим языком.

4.3. Авторитет Библии и создание “библейского стиля” в языке переводов

Следует учитывать и другой фактор, определяющий развитие нового литературного языка и его грамматической системы. Наряду с существованием высокоавторитетных языков существуют и авторитетные тексты. Таким текстом для новых книжных языков средневековой Европы, в числе которых – старославянский, являлась Библия.

Славянские литературные языки начинались с перевода библейских текстов. Библейский текст был текстом первичным. Он служил образцом во всех отношениях. В своём исследовании “О вліянні християнства на славянскій языкъ” Ф. Буслаев отмечает [32: 90]:

Разсматривая славянскій переводъ Св. Писанія съ точки зрѣнія лингвистической, мы убѣждаемся въ той мысли, что переводчики старались передать слово Божіе и идеи Християнскія во всевозможной чистотѣ.

Древнейший образцовый текст можно назвать архетипом. В какой-то степени перевод архетипа можно сравнить с копированием, ведь раньше образованный человек в большей части мог знать библейские тексты на память. Следовательно, им усваивались библейские языковые формулы, языковой стиль, перенесение которых в переводной текст было не только механическим, но часто обязательным.

Если в IX в. для старославянского языка литературной основой явился библейский текст на греческом языке, то формирование греческого библейского стиля началось ещё при переводе семитских оригинальных текстов. Так называемая Септуагинта (*Septuaginta*), перевод Ветхого Завета семьюдесятью переводчиками с древнееврейского на греческий⁹, в дальнейшем служила образцом для новых греческих и латинских переводов Библии.

Структура древнееврейского и греческого языков была различной. Но Библия была объявлена Богом через пророка, т.е. записана с живого божьего слова, поэтому слова Библии обладали нерушимой святостью. Достаточно взять, к примеру, уже новозаветное свидетельство в Откровении св. Иоанна Богослова [Ин. 22.19]: “И если кто отнимает что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей”. Такого рода серьёзные предупреждения для толкователей и переводчиков напоминали, что Библию, каноническую священную книгу, нужно было переводить очень точно, в том

---

⁹ Данный язык определяют как особенный, т.н. иудейско-греческий или эллинский, а также метафорически называют “еврейские мысли в греческом одеянии”.

числе максимально соблюсти количество и порядок слов, не изменить их значения.

Отсюда в греческий текст, язык которого был впоследствии перенесен в новозаветную литературу и служил образцом для Кирилла и Мефодия, попадают обороты, совершенно не свойственные классическому греческому языку. Семитские устойчивые выражения, повторяющиеся конструкции могли переноситься в греческий текст без изменения.

Таким образом формируется т.н. “библейский стиль” языка, в котором, с одной стороны – перевод должен находиться в однозначном соответствии с оригиналом, а с другой стороны – предполагается несоответствие языку перевода, использование копированных стилистических средств, развитие этих стилистических средств как элементов “библейского стиля” [210: 75–76], нередко с усилением частотности их употребления¹⁰.

В дальнейшем в переводы с греческого на славянские языки аналогичным образом переносятся традиции и соблюдаются правила “библейского стиля”.

В связи с нашими исследованиями нас заинтересовала гипотеза Эвы Сятковской [210: 75–76] о том, что конструкции с причастиями в формирующихся славянских языках являются ярким примером наследственности “библейского стиля”.

Э. Сятковска приводит примеры приближенного перевода древнееврейских причастных оборотов на греческий язык, в котором, как известно, имелась собственная развитая система причастий и их синтаксического употребления, однако, при переводе она не была использована или использовалась ошибочно. Сятковска утверждает в своих исследованиях [210: 76–77], [209: 200–215], что такого рода ошибки были скопированы в дальнейшем всеми славянскими переводчиками, и она прослеживает их на ряде примеров из славянских переводов до XVII в.

Причём отмечено, что причастные обороты со временем теряли свою разнородность, оформлялись по общей модели, уже стилистически отточенной, с однообразной аффиксацией. Можно отметить и период своеобразного грамматического произвола, когда стилистическая форма словно искала себя, но варьирование останавливалось на характерных, наиболее узнаваемых оборотах.

---

¹⁰ Р. Вечерка, анализируя варианты славянских евангельских кодексов, также отметил прирост определённых синтаксических конструкций (прежде всего – причастных) при дальнейшем переписывании и обработке текстов. Но для него это является доказательством живого языкового средства, ибо со временем живой язык всё больше проникал в язык памятников [38: 164]. По мнению Э. Сятковской, частотность языковой формы является, напротив, доказательством усвоения и распространения этой формы именно из и внутри книжного стиля [210].

Отсюда закономерно предполагать, что обороты с причастиями появились и удерживались в первых славянских книжных текстах силой авторитета Библии, срабатыванием законов “библейского стиля”.

4.4. Единство церковнославянского языка на разноязычной территории

Для средневековой Европы и развивающихся славянских культур существовало уже три высокопрестижных языка: латынь, греческий и старославянский. Выбор литературно-языковой основы был, по принятому мнению, обусловлен дальнейшей культурно-религиозной ориентацией (римской или византийской) народов, которые позднее стремились объединить под идеей славянской общности.

Но и на начальном этапе литературного развития “идейных” славян можно говорить об “общеславянской стадии” [39: 106], о первом всплеске всеславянской идеи, она же впоследствии, возрождаясь, определяла выбор старославянской языковой традиции в формировании литературного языка. Идеей объединения всех славян поддерживалось внимание к церковнославянскому “словенскому” языку в системе образования XVI–XVIII вв. на Руси, Украине и затем Беларуси. Можно упомянуть “одного из первых идеологов солидарности славянских народов” – Юрия Крижанича, который на идее “славянской взаимности” [137: 48] составил грамматику всеславянского языка (*Граматычно исказанје об руском језику* <...>, 1666). В XVIII в. приверженность к старославянской традиции чешских реформаторов литературного языка воодушевила других славян на т.н. “славянизацию” культуры и языка. В XIX в. идеей создания всеславянского языка на базе языковых традиций славянских языков были охвачены балканские славяне. Было необычайно важно, что “в розуме языка словенского” (т.е. именно кирилло-мефодиевской традиции) “русин” поймет “сербина” либо “болгарина”. Всеславянская идея направляла не только славянские народы, но и их языки в “*kierunku nie rozbieżnym, ale dośrodkowym*” [113: 5].

В дописьменный период славянские языки, по крайней мере на четверть состоявшие из идентичных по форме и содержанию языковых единиц, приближенные в своём звучании, были “*bez większej trudności wzajemnie zrozumiałe i łatwe do opanowania*” [113: 15]. Используя формулировку В.В. Виноградова [43: 46], отметим, что старославянский язык, “обслуживая литературу народов, говорящих на близких к нему наречиях одной языковой семьи”, являлся “международным языком славянства” и, следует полагать, что он также сравнительно легко был понятим разными славянскими диалектами, как “сравнительно легко воспринимал

черты других славянских диалектов”. Языковое родство могло способствовать преемственности старославянской языковой традиции. А старославянский язык и литература на нём предназначались всему “славянскому свету”, признавались своими, а не иностранными. Круг распространения старославянского языка был хорошо известен в древности. Например, в предисловии Захарии Копистенского от 31 июля 1624 г. к изданию речей Иоанна Златоуста указывается, что эти речи поймут и приемлют “россове и славяне и македонове”, “болгарове, сербове и босняне”, “истрове, иллүрікове и далматове”, “молдаване, мулатане и оунгровлахове”, “чехове, моравляне, гарватове и вса широковластнаа Сарматія” [15: 27].

Старославянский язык был понятим местным славянским населением как своего рода торжественная богослужбная и книжная форма любого славянского наречия. Славянские народы “усвоили его как религиозный и превратили <...> в искусственный язык, называемый церковнославянским” [132: 7]. Он “объял” славянские народы уже в первые три столетия своего существования, зарекомендовал себя как доскональный литературный язык, способствующий бурному развитию славянских литератур и языков.

Однако принято считать, что в IX столетии развивалось, а в X и XI в.в. уже уходило в забвение значимое славянское богослужение, что есть славянские языки, а соответственно, их грамматические разделы, испытавшие на себе сильное, почти прямое влияние старославянской письменной традиции, и языки, где это влияние было косвенным и минимальным. Главными наследниками старославянской традиции, обычно, называют болгарский и русский языки. Другие южнославянские языки считают “выпавшими из” или “отказавшимися от” этого наследия. Н.С. Трубецкой представил [223: 78–79] своё разделение славянских языков по уровню старославянского влияния на их литературные языки: прямыми преемниками старославянской языковой и православной традиции греко-славянского мира он называет только русский и болгарский языки; западнославянские языки он относит к чешско-польскому кругу церковнославянского влияния, добавляя сюда и украинский язык. Сербский, хорватский и словенский язык он называет языками, освободившимися от общеславянской литературной традиции. Белорусский (западнорусский; литовский) язык им вовсе не упоминается. При этом для болгарского и русского языка Трубецкой подчеркнул “преемственность” традиции, для языков чешско-польского круга только “влияние” традиции.

Наиболее прочно закрепилось мнение, что вне сферы старославянского влияния едва ли не полностью оказались не только бесписьменные полабяне, но и вообще западные славяне. Н.С. Трубецкой [223: 70–72] даже старочешский относит к языкам с очень слабой церковнославянской

традицией. Подобная позиция убеждает языковедов в том, что, к примеру, причастия и их синтаксис тем более являются средством исконным для языка, если контактов данного славянского языка и старославянского практически не было.

Считается, при общем мнении о западнославянских языках, что практически полностью отсутствуют следы старославянской традиции в словацком языке. Однако, Тадеуш Лер-Сплавинский пишет [114: 116–138], что существуют основания именно словацкие земли считать главной территорией переводческой деятельности Кирилла и Мефодия. Свою позицию по этому вопросу конкретно предьявляет Ян Станислав [196: 4–43]: словацкие земли не только входили в круг миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия, но и были основной территорией славянской христианской миссии. Главным центром деятельности “солунских братьев”, как считает Я. Станислав, было самое старое “христианское место” в Словакии – г. Нитра. Здесь жил и работал князь Великоморавии Святополк, а рядом с ним проводил свою деятельность Мефодий и, не получая должной поддержки, спорил с противниками. Я. Станислав предполагает, что именно в Нитре Мефодий умер и был похоронен. Впоследствии из словацкой Нитры были изгнаны его преемники, и славянская литургия смешалась с латинской. К сожалению, в языковом плане подтвердить эти данные очень трудно, поскольку нет ранних памятников письменности, которые можно было бы назвать чисто словацкими. Канонические тексты старославянского языка – Киевские листки и Пражские отрывки – традиционно связывают с моравско-чешской территорией, а не со Словакией.

К числу “открещивающихся” от старославянского участия в своём развитии можно отнести польский язык. “Насаждение” старославянской письменной культуры здесь обычно усматривается только в сфере лексики, которая попала в литературный польский язык “*odnogą czeską*”: “<...> *cośmy od Czechów, za ich pośrednictwem dostali, owe prastare i arcyważne terminy kościelne i kulturalne*” [28: 369].

Польская литургическая терминология на 70% совпадала с чешской формой [114: 25], язык же первой польской переводческой литературы исследователи, в частности А. Брюкнер [28: 388], называют “*mieszaniną czesko-polską*”. Чешским языком были “ославянизированы” многие латинские термины, с лёгкостью усвоенные польским христианством, но

były wśród nich zresztą i starsze słowiańskie terminy, przyjęte przez Czechów ze słownictwa kościelnego starocerkiewno-słowiańskiego, które przyniesli na Morawy “apostołowie słowiańscy” Konstantyn-Cyryl i Metody jeszcze w trzeciej ćwierci IX w. (około r. 863) [114: 25].

Польское христианство сразу же имело чешское посредничество, и первая волна чешского влияния пришла с принятием христианства польским князем Мешко I, ведь Мешко ещё язычником женился на княжне-христианке, дочери чешского князя Болеслава I, Дубравке.

Чешское влияние на польский язык продолжалось с X в., с момента принятия христианства, до XVI в. включительно. “Nawet wiek XVI nie przerwał od razu tej zawisłości” [28: 388]. Брюкнер говорит, что чешское влияние “*rapowało*” в польском языке, набиравшем таким образом определённый уровень литературной элегантности. “Należało do “dworszczyzny” za Zygmunta Starego przetykać mowę słówkami czeskimi” [28: 389]. Польский язык по сравнению с чешским казался в то время чем-то “*zaśniedziałym*”, “*rubasznym*”, т.е. просторечным. Чешское влияние шло “*od góry*”, “*od księży i literatury*”.

Р. Вечерка предполагает [39: 25], что “*je dokonce pravděpodobné, že se církevní slovanštiny užívalo v Krakovsku v 10. a 11. století jako jazyka spisovného*”. В качестве аргумента приводится самое старое польское торжественное песнопение “*Bogurodzica Dziewica*”. Языковой основой этого старейшего польского текста явилась, как здесь же пишет Вечерка, “*církevní slovanština české redakce*”.

Нам остается определить, насколько сильна была старославянская традиция в старом чешском литературном языке.

В частности, упомянутый религиозный гимн “*Bogurodzica*”, соотносится с чешской литургической песней “*Hospodine pomiluj ny*”, которую Вечерка называет свидетельством сильной старославянской традиции в Чехии, поскольку песня стала народной и пелась даже в годы запрещения славянской литургии на чешских землях [39: 27].

Вечерка считает [39: 20–21], что церковнославянская литургия и письменность имеют в Чехии непрерывную кирилло-мефодиевскую традицию:

Historicky přijatelnější je předpoklad, že se církevní slovanština udržela v Čechách silou tradice, že byla vysokými církevními místy právě jen strpěna jako status quo, probojovaný a zavedený už dříve v minulosti, v období cyrilometodějském nebo Metodějovými žáky besprostředně po zániku slovanské vzdělanosti na Moravě.

В функции книжно-религиозного языка, несмотря на латинские приоритеты после Мефодия, выступила

jako základ klasická staroslověňština cyrilometodějská, založená na lidovém základě bulharsko-makedonském, a do ní pronikaly v různé míře prvky z jazykového prostředí českého [39: 21].

Богемизированная старославянская письменная традиция жила параллельно с латинской и

byla v oněch dobách i nadále tolerována jako účinný nástroj misijný a jako prostředek sloužící dalšímu šíření křesťanství, prestiže a moci Říma a jeho církevního aparátu [39: 20].

Вторая волна славянского богослужения и религиозного перевода при Карле IV (1347 г. – создание Эмаузского монастыря “на Слованех”) принесла в Чехию церковнославянский язык хорватской редакции. Большинство монахов, приглашенных Карлом IV при создании упомянутого церковнославянского центра, составляли бенедиктинцы из Хорватии, где славянская литургия переживала период расцвета. Хорватские глаголяши привезли с собой и глаголические тексты, которые служили образцом для новых церковнославянских переводов.

Этот факт ещё больше усиливает старославянскую традицию в Чехии, как косвенно её может упрочить свидетельство живых контактов Чехии с Киевской Русью в X–XI столетиях [39: 26].

Чешский язык становится одним из самых разработанных языков славянской письменности. Безусловно, религиозная литература просвещенной державы средневековой Европы, литература, которая имела в славянском мире старейшую традицию, не могла не оказать влияния на соседние славяноговорящие державы.

Отмечено, что чешская церковнославянская традиция закрепилась в Кракове и дошла до Лужиц.

О существовании самостоятельной старославянской литургии в Лужицах в раннюю эпоху христианизации славян, по мнению Эрнста Муки [146: 44–48], должна свидетельствовать старославянская рукопись, найденная в населённом пункте Гусмар (Gósmar) (*Gosmarski fragment*), а также воспоминания, которые ходят среди людей: “<...> po starych powěšćach a po swědčanju Gosmarskeho fragmenta tu a tam we našich lužicko-serbskich cyrkwjach starosłowjansku liturgiju nałożowali” [147: 30]. Франтишек В. Мареш доказывает [127: 267–286]), что рукопись случайно попала в Лужицы из Чехии, что и обуславливает появление первых “церквизмов” в лужицких языках.

Чешскими переводами Библии пользовались в Словакии, которая, по различным версиям, оспаривала с Чехией старшинство в старославянской письменной традиции. Здесь язык библейского перевода называли “bibličtina”, и в нём тоже обнаруживались чехизмы.

Элементы оригинального кирилло-мефодиевского библейского перевода, сделанного во время великоморавской или паннонской миссии, видимо, через польский язык из старочешской литературы попадают на земли ВКЛ (Украину и Беларусь), либо распространение старославянской письменной традиции на этих землях в большой степени было опосредовано непосредственно восточной церковью Руси.

Как известно, старославянская языковая миссия после смерти Мефодия в 885 г. Перебирается на славянский юг в Македонию и Болгарию, оставляет свои центры по всем Балканам, охватывает все славянские государства, входившие в круг как византийской православной так и римско-католической религиозной культуры. К славянскому библейскому языковому авторитету обращены поздние литературные переводы русинов и кашубов.

Все славянские литературные языки на этапе своего формирования испытали влияние старославянской письменной традиции. И, по сути, не существует “нестарославянских” библейских переводов в славянских языках. “Строгая нормированность и сакральность” [214: 4] старославянского языка удерживает его “первичную конструкцию” на период насчитывающий почти тысячу лет. За это время, расширяя географию распространения своей традиции, старославянский язык принимает облик различных церковнославянских редакций, но единство и непрерывность древней славянской письменной традиции в начальном периоде формирования литературных славянских языков очевидны. Как отмечает Н.И. Толстой [214: 34]:

<...> данные письменных памятников различных славянских народов позволяют поставить вопрос о существовании единого славянского литературного языка, функционировавшего с IX века почти до конца XVIII века.

Наследуя терминологию В.В. Виноградова, Н.И. Толстой даёт этому абстрактному единому (обобщённому) языку определение “книжнославянский”.

В качестве типичного элемента грамматики данного языка, в качестве образца библейского стиля, как один из его ярчайших примеров, в славянские языки могла попасть и, в той или иной мере, ассимилироваться **старославянская система причастий**, ломка которой начинается в славянских литературных языках, когда культурный диалект уступает место народному диалекту.

В дальнейшем мы сталкиваемся с процессом, когда привитые на ранней стадии формирования литературного языка модели культурного диалекта не просто переживают процесс архаизации и отмирания в стимулируемой языковой практике, но отторгаются по чужеродности, не приживаются как искусственно привнесенные.

В заключение можно назвать ещё один фактор влияния на формирующийся литературный язык – фактор “чужой языковой среды” [145: 66], ведь копирование и перевод делались на различных языковых территориях. В данном случае всякий исходный славянский текст может рассматриваться как образец культурного диалекта, архетип, а языковая среда выступает в роли диалекта “народного”. Можно также дополнительно

учитывать тот момент, что существовали языковые территории, где отмечалось строгое предписание старославянскому образцу, и территории, где оно было ослаблено.

Все вышеупомянутые факторы обеспечивали непрерывность и в какой-то степени независимость славянской письменной традиции от разделения на римский и византийский обряд в богослужении. Можно констатировать, что старославянская традиция проникает в языковую книжную традицию всех обозначенных общеславянской идеей народов. Конечно, под воздействием одних факторов она усиливалась, под влиянием других – ослабевала. При этом возникшие языковые расхождения, которые Н.И. Толстой определяет как “локальные варианты древнеславянского (книжнославянского) языка”, оставались взаимосвязанными и “тяготели к общей норме, к общему уровню стандартизованности по принципу сообщающихся сосудов” [214: 4–5].

4.5. Факты взаимовлияния славянских библейских переводов и нормативных грамматических трудов

В данной части нашей работы, а также в приложении (см. П.3.) мы хотели бы представить несколько убедительных примеров срабатывания принципа “сообщающихся сосудов”, т.е. взаимовлияния и взаимопроникновения традиций библейских переводов и формирования славянских литературных языков. На основании этих культурно-исторических доводов можно удостовериться, что между библейскими переводами и нормативными трудами (грамматическими и орфографическими трактатами, словарями) существует теснейшая связь. А значит, логично было бы признать, что ряд элементов из культурного диалекта, грамматическая структура которого формируется в кирилло-мефодиевских переводах, из библейской литературы попадает в сферу образования разных славянских языков, и далее – в сферу активной языковой практики: в язык внебиблейской литературы, в речь образованной части населения. К числу таких языковых элементов мы относим *старославянскую систему причастий*.

Ниже мы представим некоторые свидетельства, непосредственно связанные с системой причастий.

Развитие **словенского** литературного языка – типичный пример того, как родственные языковые системы, а именно – хорватская, русская, чешская, испытавшие значительное старославянское влияние, действовали побудительно на то, чтобы грамматика “окаменевших” литературных форм развивалась в книжном языке и приобретала не только функциональные права, но и ошибочно воспринималась, как архаичная и “исконная”. Среди

таких “окаменевших”, но время от времени “оживающих” форм выделяются причастия.

Одной из типичных характеристик восточно-словенского литературного языка, который формировался в “прекмурских” библейских переводах на рубеже XVII–XVIII вв., явилось активное использование причастных оборотов, чего не наблюдалось в литературном языке альпийских словенцев, начавшем свою традицию в XVI в.

Предполагалось, что различие обусловлено тем, что восточно-словенский книжный язык проявляет прямое наследие греческих влияний, на что указывал Штефан Кюзмич в переводе Нового Завета уже в самом названии (*Nouvi zakon ali testamentom <...> zdaj oprvics z grcskoga na sztári szlovenski jezik obrnjeni v Halli Saxonskoj*, 1771), краньский же (центрально-словенский) – испытывал влияния латинско-немецкого характера.

В предисловии (§14) язык своего перевода Ш. Кюзмич называет “старым словенским языком”, который “šteš i čuješ”. Многие исследователи словенской литературной традиции полагают, что “sztári szlovenski jezik” не может соответствовать старославянскому языку. Ясно также, что определение Ш. Кюзмича “sztári szlovenski jezik” не могло относиться к местному говору.

Предполагается, что новые зальцбургские миссионеры, которые пришли после смерти Мефодия на Паннонские земли, где издавна жили прекмурские и порабские словенцы, проповедуя им из латинских и немецких книг, всё же опирались на славянскую богослужебную терминологию и использовали кальки из кирилло-мефодиевских переводов в толковании своих проповедей. Проф. Мартина Орожен делает вывод, что старославянская традиция и старославянские тексты сохранялись в Прекмуре в устной традиции. Ш. Кюзмич же возрождает эту устную традицию в печати только в XVIII в.

Влияние именно этих старых славянских литургических текстов, по мнению М. Орожен, ощущается в стилистике библейских переводов Ш. Кюзмича, прежде всего в употреблении причастий [161: 124–125].

Придерживаясь традиционной научной позиции, из которой следует, что старославянская система причастий является этимологически оправданной, автохтонной славянской грамматической системой, М. Орожен объясняет высокую частотность употребления причастий в прекмурском литературном языке через возобновление старославянской традиции, а низкую частотность в употреблении причастных оборотов в центрально-словенском литературном языке в XVI в. через якобы начавшийся распад системы причастий.

Единичные примеры причастных конструкций представлены в библейских переводах создателей центрально-словенского литературного языка –

Приможа Трубаря (*Katehizis*, 1550; Евангелие от Матфея, 1555) и Юрия Далматина (*Библия*, 1584), а также в первой словенской грамматике Адама Бохорича (1584). Однако, как замечает М. Орожен, частота употребления причастий значительно возросла в переводе Постиллы знатоком глагольной хорватской письменной традиции, старых кириллических и глаголических славянских текстов, сторонником архаических (подразумеваемая – “исконных”) форм в книжном языке – Себастьяном Крелем. С. Крель переводит первый раздел одного из самых популярных толкований Евангелия на немецком языке – Постиллу Йоханна Спангенберга (1542–1544), а её перевод – “*Postilla Slovenska*” – был издан в Резенсбурге в 1567 г.

В 1578 г. перевод Спангенберговой Постиллы на словенский язык (I и II разделы) предпринимает хорват Юрий Юричич, продолжая и традицию употребления причастий. При этом в первой части он активно пользовался переводом С. Креля, а во втором, самостоятельно переведенном разделе, представил классический пример церковнославянской словенско-хорватской “языковой мешанины”.

В XIX в. результаты переводческой работы Креля и Юричича вдохновляли словенских грамматиков-пуристов и литераторов на “славянизацию” книжных языковых норм, в т.ч. на активное употребление причастий. То, что в переводы Постиллы проникла авторитетная хорватская книжная традиция, ещё больше оправдывало использование в языке литературы форм, в живой словенской речи “уже” не употреблявшихся.

Для сравнения можно также привести пример “корректировки” языка библейских переводов в центральной Словении во второй половине XVIII в. Заинтересованные лица, также имеющие пуристические воззрения на словенский язык, отметили, что со времени первого перевода Библии Далматиным (1584) словенский язык “сильно изменился”, и Библия требует нового перевода, опирающегося на реальную языковую ситуацию. Такой перевод начал осуществлять Юрий Япель. В 1784 г., спустя в среднем десятилетие после перевода Нового Завета Ш. Кюзмичем, Япель издаёт в Любляне “*Svetu pismu noviga testamenta*”, переводя Евангелие не на “старый словенский язык”, как Ш. Кюзмич, а на литературный язык на основе центрально-словенского наречия. Считается, что синтаксис Япеля удачно переменял ставший “неуклюжим” синтаксис Далматина. При этом нет сведений, что Япель был как-то знаком с переводом Кюзмича. Характерно, что в переводе Япеля, в противовес Кюзмичу, использовалось очень мало причастий и деепричастий настоящего времени на -*č* и вообще не использовались формы прошедшего времени на -*ši* – они заменены на описательную конструкцию с эловым причастием [64: 183–198]. Даже употребление причастных форм на -*č* было Япелю чуждым, поэтому после Евангелия от Марка переводчик значительно уменьшает количество этих причаст-

ных употреблений (119 употреблений в Евангелиях от Матфея и Марка и 53 употребления в остальной части текста [64: 190]).

Популяризацией и одновременно корректировкой в употреблении причастий был озабочен автор первой словенской грамматики, написанной на словенском языке, Валентин Водник (*Pifmenoft ali Gramatika za Perve Shole*, 1811). Он отмечает, что причастия на *-ši* / *-či* “не живы” в словенском языке, но хорошо бы было их употреблять, ибо их можно использовать для сокращения синтаксических оборотов¹¹, по выражению Водника – они “govor krajšajo”, т.е. “сокращают речь”. Водник убеждает возможных учеников в том, что “za krajšanje povedi” особенно нуждается в причастиях “višoka pišavnoft”, но предостерегает употреблять неблагозвучные формы причастий, “режущие слух”:

šdajne, pretekle in nameštna deleshja šo med nami premalo navadne; višoka pišavnoft jih vezh potrebuje. Vuner glejmo na lep glaš, zhe jih bomo kaj vezh špuzhati hotli, da ne bodo pošlušhavšze vušhesa bolele” [44: 140].

Такая позиция Водника объясняется не только общей тенденцией активизации старых традиций в словенском языке, но и влиянием грамматик М. Смотрицкого (1619) и Михайлы В. Ломоносова (1755), которыми Водник пользовался [179: 233]. В частности, в “Российской грамматике” М.В. Ломоносова присутствуют указания [120: 175–176] на то, что формы причастий “производятся отъ глаголовъ Славенскаго происхождения” и “весьма не пристойно отъ простыхъ Россійскихъ, которые у славянъ неизвестны”, их образовывать. Причастия, которые “весьма противны” на слух, а по мнению Ломоносова это, например, форма *брякнувший* или *нырнувший*, не могут быть употребительны. В этих цитатах усматривается прямая преемственность позиции М.В. Ломоносова в грамматике В. Водника.

Для словенцев образцовыми являлись не только русские грамматики, но и грамматические труды Йозефа Добровского, который, как известно, абсолютизировал старочешскую литературную традицию и составил ряд нормативных грамматических трактатов на основании языка чешской Кралицкой Библии (1579–1594 гг.)

Автор словенской грамматики Антон Брезник (*Slovenska slovnica za srednje šole*, Celovec, 1916) отмечает, что “по воле случая” всё, что взяли от Добровского словенские грамматисты и писатели, а в числе этих влияний употребление разных форм причастий, попадает в словарь Антона Мурко (*Deutsch-Slowen. Handwörterbuch; Slovén.-Ném. rózchni bešédnik*, 1833), “ki je mocno vplival na besedni zaklad pisemnega jezika in na vse nadaljnje

¹¹ М. Орожен удачно называет причастия “синтаксическим конденсатором” [161: 135].

slovarje <...>” [21: 63]. Например, из Добровского, посредством грамматики Франца Серафина Метелко (Любляна, 1825), даже названной по аналогии с грамматикой Добровского “*Lehrgebäude der slowenischen Sprache <...>*”, в словарь А. Мурко попадают в т.ч. и формы причастий: *plévši, jédši, pomekniši, delav / delavši, dvígniv / dvígnivši, redív / redívši, imenovávši se* [21: 74]. А в своей грамматике, изданной на год раньше словаря (Грац, 1832) Мурко пробует интерпретировать “заимствованные” причастия на *-ši* в формах совершенного и несовершенного вида *vsdigavši / vsdignivši*: “*kamen tri ure vsdigavši, al ne vsdignivši je ozheta posval*” [148: 146], проявляя тем самым грамматическое самотворчество.

Важно отметить, что именно в Кралицкой Библии, по сравнению с первыми чешскими переводами XIV в., т.е. с Дрезденской и Оломоуцкой Библиями, представлено наибольшее количество конструкций с причастиями [210: 78]. Авторитет Кралицкой Библии, а в дальнейшем и грамматические описания Й. Добровского, поднявшего язык этого издания до общенародного образца, удерживают причастия в литературной чешской традиции на долгие годы. Эва Сятковска отмечает [210: 78], что в переводах Библии на чешский язык “с причастиями было покончено” только в новейшем издании 1979 г. (экуменический перевод). От них остался лишь “*Hlas volajícího na poušti*” в Евангелии от Марка.

С чешской литературной традицией сильно связаны и памятники старопольского языка. Например, переводчик Библии королевы Зофьи (*Biblia Królowej Zofii*, 1455), не очень хорошо зная латынь, с которой переводит, помогает себе старочешским текстом, перенимая оттуда и причастия, причём лишая их чешской разнородности, оформляя по обобщенному образцу [210: 77]. Например, если в старочешском языке отмечается разнородность форм активных причастий настоящего времени типа: *nesiuci, řka*, (“несучи”, “изрекая”) – то у переводчика Библии королевы Зофьи они унифицируются до *niosqc*, но и *rzkcq*, что может свидетельствовать о неупотреблении этих форм в живом языке.

Истинную моду на причастия вводит польская Библия Якуба Вуека (1599). Хотя она и не является первым памятником старопольской письменности, но считается, что именно она задавала языковой стиль в последующей польской переводной литературе и, как пишет Е.Ф. Карский, все новейшие переводы польской Библии, а вместе с тем и псалтыри, идут от Вуека [83: 80] (подробнее мы писали уже об этом в разделе 3.2.3. нашего исследования). Интересно, что в первой польской грамматике Петра Статориуса-Стоеньского, которая была составлена раньше библейского перевода Вуека, в 1568 г. (см. П.3.), автор, говоря о причастиях и сравнивая, в частности, причастия на *-szy* с греческим аористом, отмечает (K5V): “*Quo dicendi genere nihil apud Polonos est frequentius, neque eleganti-*

us”, – из чего следует, что в речевом употреблении поляков эти причастия нечасты и неправильны.

Для аналогии следует добавить, что, например, Вук Караджич в грамматике сербского языка (*Писменица* <...>, 1814), имевшей, как принято считать, истинно “народный” характер, сохранил формы причастий прошедшего времени действительного залога типа *ослабивши*, *говоривши*, тогда как в живых сербских говорах они не использовались [214: 197]. Возможно, на это повлиял тот факт, что грамматика Вука Караджича была связана с грамматикой Авраама Мразовича (*Руководство къ славенстѣй грамматичѣ* <...>, Вена, 1794), который, в свою очередь, следовал традициям грамматики Мелетия Смотрицкого [200: 73–82].

Интересные наблюдения делает также М. Орожен [161: 129] над переводом Нового Завета Вуком Караджичем (1847). Исследователь утверждает, что система причастий в этом переводе Караджича в большой степени соотносится с переводом Нового Завета Ш. Кюзмичем, который в своё время опирался на евангельский кайкавский перевод П. Петретича (*Szveti Evangeliomi*, 1651). Показательно, что именно причастия на *-ši* Караджич активно сохраняет в своём переводе наряду с формами аориста, тогда как формы активного причастия настоящего времени чаще заменяет на описательную конструкцию с эловым причастием [159: 129–130], напр.: *idôcsi odnut Jezusz* (НЗ Кюзмича, Мф. 9.27) на *kad je Jesus odlazio* (НЗ Караджича, там же), но *zglegnovsi sze v nebo hválo je dáo, i vlomivsi dáo* <...> (НЗ Кюзмича, Мф. 14.19) и *pogledavši na nebo blagoslovi, i prelomivši dade* <...> (НЗ Караджича, там же). Это ещё раз может свидетельствовать о распространении и использовании причастия на *-ši*, в т.ч. и аориста, как яркого стилистического средства в библеистике (см. также раздел 3.2.3. нашего исследования).

Некоторые авторы, напротив, боролись за упразднение “отживших” форм в языке. Например, польский грамматист Матей Гуттер Добрацкий в своей грамматике (*Vorbott Der Polnischen Sprachkunst / Gonicz Grámátyki Polskiej*, 1668), позволяет себе переделывать цитаты из “Псалтыри” Яна Кохановского, представляющей литературные языковые традиции XVI в., пропагандируя “живую” форму *pisalem* вместо “псевдоаориста” *pisalech* и *abym mieszkał* вместо *abych mieszkał* (*Psalm* 27, w. 13). Добрацкий мотивирует это тем, что современные поляки не употребляют таких форм, в том числе те, кто заботится о художественности языка [71: 359, тетр. 3].

Поскольку другие собранные нами материалы преимущественно косвенно доказывают преемственность системы причастий, начиная от кирилло-мефодиевских переводов до новейших свидетельств письменности славян, мы вынесли данные факты в приложение к нашей работе (см. П.3.) и оформили в виде материалов, представляющих факты и понятия,

связанные с взаимовлиянием библейских переводов и нормативных грамматических трудов.

Выводы к гл. 4:

- На европейском пространстве контакт диалекта с языком высшей культуры являлся определяющим, а не дополнительным фактором в формировании литературных языковых норм.
- Реально предполагать, что славянская система причастий явилась результатом усовершенствования возможностей диалектного материала, была культурно-диалектным творчеством и, по образному выражению А. Вайана [35: 396], была внушена “греческим языком”.
- Закономерно предполагать, что обороты с причастиями появились и удерживались в первых славянских книжных текстах силой авторитета Библии, срабатыванием законов “библейского стиля”.
- Можно констатировать, что старославянская традиция проникает в языковую книжную традицию всех славянских народов.
- На основании некоторых выше приведенных фактов взаимовлияния библейских текстов и первых нормативных грамматических трудов (см. **П.3.**) можно говорить о “дезактуализации” (термин [71: 311]) языковых фактов в библейских переводах и старых грамматиках.

ГЛАВА 5.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ДИГЛОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИЧАСТИЙ

5.1. Старославянский язык и говор в понятии языкового дуализма или диглоссии

Все неясности, связанные с историей причастий прошедшего времени в славянской системе причастий, с самостоятельным употреблением и соотношением данных форм упираются в определённую неизбежную схему: исследователи, опираясь на общеславянские идеи, обращаются в праславянские, индоевропейские сферы и пытаются проследить развитие форм причастий на *-ǫ-* и *-l-* как процесс живого языка, однако, представленный в книжных примерах. Практически во всех ранних славистических трудах мы встречаем отождествление старославянского языка письменности с живым говором. И если в грамматической системе литературного славянского языка наблюдалось впоследствии “стирание” или “выпадение” какой-либо категории, то традиционными были оценки типа “славяне начали утрачивать эту грамматическую категорию...” или “в разговорном языке народа эта категория больше не жива...”.

Язык, называемый в сфере славянской книжности старославянским, однако, базируется преимущественно на искусственных нормах, которые определяют, в силу ряда внеязыковых факторов, некоторую лингвистическую идеологию [224: 7; 35]. Данная “идеология” формирует собственную, книжную эволюцию грамматических форм, и историческая грамматика книжного языка (но не “живого” языка!) реально начинается только с первичного текста.

Таким образом, опираясь на старославянскую систему причастий, мы изначально оперируем фактами искусственного языка, определяющего две формы причастий прошедшего времени действительного залога. И поскольку книжный и живой языки не совпадают в эволюции, – все попытки

проследить естественный путь развития двух отдельных форм причастий прошедшего времени на примерах из искусственного языка заходят в тупик.

Сформулируем наше исходное положение, которое движет поиском решений в данном исследовании:

неравновесие, наблюдаемое в старославянской системе причастий, функциональное и морфологическое раздвоение форм в группе активных причастий прошедшего времени, является языковой нормой, сформированной в результате творческой языковой деятельности.

У старославянской грамматической системы были авторы, и нет сомнения, что живая славянская речь оказывала влияние на их языковое мышление. С другой стороны – “живое” славянское языковое мышление стало оказывать неизбежное влияние на развитие языковых норм, продиктованных старославянской письменностью. Сформулированная выше исходная научная позиция будет искать свои доказательства, исходя в первую очередь из этого.

В описании истории славянских литературных языков первоначально преобладало представление о том, что впервые создающийся книжный текст пишется с народного говора и, прежде всего, на наречии, которое знакомо писателю-переводчику. Такой первичный текст не представляет своеобразного раздвоения традиции письменности и речевой реальности. Он подлиннен в своей народности и максимально ценен для историков языка, как представляющий исходные, “живые” языковые факты.

Именно отсюда возникало значительное отождествление эволюции живого языка с процессом развития старославянского языка в различные церковнославянские изводы. На этом основании старославянские тексты и их редакции стимулировали регенерацию старых норм, восходящих к кирилло-мефодиевской эпохе, что, естественно, рассматривалось как “восстановление” автохтонного, славянского языкового факта, утраченного языком в силу определённых обстоятельств.

Сторонники теории отдиалектного развития литературных языков и исходной подлинности первого письменного текста не отрицают существования дуализма языка письменности и языка говора. В частности, Ватрослав Облак [156: 180–236], который использует для своей теории термин “языковой дуализм”, считает, что такое состояние изначально заложено в сам факт создания письменной традиции на любом языке. Только в первичных текстах оно как бы существует потенциально, но с каждым последующим текстом расхождение между письменным и народным языком начинает проявляться и шириться. Появляются отдельные особенности, уже не соответствующие более говору, но по-прежнему последовательно и добросовестно соблюдающиеся в книжной традиции и переносящиеся из текста

в текст. Писатель-переводчик начинает подчиняться не своей воле, а воле книжного стандарта. Наряду с уважением к книжному стилю формируется запретное понятие просторечия, которое в некоторых славянских традициях называют латинским словом “*barbarum*”. В. Облак, например, использует в этом случае определение “языковая незелегантность” [156: 184], что, по сути, равно понятию “языковая бестактность”.

Для исследователей, придерживающихся вышеизложенной позиции, в славянских языках присутствуют два пограничных состояния грамматики: исходное, зафиксированное в первичных славянских текстах, и конечное состояние развития грамматических форм, представленное в “демократизированной” литературе и современных живых славянских языках.

Схожую теорию языкового дуализма, но с использованием термина “диглоссия”, излагает Б.А. Успенский [224: 14]. Однако в его понимании вопросов соотношения языка письменности и говора не может быть речи о подлинной народности первичных славянских текстов, ибо буквализм переводов с греческого языка уже в первичных текстах скорее отражал греческое состояние грамматики, чем славянское.

Проявление подлинного, “живого” состояния грамматики славянских языков может усматриваться во всех случаях отступления от книжной нормы, в единичных автоматически совершенных ошибках, в вариативности форм и их согласования. Такие “живые” факты имеют различную датировку. Их однократное проявление ещё не свидетельствует о разрушении состояния диглоссии, а скорее подтверждает её. Распад первоначальной модели диглоссии церковнославянского и живого языка¹² начинается тогда, когда литературные языки начинают ориентироваться на разговорное употребление и разговорную речь [224: 20].

5.2. Развитие *participium praeteriti activi* в системе диглоссии

На основе приведенных выше положений, соответственно, производятся попытки реконструкции облика, причин и последовательности всех изменений, связанных с причастиями на -*ŝ*- и -*l*-.

В результате абсолютизации принципа отдиалектного развития письменных традиций сложилось прочное мнение:

- а) что пятикомпонентная система причастий в старославянском языке, а следовательно, грамматическое и функциональное разделение форм

---

¹² Могут быть оппозиции: книжный – некнижный язык; литературный – живой; сакральный – мирской.

причастия прошедшего времени действительного залога – состояние праславянское;

б) что морфологические показатели действительных причастий прошедшего времени восходят к двум различным формам;

в) что прерывание данной грамматической традиции, ломка старославянской системы причастий, разнообразные трансформации оборотов с причастием на -*ŝ-* в обороты с причастием на -*-l-* и наоборот происходят по причинам, до конца невыясненным.

Но с учётом состояния языковой диглоссии, пока книжная норма, сформированная в группе причастий для причастий на -*ŝ-* и -*-l-*, была статична под запретом книжности, в определённом смысле статична была и диалектная норма, отнесенная тем же запретом книжности к уровню низшего порядка. Вряд ли в народном говоре проходили динамичные изменения, связанные с фонетическим обликом и проявлением функций причастий, чем часто пытаются объяснить контрастную разницу состояния книжности и состояния говора по отношению к причастиям на -*ŝ-* и -*-l-*. На самом деле процесс демократизации книжного языка, отмеченный уже в границах XV–XVI в.в. на фоне общих реформаторских идей в культурной жизни европейских народов, реально выявил те искусственные наспластования на “живую” славянскую причастную систему, которые возникли в результате синтеза языковых традиций в старославянских памятниках. Книжная эволюция грамматики всегда подспудно стимулировалась говором, в частности, в лице образованного носителя говора, связанного с литературно-книжной деятельностью. Можно считать, что все представленные в предыдущих разделах нашего исследования изменения в группе действительных причастий прошедшего времени имели “народные” мотивы. С этой позиции указанные изменения произошли по следующим причинам:

- 1) развитие причастия на -*ŝ-* в несклоняемую деепричастную форму с тенденцией сокращения в употреблении или употреблении в качестве стилистического средства стимулировалось чужеродностью этой формы для говора. Эта категория развивалась как новое, до этого не существующее в говоре средство выражения;
- 2) предикативное употребление причастия на -*-l-* было гениально “угадано” создателями первых старославянских текстов. В некоторых македонских говорах ещё в конце XIX в. фиксировалось преобладание форм аориста и имперфекта над использованием элового предикативного причастия [157: 170]. Возможно, это сказалось на относительно редком употреблении перфектных конструкций в первых старославянских памятниках. Развитие элового причастия в предикативной функции и вовлечение его в сферу глагола было свойственно всем “живым”

- славянским языкам и является подлинным праславянским и индоевропейским процессом, подтверждённым и другими причастными формами. Говоры, выйдя на уровень книжной нормы, также подтвердили частоту и народность употребления этой грамматической категории;
- 3) взаимная трансформация оборотов с причастиями на *-š-* и *-l-* легко объяснима с позиции языкового мышления носителя славянского говора. Большинство первых славянских грамматик демонстрируют “народное” понимание грамматической природы причастия на *-š-*: оно определяется как отглагольная категория, образованная от описательного причастия на *-l-* (формы м.р. ед.ч.), где просто суффикс *-l-* заменяется на суффикс *-vši* или *-ši*, если основа оканчивается на согласный. Встречаются даже такие наблюдения авторов грамматик, что формы на *-š-* акцентированы также, как и эловое причастие: *délal – délala – délavši; mázal – mázala – mázavši*¹³. Практически во всех славянских говорах позиционное качество форманта *-l-* позволяло отождествлять эловое причастие с морфологическими вариантами причастия на *-š-*. Говорам действительно было свойственно употреблять эловое причастие в функции атрибутива, и наряду с прилагательными определительный *l-participium* развивает полные формы. Некоторым говорам также свойственно было использовать причастие на *-š-* в предикативной функции. В этом случае оно использовалось, наряду с эловым причастием, для различения оттенков видового значения: состояния [*daŭši*] и результата действия [*daŭ*], но не являлось другой грамматической категорией, как не являются разными грамматическими категориями, к примеру, глаголы *сидеть* и *сесть*, *стоять* и *стать*;
- 4) в среднем, уже в XIV ст. памятники письменности наряду с формами аориста и имперфекта начинают активно использовать эловые предикативы – “что не может являться свидетельством того, что в живой речи эта форма стала замещать уходящий из употребления аорист или имперфект” [53: 5]. “Массовое” появление эловых форм – скорее доказательство того, что живой язык многих славянских народов, в частности, восточнославянских, вообще не знал ни аориста, ни имперфекта [53: 5]. Формы на *-l-* при этом выступили как “свои”, а вытесняли они формы “чужие”. Компромисс книжного и народного соседства иногда достигался в использовании форм со смешанными показателями, типа ст.-польск. *pisalech* – с окончанием сигматического аориста на месте показателя *-m-* (из *pisalem*).

¹³ Примеры взяты из словенской грамматики Ф. Метелко “Lehr gebäude der Slovenischen Sprache <...>” (1825).

Что же может быть доказательством того, что формы, которые усилили свою языковую активность, когда книжность “снизошла” до языка говора, являются действительно живыми, а формы, которые были вынуждены отступить – искусственными? Антон И. Генсборский полагает [53: 6], что это может доказать наблюдение “наскільки твердо кожна з цих форм <...> видержує своє функціональне застосування, наскільки їх функції не змішуються між собою <...>”.

Выводы к гл. 5:

- Грамматика, реконструируемая из старославянских текстов, не может браться за “живую” основу. За исходное состояние, как бы близко или далеко оно не стояло к старословянским моделям, может приниматься только позднейшее проявление живой славянской речи в литературных славянских языках и в современном повседневном общении. Именно это состояние может быть исходным, оно должно приниматься как наиболее “живое”, по нему историки грамматики могли бы восстанавливать праславянские языковые модели.
- Употребление и взаимные трансформации двух форм причастий действительного залога прошедшего времени свидетельствуют об их развитии по книжно-литературным законам, но подвижно оно было интерпретацией данных форм носителями живых славянских наречий, где разделения этих форм не присутствовало.

ГЛАВА 6.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ОРФОЭПИЧЕСКАЯ НОРМА В СИСТЕМЕ ДИГЛОССИИ

6.1. Мотивы наследования и нарушения графо-орфографической системы первичных текстов

В истории славянских языков можно отметить два встречных процесса: с одной стороны – внедрение фактов живой славянской речи в литературные языки, с другой – “славянизацию”, закрепление и, в какой-то степени, навязывание моделей книжного языка.

“Славянизация” языка касается не только лексики или синтаксиса, но может проявляться и на уровне орфографии или орфоэпии. И здесь можно отметить стремление придерживаться некой церковности, святости в книжной сфере, продемонстрировать приверженность старшей традиции. Книжное произношение, исходящее прежде всего от знака, имело ритуальный характер, а отступление от норм орфографии, приводившее к отступлению от правил орфоэпии письменных текстов, могло вызвать публичное осуждение.

Привнесенная извне орфографическая традиция могла резко расходиться с произносительными навыками носителей говора. Б.А. Успенский излагает [224: 80] возможные варианты соотношения орфографической традиции и живого произношения в системе диглоссии. Он пишет, что при единой орфографической норме язык мог допускать несколько вариантов произношения, и наоборот, слово можно было писать по-разному, но главное – оно всегда одинаково произносилось. Орфографическая вольность впоследствии могла сказываться на звучании отдельных форм, а отсутствие орфографической и орфоэпической свободы делало недопустимым проникновение “просторечных” произносительных элементов в высокие сферы книжности. Также заимствованная орфография в “чужой языковой среде” могла отождествляться с подлинным звуковым состоянием “престижного языка”.

Все виды языкового дуализма в орфографии и орфоэпии кажутся нам необычайно ценными при анализе исследуемых в нашей работе грамматических форм. Мы склонны полагать, что

причастия прошедшего времени действительного залога явились парадоксальным примером закрепления в литературном языке диалектного вариантного произношения в двух различных письменных формах. При этом каждая из новых форм на междиалектном уровне также имела вариантное произношение, но теперь использовала на письме только форму, прочно закрепленную традицией.

Согласно существовавшей в древности языковой “идеологии” переписывание, перевод, редактирование книги неизбежно сопровождалось заимствованием графо-орфографической традиции. Широко известно влияние графики и орфографии чешских текстов-образцов на польскую, лужицкую, белорусскую (латинизированную) системы письма, можно предполагать это влияние на словенскую графику: один из первых памятников словенской письменности – Стиченская рукопись (*Stiški rokopis*, 1428) – была написана беглым анонимом-чехом, который попал в Стиченский монастырь в период гуситских войн. У лужичан, существовали даже различные термины, связанные с заимствованием графической традиции эталонных текстов. Так “швабахой” называлось письмо на основе немецкого алфавита и “аналогичным письмом” – система письма с опорой на славянские латинизированные тексты.

Наследование графико-орфографической системы не предполагает исключительно полное систематизированное внедрение графического набора знаков одного языка для письменных нужд другого. Оно может сопровождаться копированием орфографии отдельных слов или морфологических элементов, перенесением “мелких” литературнографизмов¹⁴ из текста-образца.

В состоянии диглоссии языковая единица не просто была раздвоена на письменный и устный способ выражения, но на письменный литературный и устный просторечный. Если народный способ произношения категорически признавался “низким”, то заимствованная орфографическая форма могла в дальнейшем определять и новую орфоэпическую норму. Однако, с ослаблением норм, навязанных языком высшей культуры, с “расширением литературных прав бытового просторечья” [41: 7] коренные, до этого стилистически приниженные и отвергаемые произносительные данные, набирают силу и формируют преобладающую норму.

---

¹⁴ Это понятие вводит В.В. Виноградов в своей классификации церковнославянизмов в работе “К истории лексики русского литературного языка” [40: 90–91].

Литературный язык, не признающий родства с народным говором и его способом произношения языковой единицы, может отразить подлинное, “живое” произношение того или иного звука, когда писатель автоматически совершит ошибку. При сближении и согласовании языковых мотивов книжности и говора писатель сам хочет ввести особенность народной речи в текст, умышленно нарушая старую графо-орфографическую традицию. Компромисс между “языковыми стихиями” литературы и говора [223: 58] часто находится в сохранении прежней орфографической традиции с утверждением народного произношения.

6.2. Значение морфемного показателя *participium praeteriti activi* в соотношении знака и звука

В число ярких примеров, связанных с теорией о языковом дуализме и проблемах несовпадения графемы и звука, входит славянский твёрдый *l*, постоянный морфологический признак элового причастия, которое мы рассматриваем в данной работе.

Фонетическое качество, соответствующее твёрдому *l* в ряде позиций во многих славянских наречиях (развитие *л* в предконсонантной и конечной позиции *l*), как раз явилось той особенностью, “katera je bila že zdavna razvita v narodnem govoru, ni prišla na površje v književnem jeziku, da se ni sprejela v književni jezik” [156: 181].

В более поздних текстах писатели, хотя и произносили твёрдый *l* как [*л*] или [*лʲ*], продолжали копировать орфографические традиции прошлого, не смея “prestopiti mej književnega jezika”, как пишет в своих исследованиях по словенской диалектологии Ватрослав Облак. Своё собственное произношение твёрдого *l* такие “блюстители книжной нормы” принимали за просторечное.

В течение многих столетий звучание [*л*], как комбинаторный вариант *l* твёрдого, не отражалось в книжной традиции, если не принимать во внимание неизбежные описки в текстах. “Консервативная” орфография сохранила свои принципы до настоящего времени. Произношение [*л*] на месте знака *l* в определённых позициях или во всех непалатальных позициях свойственно подавляющему числу славянских языков, и только единичные орфографические системы, например, в современном белорусском и украинском языках, в сербском и хорватском языках, отражают изменения твёрдого *l* на письме (см. Табл. П.4.1.). Это вызывало активные дискуссии нормативистов, например, в словенской орфоэпии “divji boj med elavci in ujevci” в начале XX в. [179: 240], создавало спорные теории о первичном фонетическом качестве знака.

Состояние языкового дуализма тесно переплетается с тезисами о дуализме восприятия языковых единиц, сформулированными И.А. Бодуэном де Куртенэ [4: 19; 78], из которых следует, что отдельный языковой элемент представляет, с одной стороны – произносительно-слуховую (фонетико-акустическую), а с другой – письменно-зрительную (графо-оптическую) форму. Любая буква или их сочетание представляют нам не фонетико-акустическую единицу, а всего лишь её графо-оптический домysel. Отсюда следует, что все письменные тексты являются памятниками только графо-оптической, но не фонетико-акустической стороны языка, и в первых переводческих работах мы, возможно, имеем дело с индивидуальным психическим, акустическим и морфемным отнесениями, которые впоследствии формируют языковой книжный стандарт.

На основе различных фонетических исследований можно говорить о том, что на ранней стадии грамматической кодификации славянских языков факультативность фонетических качеств *l* могла привести к закреплению отдельных звуковых ассоциаций в отдельных морфемных и грамматических формах, т.е. формальное и функциональное разделение причастий прошедшего времени было опосредовано разницей фонетических результатов одного исходного элемента.

Согласно опеределённой схеме языкового мышления, основа инфинитива, как морфема, ассоциирующаяся с определённым действием, при добавлении к ней суффикса *-l-*, становилась формой с предикативной синтаксической функцией, при добавлении к ней элемента *-v-* – атрибутивно-адвербиальной формой с определительно-обстоятельственной функцией. Дополнительными знаками различного морфологического отнесения могли быть, например, позиция причастия, возможности согласования с именем, присутствие вспомогательного глагола, т.е., в дальнейшем, новая категория была сформирована не только на фонетической, но и на синтаксической основе.

На наш взгляд, такое грамматическое разделение причастия прошедшего времени активного залога на два вида: причастие на *-ši, -vši* (*part. praet. act. I*) и эловое причастие (*part. praet. act. II*) прежде всего было обусловлено разделением позиционного фонетического качества *l* в звуковой системе славянских диалектов.

6.3. Фонетическое качество *l* в современных славянских языках и их диалектах

Историческая фонетика славянских языков и современная фонетика отдельных славянских языков, показывают, что твёрдый *l* в своей артикуля-

ции может совпадать с огубленными согласными [*v*], [*w*], полугласным [*u*] или гласными [*o*], [*u*].

Возьмём за опорную модель такого фонетического преобразования признанный переход типа $*l \Rightarrow [u]$ с односторонней направленностью изменения.

Приводимая в приложении таблица (см. **Табл. П.4.1.**) показывает, что из 14 рассматриваемых в ней славянских языков, 9 языков представляют близкую по фонетическим качествам замену твёрдого *l* в один из огубленных звуков, которые можно возвести к условному исходному качеству $*u$.

В таблице не отражены диалектные особенности представленных языков, а схематизированы только сложившиеся литературные нормы (с оговорками для кашубского и полабского языков). Однако, по представленным примерам можно определить, какой литературный язык больше опирался на старую литературную традицию, а какой на язык говора. Таблица чётко демонстрирует, что многие славянские современные языки нашли компромисс между традиционным написанием и традиционным произношением. Для некоторых славянских языков современная норма произношения скорее всего явилась результатом отражения орфографической нормы, тогда как в живом языке она была другой.

Ярким примером книжного преобразования орфоэпической нормы может быть чешский язык. Часто можно встретить с мнением, что в чешских говорах [*u*] на месте *l* звучит преимущественно на территории т.н. чешско-польского порога и это произношение является польским влиянием. Но его география намного шире, а история имеет интересные свидетельства. В современном литературном чешском языке отмечен только один *l* – т.н. “средний”. Он появился на месте мягкого *l* и твёрдого *l*. Два вида этих звуков удерживалось вплоть до XVI в. [218: 52]. Различение твёрдого и мягкого *l* присутствует ещё в Кралицкой Библии (1579–1593). Ян Гус в начале XV в. ещё различал чешское *l* и *l̃* в своей орфографии (*Orthographia Bohemica*, 1406–1412), дал им артикуляционное описание и обозначил различными знаками: $l = I$ (*l*) и $l̃ = \dot{I}$ (*l̃*). Он же указывает в письме “Výklad na desatero přikázání” (≈1400), что достойны кары “Pražané i jiní Čechové, jenž mluvie odpoly česky a odpoly německy riekaјic *tobolka* za *tobolka*, *liko* za *tyko*” [116: 78]. Принято считать, что при Яне Гусе чешский твёрдый *l* был зубным, но другое мнение представляет Богуслав Гала [49: 6–7]. Он отмечает, что о вокализованном твёрдом *l̃*, который сам Гала называет “nedokonale zaokrouhlené”, говорит Ян Гус, когда описывает в своей орфографии произношение пражского *y*: “et simili modo formabit *l̃*”; “pomendo principium linguae sub inferioribus dentibus et in medio elevando linguam per modum

circuli”¹⁵. Оценивая данное артикуляционное описание, Гала пишет, что артикуляция твёрдого *l* при Гусе была именно похожей на *y*, и именно её Гус обозначает на письме с помощью своего знака *ĭ* (*l*). Далее Гала отмечает, что такое произношение *l* свойственно молодому поколению жителей Кракова. Оно, как считает Гала, находилось при Гусе “*ve stavu úpadkovém*”. В литературном чешском правописании также отразилось произношение т.н. “беззвучного *l*”, которое может развиваться из вокализованного произношения – *zrcátiko* из *zrcadlko* – что косвенно подтверждает нормативность произношения, восходящего к произношению *l* как [*ɥ*] в живом чешском языке. Также с XIV в. в чешском языке отмечается [116: 98] “тенденция к исчезновению” *l* в конце слога после согласного, что представлено в записи форм эловых причастий: *on iest rzek; w krásu si sě oblek*. Современный чешский язык представляет в таких примерах произношение со средним *l*: *nesl, vedl*, – но в говорах почти на всей территории Чехии выступает произношение [*nes*], [*vet*] [116: 98; 126]. Чешским говорам характерно и явление, называемое “*obalování l*”. Например, в некоторых восточных говорах чехов *l* переднеязычно-зубной меняется на *ɥ*: *robiɥ; u stoɥa*. Это явление выступает в разных частях моравско-словацкой территории.

Сегодня абсолютно признано, что вместо *l* переднеязычного “*w systemie współczesnej polszczyzny występuje w gruncie rzeczy ɥ*” [244: 71]. Это положение утверждается у польских языковедов уже в начале XX в., например у Бодуэна де Куртенэ: “*Zgłoska “twarda” l wymawia się “normalnie”, t.j. ze zwarciem przedniojęzykowym i z odchyleniem boków języka, tylko przez mniejszość Polaków, zamiast tego wymawiania spotykamy <...> u znakomitej większości Polaków, samogłoskę niezgłoskotwórczą <...>*” [4: 73]. Но по традиции предполагается, что ещё в XV–XVII вв. это явление имело только единичные проявления, отмеченные в незначительных примерах письменными текстами: “*Małopolska – XV, XVII w., Mazowsze – II połowa XVII w., Wielkopolska – XVIII w.*”. Эти данные, по мнению составителей новейшей польской исторической грамматики, свидетельствуют, что явление только к XIX и XX вв. постепенно распространилось на всю Польшу [61: 153], но такая позиция, видимо, сформирована без учета состояния диглосии в письменном и устном языке.

Из представленных в таблице (см. Табл. П.4.1.) норм произношения славянского *l* довольно “обманчивым” является, например, качество *l* в болгарском языке. Стойко Стойков отмечает [202: 189–194] присутствие в болгарских диалектах комбинаторного изменения *l*, подобного на изме-

¹⁵ В трактате на латинском языке поясняется, что чешский гласный *y* “образуется положением кончика языка под нижними зубами и поднятием середины языка на манер полукруга; подобным способом образуется *l*”.

нения в польском, белорусском, сербском, хорватском языках. Речь идёт об изменении *l* в [ɹ] в некоторых случаях в *ʎ* или *∅* в абсолютном конце слова или в слоге перед согласным: *бѣу* – но *бѣла*; *одиу* – но *одила*; *вѣук*; *коуко*; *правиуно*. Стойко Стойков считает, что это новое фонетическое явление в болгарских говорах, и пока оно имеет только микродиалектный характер, потому что представлено в деревнях, расположенных на далёком расстоянии друг от друга. Однако, данное явление имеет тенденцию к расширению. Его, в частности, отмечают в западной Македонии, также определяя качество *l* = *ɹ* как секундарное и молодое. На наш взгляд, эти сведения можно расценивать с точностью наоборот и отметить в болгарском и македонском языках остаточное явление, издавна присущее славянским диалектам.

Почти не представляется возможным проследить качество *l* в эловых причастиях полабских диалектов. Учёные располагают для этого слишком “szczytłym materiałem językowym”, как выражается Казимеж Полянский. Он отмечает [170: 365], что “pisownia jest niedołężna i mało konsekwentna. Każdy z zapisywaczy na swój sposób oddawał w pisowni dźwięki tego języka, przeważnie nie dbając o fonetyczną dokładność i adekwatność zapisów”. В полабском языке мы можем наблюдать только абстрагированный *l*, обобщённый в графике путём “отвлечения от материально сходных звуков” [10: 62]. Павел Й. Шафарик выдвигает версию принадлежности полабского языка к лехитской языковой группе. В числе черт, характерных данной языковой группе, Шафарик выделил различие *l* и *ʎ* [233: 75–76]. Мы можем судить о качестве *l* в полабском на некоторых примерах изменения слогового *l*, напр.: *wauck* (словарик Анонима), *wuhk* (записи Парум Шульце), *Wutska* (словарик Домайера). Как примеры с отражением “*l* беззвучного” могут приниматься формы типа *joz voik* (собрание Пфеффингера), *joz müg* (записи Хеннига), *sek* (записи Парум Шульце). Таких форм немного, и они были причислены грамматистами [112: 231] не к преобладающим формам перфекта, а к вымирающей в полабском языке категории аориста. В этом случае мы можем говорить, что формы простого аориста и перфекта (без вспомогательного глагола) от основ на согласный являются грамматическими омонимами, и мы в равной степени их можем причислить к эловым причастиям, тем более, что полабские записи почти не представляют составных форм времени.

Тема фонетического качества знака *l* является одной из самых изученных в словенской фонетике. Для нас этот материал представляется крайне важным, поскольку произношение предков современных чехов, словаков и словенцев могло быть отражено в старославянских письменных свидетельствах.

Особенно интересными для нас являются данные прекмурского говора словенского языка [162: 37–60], потому что территория современного

Прекмурья входила в состав Коцевлева княжества, где в 867–885 г.г. было создано Мефодиево епископство и развивалась древнейшая славянская богослужебная традиция по греческому обряду.

В примерах из прекмурских переводов Ш. Кюзмича (XVIII в.) эловое причастие имеет *l* ⇒ [o]: *bode šteo* ‘будет читал’, *je dao* ‘дал’, *pobüdo* ‘побудил’, *dopiüsto* ‘допустил’, *erkao* ‘сказал, рек’ (развитие гласного *a* < *ъ*); но: *vüpravši* (вновь суффикс *-vši!*, хотя он звучит как [үši]).

В переводах библейской литературы Миклоша Кюзмича, современника Штефана Кюзмича, мы встречаем следующую транскрипцию эловых причастий: *šou*, *pitao*, *odgouvoro*, *zaropadno*, *včio se*, формы с исходным кратким неслоговым **l* пишутся через *u*: *puno* [153].

Более ранняя (XVI в.) кайкавская рукопись религиозной песни: “Narodil fze je krally nebefzki...” при “домашней”, прекмурской обработке (XVIII в.) собирателя песен Михала Бакоша приобретает вид: “Naroudo fze je kráo¹⁶ nebefzki...” [153: 138].

Прекмурское наречие словенцев, часть которых проживает сегодня в Венгрии, в современном варианте звучания и транскрипции весьма схоже с приведенным выше [68: 23–35]: **эловые формы** – *gréizo* ‘грыз’, *mieto* ‘мёл’, *préo* ‘прял’, *üšo* ‘ушёл’, *mráo* ‘умер’, *mló* ‘молол’, *stísno* ‘стиснул’, **преобразование **-ьlt***: *pun*, *čun*, *tóunčti*, *žóunta*, *dóumbati*.

Переход *l* в [ү] во многих славянских диалектах представлен гораздо шире, чем на то может указать норма литературного языка, основанная на одном или нескольких диалектах.

Можно, к примеру, отметить, что гореньская и корошская группы диалектов словенского языка представляют т.н. *švaránje* – произношение *l* как [ү] не только в указанных в таблице позициях, но в т.ч. и перед гласными, напр.: [ү]ic < *luč* “свет”; š[ү]a < *šla* “шла”.

В закрытом слоге любого происхождения произносится [ү] на месте *l* в некоторых северо-западных украинских говорах, в т. ч. и в таких примерах, как: *орёў*, *стiў*, *горiўка*.

В юго-западных русских говорах, соседних с украинскими и белорусскими, также наблюдается произношение, сходное с нормами в этих языках: [w] – до[w]го, сто[w]б, да[w], умы[w]ся.

Звук [ү] вместо *l* представлен и в северновеликорусских говорах, однако установилось мнение о его отличительной, а именно финно-угорской, подоснове.

Здесь также важно отметить ещё один вариант произношения *l* твёрдого, который по некоторым традициям определён как “*l* беззвучное”

¹⁶ Свидетельство отвердения по аналогии исходного *l* мягкого, характерное и современному прекмурскому говору.

[80: 54], [11: 19], [177: 186] или “*l* редуцированное” [244; 112]. Бодуэн де Куртене называет это явление “wynikiem dążności do oszczędzania pracy”, а также “глухим *l*”, в некоторых его рассуждениях присутствует также определение “непроизносимое *l*”, что соответствует в том числе и понятию “труднопроизносимое *l*” [3: 17]. На наш взгляд, “*l* беззвучное” может исходить только из произношения *l* = [ɹ], что соотносится с позицией *l- между двух согласных типа польск. *jablko* = [japko] или в группе других лабиальных звуков, где один из них устраняется, напр.: польск. *Włodek* в скором темпе произносится как [wodek], польск. *głupi* как [gupi], в.-луж. *plot* = [pot], *włosy* = [ɹosy]. Такое “беззвучное” или “редуцированное” произношение *l* проявляется также в формах элового причастия от инфинитивов с основой на согласный, т.е. в позиции конца слова после согласного, напр. в польск. *zmarł* = [zmars]; *przyszedł* = [pšyšet]. Аналогичное отпадение “беззвучного *l*” и данное произношение отражено в орфографии белорусского, украинского и русского языков: бел. *памёр*, *падох*; рус. *замёрз*, *принёс*. Ефим Карский называет это явление “общерусским” (включая в это понятие русское, белорусское и украинское наречие) и отмечает отпадение *л* после *р*: “зѣд’ор, ѣм’ор; к: н’ок; г: мох; з: грис; с: н’ос” [81: 60]. Сюда можно добавить и сочетания типа **-pl*; **-bl* в конце элового причастия: *ослеп*, *озяб*. К подобного рода примерам можно отнести присутствие некоторых аористных форм в полабских письменных свидетельствах типа *tiŭq* “мог”, *voik* “учился” (ср. рус. *привык*), *sek* “резал, сёк”, которые одновременно могут соотноситься со стяженным перфектом, утратившим конечное *l* [206: 71]. О присутствии “*l* беззвучного” в словенском языке пишет Ф. Рамовш [177: 186] в рецензии на работу Ф. Илешича “Izgowor slowenskega knjižnega jezika” [76: 50–67]:

Velika večina ima za stari *l* pri glagolskih deblich, ki se končujejo na samoglasnik, “*ɹ*” <...>. Ta “*ɹ*” more pri hitrem govornem tempo postati brezglasen <...> ali tudi povsem odpasti”¹⁷.

В качестве примеров приводятся слова из нотранского наречия словенского языка типа *vid*, *hval*, *nés*, *már*, *opr* [177: 187], и хотя Ф. Рамовш полагает, что такие случаи произношения являются примерами иного порядка, чем восточнославянские глагольные формы прошедшего времени 3 л. ед. м.р. *толокъ*, *жѣгъ*, *тѣкъ*, и словенские примеры связаны, по мнению учёного, только с оппозицией старательного (медленного) *vidu* / нестарательного (быстрого) произношения *vid*, а русские явились результатом позиционного артикуляционного преобразования *l* по схеме *текль* ⇒ *tekl* ⇒ *tek*

¹⁷ “Большинство (диалектов – прим. И.К.) использует вместо старого *l* при глагольной основе, заканчивающейся на согласный, “*ɹ*”. <...> Этот “*ɹ*” может при быстром разговорном темпе стать беззвучным <...> или же совсем отпасть”.

[177: 187]. Мы считаем это проявлениями одного фонетического свойства, в том числе связанного и с темпом произношения.

Опираясь на модель, представленную выше, мы можем констатировать, что место славянской фонемы [ɫ] по определённой системе начинает занимать новая фонема, характеризующаяся признаком лабиальности. Если фонемой переходного характера считать [ɯ], артикулируемое без смычки, то при активизации участия губ и добавлении долготы осуществляется переход [ɯ] $\Rightarrow$ [u]. Долгота или краткость артикуляции [ɯ] определяют произносительную разницу, когда $\text{ɫ} \Rightarrow [\text{u}]$ и $\text{ɫ} \Rightarrow [\text{ʊ}] \Rightarrow \emptyset$. С учётом темпа произношения Ф. Рамовш называл такие формы *lento*-форма и *allegro*-форма [177: 187]. Добавление качества открытости определяет переход [u] $\Rightarrow$ [o]. При усилении губно-губной смычной артикуляции [ɯ] может преобразоваться в [ɰ]. Смещение артикуляции от билабиальной до губно-зубной даёт [v].

Данные нашей таблицы (см. **Табл. П.4.1.**) свидетельствуют, что произношение лабиализованного полугласного или гласного звука на месте твёрдого **ɫ** распространено на большинство славянских языков. Такое произношение **ɫ** было позиционно обусловлено и протекало на обширном славянском пространстве в равных фонетических условиях, в одинаковых позициях и формах. Из таблицы можно выделить ту преобладающую позицию в которой $\text{ɫ} \Rightarrow [\text{ɯ}]$: это позиция конца слова или слога, характерная не только определённым фонетическим моделям типа **ɫt-*, но и определённым грамматическим формам, а именно форме элового причастия в 3 л. ед.ч. м.р.

6.4. Некоторые тенденции развития **ɫ**

Вокализированное произношение **ɫ** в некоторых исследованиях связывают со стремлением сократить артикуляционные усилия. При этом артикуляцию **ɫ** можно назвать, “неинтенсивной” [183: 242], “незавершенной” или даже “несовершенной”¹⁸ [3: 20], [49: 7].

Определяется зависимость процесса вокализации **ɫ** от соседних гласных звуков: так признак лабиализации связан с соседством гласных **o** или **u**, а заднеязычную артикуляцию могут вызвать гласные нижнего ряда [49: 7]. Позиционную вокализацию **ɫ** обеспечивает и закрытый слог, когда **ɫ** становится слоговым. Слоговость приобретает **ɫ** также в позиции после согласного в конце слова.

¹⁸ В исследовании Б. Галы [49: 7] такая артикуляция называется “nedokonala”.

В сочетании *согласный* + *l* вокализированное *l* становится невыразительным и упрощается в произношении, но в различных славянских говорах по-разному.

Один из проблемных моментов сопоставления форм элового причастия и причастия на **-ŷs* связан с формами, образованными от основ на **-d-* и **-t-*. При допущении вариативного произношения морфем эти формы в старославянской грамматике не смешиваются: *сѣдѣ*, но *сѣлѣ*. Можно допускать, что в этом отражена очередная вариативность произношения одной формы в славянских говорах. Так в современном польском языке эловая форма звучит не иначе как [ʃet] при орфографии *szedł*, но в русском языке мы встречаем *шел*, в белорусском – *шоў*. Но такую вариантность можно встретить в различных говорах в пределах одного славянского языка. Например, в словенских говорах отмечена вариантность форм типа *padu*, *kradu* (Любляна, Блед) и *pów*, *krów* (Боровница, Постойна), и касается она только основ инфинитива на *-d-*, *-t-*.

На этом примере можно дать следующие пояснения [176: 165]:

- основной формой следует считать форму типа *kradlъ*, *padlъ*;
- изменение сочетаний *-d-*, *-t-* + суффикс элового причастия *l* соотносится с изменением подобных сочетаний в *nominum instrumenti* типа: *šidlo* ⇒ *šilo*;
- дальнейшие изменения проходили по аналогии с существительными с инструментальным суффиксом *-dl-*: *padl*, но *palo* (ср. р.), *pala* (ж. р.);
- ещё более поздней аналогией следует считать изменение *pal*, *palo*, *pala* как *bral*, *bralo*, *brala*, где *l* в позиции конца слова произносится как [w] или [u].

Интересное явление отмечает Я. Гебауэр [52: 366] в чешских диалектах (опаковский говор), подтверждающее артикуляционное сходство *l* и *w*: по какой-то “ложной этимологии”, как пишет Гебауэр, появился приставной или вставной *l* – *paluk*, вместо *pauk*, *ludžica* вместо *udica*. Гебауэр пишет, что это явление связано с чешским “*l obalováním*” [52: 366].

Можно также установить определённую связь, если не зависимость, преобразования **l* в *u* и преобразования **v* в *u*. Обычно в том славянском языке, где **v* произносится билабиально или как [u] – параллельно наблюдается такое же произношение *l*. В некоторых случаях высказывается мнение [183: 242], что развитие *l* определилось подобием артикуляции на артикуляцию праславянского **v*: если позиционно **v* развивался в *u*, то и **l* развивался в *u*. Примером этому могут быть словенский, украинский и белорусский языки. Если же **v* представляет лабиодентальную артикуляцию, то и *l* является губно-зубным, например, в болгарском, македонском, русском языках. Нередко языки совмещают губно-зубную артикуляцию **v* с вокализованной артикуляцией **l*, напр.: польский язык, – это

положение часто представляют литературные языки, но в говорах фиксируется вокализованный или билабиальный *v.

Можно предполагать, что в отдельных языках представлено разрешение проблемы позиционных различий *l и *u / *v, напр.: в сербо-лужицких языках – произношение l и v во всех позициях = [u], в польском языке – произношение l во всех позициях как [u], w во всех позициях как [v], в русском языке произношение л во всех позициях как [l] и в как [v]¹⁹.

К данным рассуждениям следует добавить рассуждения о смешении в славянских говорах этимологического *l и *u / *v. Нам известны такие примеры из литературных современных словоформ, типа: рус. *свобода* / *слобода*, *метла* / *брита*, либо бел. *дзяржава* и словен. *dežela* < *dřžála.

Рассуждения о смешении l / v в словенских говорах приводятся в работе Ф. Рамовша “Iz slovenske dialektologije” [180: 264], где он делает ссылку на замечания по этому поводу Л. Пинтара, Ф. Миклошича и И.А. Бодуэна де Куртэне. По мнению Рамовша, произошло явление местного порядка, исключаяющее внешние влияния, а основанное на внутриворонном фонетическом качестве v = [u] позиционно и l = [u] позиционно. “При этом как будто бы совершилось бессознательное решение целого ряда пропорций <...>” [17: 84]. Примером подобного смешения l / v являются в т.ч. и слова с этимологическим *u, как, например, из словенского гореньского говора: *cerkle* “церкви”; *bukle* “буквы”, – либо в формах прилагательных типа *pralo* вместо *pravo*; *beva* вместо *bela*, исходящих по аналогии из кратких форм м.р. ед.ч. И.п. *prav* [prau] и *bel* [beu]. В т.ч., например, словенская фамилия *Bevk* (писатель – France Bevk) этимологически восходит к распространенной у славян фамилии *Belak*.

Но из данных рассуждений неизбежно возникает вопрос: что раньше закрепилось в современных формах эловых причастий – [l] на месте этимологического *u или [u] на месте этимологического *l? По крайней мере, к дальнейшим исследованиям данного вопроса нас подталкивают грамматические формы, функционально идентичные со славянским эловым причастием. В частности, литовское причастие действительного залога прошедшего времени с суффиксом -(i)us.

Нам также кажутся важными замечания Бодуэна де Куртэне [4: 36–37] о том, что для славянских языков артикуляционная черта: губной и язычный согласный, – могла быть элементом чередования. Кроме того, Бодуэн де Куртэне отмечает тенденцию перехода заднеязычных в переднеязычные в славянских языках в ярчайшем примере славянской палатализации заднеязычных. При этом в славянских языках не наблюдается утраты переднея-

¹⁹ В данном случае мы не учитываем позиционного оглушения v = f или грамматических чередований по твердости-мягкости.

зычности согласных (если только не упомянуть *s ⇒ *x*). А это значит, что и переход переднеязычного *l* в *u*, определённый историческими грамматиками славянских языков и часто называемый молодым явлением славянской фонетики, вряд ли может нарушить эту тенденцию, и можно предполагать развитие переднеязычной артикуляции *l* из заднеязычной вокализированной, в т.ч. там, где она была представлена на уровне чередований.

В качестве дополнительного замечания по тенденциям развития *l* следует привести данные верхнелужицких говоров, где отмечено не только вокализированное произношение *l и *v, но и равное им произношение *h* как [ɥ], а в конце слова *h* имеет тенденцию к исчезновению, напр.: *pluh* = [pɥu], *noha* = [noɥa]. Такое фонетическое преобразование соотносимо с преобразованием форм аориста в македонском языке, где аорист представлен морфемой -*в*-.

Некоторые тенденции развития *l* и его фонетическое сходство с комбинаторными вариантами других фонем дают возможность взглянуть на альтернанты записи *l* как на единую форму. В славянских грамматиках, в т.ч. старославянской грамматике, в группе форм прошедшего времени часто обнаруживаются грамматические омонимы, например, старославянская форма *секъ* или *рекъ* может быть и *participium praeteriti activi l*, и формой простого аориста. С пониманием произносительно-слухового состава элемента *l* в эловом причастии число омонимичных форм увеличивается: форма [sek] и [r'ek] может соответствовать эловому причастию с “*l* беззвучным”, что и представлено в ряде славянских языков, например, в польском, где только согласно морфологическому принципу орфографии эти формы записываются как *siekl*, *rzekl*. Соответственно, грамматическими омонимами являются формы типа ст.-слав. *знавѣ* и *зналѣ*, а в современном македонском языке мы обнаруживаем форму аориста с омонимичным элементом -*в*-, которая восходит к ст.-слав. -*х*-: *знахъ*. Но случаи диалектного смешения -*в*-, -*х*-, -*л*-, а также случаи их звуковой аннуляции в конце слова вполне дают основания во всех трёх грамматических формах, и даже в форме ст.-слав. аориста *зна*, видеть смешение восходящее к одной форме, вплоть до перспективы усматривать в элементе старославянского нового сигматического аориста *о*, например, в форме ст.-слав. *рекохъ*, не что иное как вокализацию *l*, ведь славянским памятникам известны такие контаминации, как *pisalech*.

6.5. Вопрос о первом письменном свидетельстве произношения *l как [ɥ] или [w]

Заявление о том, что Кирилл и Мефодий обобщили в знаках *л* и *в* ряд альтернантов одного исходного звука, используя эту графо-акустическую

абстракцию для разделения функций активного причастия претерита, всё же должно иметь более веские основания. Вернёмся к тому, что перво-просветители Кирилл и Мефодий записывали аутентичную славянскую речь с опорой на греческую графическую и грамматическую традицию. И мы не можем утверждать безупречное соотнесение ими звука и буквы. В частности, важно учитывать тот орфографический принцип, к которому прежде всего прибегали “солунские братья” – отдельному звуку дать отдельный знак, следовательно, позиционный вариант *l* мог быть записан разными знаками: *-ѡ-* (билабиальное произношение *l* = [w]); *-ѡ* (“беззвучное” произношение *l*) либо же *-л-* (произношение зубного *l* твёрдого или среднего в позиции перед гласным). Таким образом можно предполагать, что именно тексты IX в. кирилло-мефодиевского канона могут быть первой датой фиксации произношения [ɹ] вместо [l].

Данная посылка требует, естественно, дополнительных подробных доказательств. В их числе может быть аргументация, связанная с нашим фонетическим исследованием, из которого следует, что [l] является функционально идентичным с [ɹ], [o], [u], [w], [v], [ø]. Следовательно, при допустимости одного из вариантов произношения *l*, зловое причастие, образованное от основы на гласный, могло звучать и быть записанным как *znal, znau, znaw, znav* (*nota bene* ст.-слав. *знавъ*) и т.п., а образованное от основы на согласный приближалось бы в своём звучании к форме с “*l* беззвучным” типа [tek] от *tekl (*nota bene* ст.-сл. *текъ*).

Гораздо убедительней выглядит датировка орфографических ошибок в различных славянских текстах, а также указания на произношение знака *l* в нормативных трудах и предисловиях к первым изданиям отдельных славянских языков. Распространённым является мнение, что произношение [ɹ] вместо *l* формируется как раз в период, с которым связано “раскрепощение” языка от строгих литературных канонов, т.е. не раньше XIV, XV или даже XVI в.

К числу первых восточнославянских свидетельств можно отнести пример, приведенный С.П. Бевзенко [6: 214]: в грамоте 1356 г. князя Олега Рязанского встречается редкий пример перфекта с орфографией *-ѡъ*: *сгадавъ есмь*.

А.С. Мельничук обнаруживает использование суффикса *-ѡъ* предикативном употреблении причастия, но в обороте без вспомогательного глагола, уже в списке XII в. “Жития Бориса и Глеба”: “И си видѣвъ блаженни, разумѣвъ, яко хотять его убити” [133: 209]. Так Ф.П. Филин [228: 334] упоминает случай написания *ѡ* вместо *л* в новгородской берестяной грамоте №27 XIV в.: *написаѡо*. “Если автор этого письма на бересте некий Фалей не описался, а передал своё произношение, то мы имеем здесь наиболее ранний зафиксированный случай северновеликорусского *ɹ* (w)” [228: 334].

А.И. Соболевский и А.А. Шахматов считали, что формы с *у* вместо *l* появляются в белорусских и украинских памятниках лишь в XV–XVI в. Самые ранние написания *л = ѣ* в памятниках, относящихся к Беларуси и называемых “старобелорусскими”, отмечается в конце XV ст. [30: 237]: *ѡт нѣе родивъсѧ хъсъ* (Четия, 1489). Карский фиксирует появление *у* или *ѡ* вместо *л* в первых “старобелорусских” переводах псалтыри XV–XVII вв. и в литовских летописях XV–XVI в.в. Он также замечает, что появление *ѣ* в белорусском языке “на месцы *л* у прошлым часе і *ѣ* некаторых іншых выпадках, дзе яно з *л-ѣл*: *быѣ, прасіѣ, поѣны*” можно проследить уже с XIV столетия. В качестве примера Карский приводит написание имени Витовт и выражение “не в долгу”: “Гук *ѣ* на месцы *л*: *Witowt (= Витолтъ)* 1390 г., *не в довѣ* – 1489 і інш.” [85: 13–14]²⁰. С конца XV в. отмечается [30: 240] массовое появление в “старобелорусских” памятниках таких форм как *воскресъ, сохъ, утекъ, рекъ*.

А. Белич отмечает [7: 9] первое свидетельство перехода *л* в *о* в сербохорватском языке в конце XIV в., приводя пример записи в памятнике письменности слова “полдень” как *подън*, что соотносится с современным произношением [*подне*] в этой группе языков.

Интересным нам также представляется пример, приведённый К. Полянским [169: 152]. Исследователь отмечает, что Христиан Хенниг, сравнивая в своём словаре (*Vocabularium Venedicum*, 1705) полабские и лужицкие формы, слову *ssane*, что в полабском обозначает “жила”, противопоставляет лужицкое *žiwa*, которому в современной орфографии соответствует *žila*. Таким образом отражено лужицкое произношение *l* в XVI–XVII вв.

Самые первые следы перехода *l* ⇒ [*у*] в польском языке обнаруживает польский исследователь А. Брюкнер в *Księgach peregrynackich* Матея Рывоцкого, датированных 1584–1587 гг., и отмечает это в словарной статье под заголовком *Narzecze* [27: 356]: “cecha “wałczenie”, wymawianie wargowe płynnej *l*, jeszcze bardziej rozpowszechniona, młodsza (прим. И.К. – чем мазурение, которое Брюкнер в этом же словарном заголовке описывает выше и датирует приблизительно 1000 г.), w 16. wieku stale u chłopów przedrzeźniana, w języku pisemnym się nie objawia (chyba u Mazura Rywockiego w r. 1584, piszącego *omglau, poslau, kardynau* itp.).²¹ Польские филологи при этом не рассматривают случаи написания *szedw, spadw, pojadw*, встречающиеся, например, в Библии королевы Зофы (XV в.), как

²⁰ Более подробных ссылок исследователь в цитируемой небольшой статье не приводит.

²¹ “<...> явление “валчение”, т.е. губное произношение плавного *l*, распространено ещё больше, оно моложе, в XVI веке постоянно передразнивалось у крестьян, в письменном языке не появлялось (разве что у мазура Рывоцкого в 1584 г., который писал *omglau, poslau, kardynau* и т.п.)”.

свидетельство перехода *l* ⇒ [*ɥ*] в польском языке, а называют их примерами отступления от праславянского состояния, где данное причастие (*participium praeteriti activi I*) обозначено формой на -ь [86: 384]. В то же время в современном польском языке существуют аналогичные формы с орфографией *szedł, spadł, pojadł*, являющиеся эловыми причастиями. Следует ещё раз отметить, что процесс “вытеснения” переднеязычно-зубного произношения *l* лабиальным несмычным в польском языке наблюдается до настоящего времени, что может быть примером прежде всего сильнейшей книжной традиции или иных внешних влияний с конца XVIII до начала XX вв.

В истории польского литературного языка также присутствует яркое противопоставление высокого книжного и диалектного, просторечно-го произношения. Поиски примет местного говора и провинциализмов в старопольских текстах часто остаются безуспешными. “Nie było jeszcze książek, ale był już język książkowy, odbijający gładkością, ale i traktem wyrazistości od mowy potocznej” [26: 205]. Польскому “уху” казалось резким произношение, выдающее крестьянина. Язык переживает конфликтную ситуацию дуализма: он хочет отличаться от языка “голытьбы”, но при этом избавиться от устаревших форм и мёртвых “чужих традиций”. Выход был найден в своеобразном “билингвизме “своего” и “чужого” [208: 63]. Если первый польский орфографический трактат 1445 г. отличало “straszne zacierzewienie łacińskie” [25: 108], и его составитель Якуб Паркошовиц мог использовать один латинский знак для двух совершенно различных польских звуков, то орфография Яна Кохановского, польского поэта и реформатора языка, изданная первый раз в 1592 г. во Львове в составе латинской грамматики Яна Урсинуса Львовчика [72: 178], отмечает два *l* с различным произношением в польском языке: “*L* Dwoje Lew to jest własne łacińskie, łuk, arcus, a to jest polskie”, для которых Кохановский предложил использовать специальные значки, отличающие их друг от друга и от латинского *l*. Через два года официальный издатель орфографии Яна Кохановского – Ян Янушовский (*Nowy Karakter Polski* <...>, 1594) – комментирует неудобство придуманных знаков и советует, чтобы не было ошибок в написании, *l* мягкий писать по-латински, а твёрдый перечёркивать по середине *l*, что сохраняется и в современном польском способе написания. В издании Янушовского несколько изменён комментарий автора орфографии к знаку *l* [72: 178]: “*L* dwoje, jedno łacińskie, które tak pisać ładaco, lód, wilk, ktokolwiek. Drugie **barbarum**, które tak pisać kłótko, łaskawy, łakomy”. В польской традиции считается, что под *l-barbarum* Кохановский подразумевал *l* с заднеязычной артикуляцией, т.н. “*l* walczone”. О том, что польские крестьяне не произносят латинского *l*, писал с иронией в своих сатирических стихах (фрашках) Вацлав Потоцкий, польский поэт-сатирик

XVII в. [48: 39]. Рукопись его стихов 1670–1695 гг. под названием автора “Ogród, ale nie pleniony...”, издал в 2-х томах в 1907 г. А. Брюкнер под названием “Ogród fraszek”. Фрашка “Omyłka o pogłównem” представляет исчезновение из слова **t** в результате “валчения”, что и вызывает комический эффект: “Gdy z gościem po podworzu przechodzę się równem, / Aż chłop idzie. – Ty dokąd? – do dwora z pogównem. – / Rzekł miasto pogłównego; **t** nie mówią chłopi / W Podgorzu <...>” (*Ogród fraszek*, 1907: 15–16). И вновь речь идёт о т.н. “валчении” (произношении **t** как [ɹ]), которое передразнивается у крестьян, которое присутствует в говоре простолюдина, неизбежно прорываясь в нормы произношения и письменную традицию.

В первой словенской библейской переводческой работе – Катехизисе [221, предисловие] – её автор, Примож Трубарь даёт начальные орфографические и орфоэпические замечания в обращении “Lieber leser”, к дорогому читателю, в т.ч. и о произношении упоминаемого нами твёрдого **t**:

In dieſer vnſerer Windiſchen Sprach mueß du das V. gemeinklich fur ein lindes F. oder Grichifch Vitta vnd das H. ſcharff wie die teutfchen jr Ch. Vn das L. zu zeiten grob auff Vngriſch od Biſyackiſch Darnach die vocal nach aigentschafft vnſerer Sprach außzusprechen dich gewoenen <...>.

– из которых следует, что “**t** иногда грубо (толсто?) в соответствии с тем звуком, “что на Огрском или у бизьяков, и нашему языку присущим, произнести подобает”.

То же самое Трубарь отмечает в “Abecedarium vnd der klein Catechiſmus” (1550): “inu ta L. debellu, inu te ſtymouce po tej ſhegi naſhiga Jeſiga ſe navadite iſrezhi”, – популяризируя именно грубое (толстое?) произношение указанного знака. Позднее, в Abecedarium (1555) мы встречаем аналогичный комментарий Трубаря: “Lvbi Slouenci, Vom ie potreba ſe nauuzhiti inu nauaditi, <...> ta L. zhaji debelu po Beſiashku iſrezhi. Taku bote ta nash slouenski iefig prou tar lahku brali inu piſſali”.

Звуковое несоответствие написанию твёрдого **t**, как поясняет несколько раз Трубарь, должно проявляться “zu zeiten”, т.е. “иногда”, и мы можем догадываться, о каких позиционных изменениях **t** идёт речь. Кроме того, в числе артикуляционных характеристик **t** Трубарь называет произношение “z jezikaſm zavalénim”, называет **t** “грубым” или “толстым”, и данные характеристики весьма схожи с указанием о произношении **t** в первой латиноязычной грамматике словенского языка А. Бохорича [20: 26]²²: “sed interdum craffe efferenda, quasi sit gemina, praesertum in fine, vt: *debél*...”.²³ Известно

²² Признано, что все словенские грамматики отражают билабиальное произношение **t**.

²³ Перевод на словенский язык Й. Топоришча: “...včasich jo je treba izgovoriti debelo, kakor da je podvojena, posebno na koncu, kakor *débel*...” (“иногда её нужно произнести толсто, как будто она удвоена, особенно в конце: *débel*...”).

также, что Трубарь часто использует для велярного **l** двойной знак **ll**, словно подчёркивая его “толстое” произношение, а в грамматике Бохорича иногда в написании **l** проскальзывает “ошибочное” **u**: *mouzhe stojim* (рус. *стою молча*) [20: 148].

Орфоэпические пояснения Трубаря можно считать одной из первых фиксаций произношения [**u**] вместо [**l**] в словенских говорах. В этом плане интересно будет отметить, что такое “толстое” обозначение **l** достаточно регулярно используется в старейших словенских рукописях. В исповедях, молитвах и песнях, которые содержатся в Стиченской рукописи (1428), мы встречаем много форм эловых причастий с двойным знаком: *zatayll*, *poprauyll*, *praffnovall*, *morall* [199]. Облак отмечает удваивание согласных, как одно из свойств немецкой орфографии, которое используется в старейших словенских текстах в т.ч. и для **l** твёрдого в эловых причастиях: *priell*, *wdall*, *odpoueydall*, *oblubill* [155: 125]. Для звука, который может скрываться под таким знаком, Облак использует определение “**l** temne barve” или “temne **f**”. Сдвоенный знак **ll** для обозначения **l** можно встретить в старочешских памятниках до того, как Ян Гус ввёл специальный знак для твёрдого **l** (**ḷ**) [52: 353–354]. Здесь уместно также привести примеры из наблюдений Брюкнера [28: 396]: он отмечает, что латинский знак **ll** перед гласными **o** и **a** в старых польских заимствованиях переходит в перечёркнутое **l**: *Pilat*; *palac* (*pallatum*); *oplatek* (*opllata*); *bula* (*bullā*), – что, согласно орфографии Яна Кохановского, могло обозначать его лабиальное произношение.

Несколько глаголических записей бытового характера глаголяша, попа (как он сам себя называет) Михела Бенчича, датированных 1570–1575 гг., было обнаружено на внутренней обложке старых книг Камницкой Францисканской монастырской библиотеки (*Conventus PP. Franciscanorum Camnicii*) исследователем из Люблянского университета Янезом Зором²⁴ (см. П.5.).

Уже в своём имени автор записей Михел Бенчич “совершает ошибку”: “to so bokve po mihe**la** benčiča iz roča” (запись под сигнатурой) и далее “<...> mihev benčič rodōm iz roča biv podrožnik v dobre pole pole gospodina <...>” (запись №1). Далее встречаются записи элового причастия в форме “e bog dav”, “ie biv”, “krstiv ga ie”, но при этом “so ga imenova**l**”, “se ie loč**ila** iz t**iga** sv**ita**” и один случай “ia <...> bi**f**”.

Эти записи являются одним из первых бесспорных свидетельств позиционного произношения **l** как [**u**] в славянских языках. В глаголических записях Михела Бенчича твёрдый **l** обозначен в ряде позиций знаком **v**.

²⁴ Находка пока не была опубликована и была любезно предоставлена нам исследователем для печати (см. также [105: 131–144]).

Наконец, одно из самых ранних бесспорных письменных свидетельств славянского (словенского) произношения твёрдого *l* как [ɹ] представляет Павле Мерку по данным словенского языка окрестностей Триеста [135: 261]. В записях словенских фамилий в латиноязычных документах 1357 г. фигурирует морфема *Vouch-*; *Vouc-*, соотносимая с праславянским корнем *-*v!k-*. Мерку также отмечает, что один случай лабиовеляризации *l* (*l* ⇒ *ɹ*) был представлен в записи фамилии с той же корневой морфемой в 1351 г. [136: 455].

Мы представили историю нескольких письменных датировок фонетического перехода *l* ⇒ [ɹ]. Самая ранняя из них относится к XII в. Но представленные выше теоретические доводы дают основание полагать, что первым свидетельством произношения *l* как *ɹ* могут являться и старославянские памятники письменности. В какой-то степени приблизить нас к такому доказательству может высказывание Ф. Рамовша [175: 51], где он говорит, что нельзя точно сказать, когда совершился переход *l* ⇒ [ɹ], как сильно влияла на него традиция, но очевидным остаётся то, что *ɹ* произносилось вместо *l* по крайней мере за столетие до того, как это произношение начали отражать в письменности²⁵.

Выводы к гл. 6:

- Анализ произносительных вариантов *l* и *v* в славянских языках и их диалектах даёт основания считать, что двойные формы действительного причастия прошедшего времени были представлены уже в старославянских текстах по причине разного функционального отнесения вариантов произношения одной формы. Сформировавшаяся двойная орфографическая норма соответствовала морфологическому принципу написания вариантов произношения одной морфемы, но закрепились по-разному не только за произносительным, но и за функциональным вариантом единой формы причастия. Орфография, а отсюда и орфоэпия письма, в системе диглоссии не соотносились с диалектным произношением, как возвышенное не соотносилось с “плебейским”. Можно отметить, что в современных славянских языках орфография, а нередко и произношение *l*, являют собой наследие давних литературно-письменных традиций.

²⁵ Оригинал цитаты на немецком языке: “So können wir z. B. nicht genau angeben, wann der Wandel *l* > *ɹ* eingetreten ist; wie stark die Tradition gewirkt hat, sehen wir daraus, daß Kasteliz noch am Ende des XVII Jahrh. nie für *l* schreibt, trotzdem es für mich klar ist, daß bereits ein ganzes Jahrhundert früher schon im ganzen slovenischen Westen *ɹ* gesprochen wurde”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Только с учётом взаимодействия двух форм языка: книжного и разговорного, – можно определить развитие исследуемых нами структур грамматики причастий всех славянских языков.

Литературные славянские языки отмечают обычно две точки отсчёта в своём становлении. Первым этапом или “первотолчком” формирования” всех литературных славянских языков можно назвать этап создания старославянских церковных переводов в IX веке. Старославянские тексты, первоначально созданные для нужд христианской литургии, представили языковую систему, которая “никогда не усваивалась в качестве средств живого, повседневного общения” [230: 5]. Имеющая с разговорной речью разных славянских народов сходство и, при этом, отличаясь от неё, она была определена как язык книжно-литературный, как язык славянской письменности, выходящий в дальнейшем за рамки церковного применения. Этот межнациональный литературный язык всего славянства употреблялся в разных редакциях вплоть до образования национальных литературных языков в XVI–XVIII вв. Представленная в старославянских текстах определённая грамматическая модель была признана идеальной и могла пополняться элементами разговорно-бытового характера, а лучше сказать, – могла редактироваться “живой” речью, только по мере ослабления консервативности в литературно-переводческой традиции.

Можно говорить о внелитературном развитии “живой” славянской речи в период с IX и в среднем до XVI столетия. Разговорное состояние славянских языков в этот период неизвестно. Принято считать, что сходство церковнославянских изводов, старательно копирующих древние тексты, доказывает сходство языков разных славянских народов и их отдельных грамматических систем. Такое сходство, конечно, нельзя назвать случайным. Но оно отражает не “живые” языковые процессы, а процессы становления литературного языка. Однородность явлений определяется в этом случае однородностью литературной традиции.

Мнение о том, что памятники письменности адекватно отражают народную речь, уже давно не является популярным. Признано, что “диалектные явления прорывались через господствующий языковой стандарт” [228: 91]. Но подлинный прорыв элементов “живой речи” в литературном языке соотносим с реализацией идей Реформации.

Собственно, момент отталкивания от “живого” языка в понимании принципов построения литературного текста и можно определить, как начало нового этапа в литературной традиции славянских народов, как время формирования национальных литературных языков. Этот период определяется в среднем XVI веком. То, что в условиях диглосии, т.е. параллельного существования двух форм языка, имело ритуальный характер или относилось к просторечию, начинает менять свой литературный статус, уравнивается в правах со своей “неприемлемой” в определенных сферах противоположностью. Традиционализм произношения, способов письма, склонения и спряжения языковых форм рушится и наполняется национальными признаками. Многие славянские исторические грамматики именно в XVI–XVII вв. отмечают появление “новых” языковых традиций и форм. Это непосредственно отразилось на системе причастий.

Новая литературная концепция не уменьшает ценности старых текстов, и новый литературный вариант языка не означает подмены литературного языка на просторечье. Народные элементы, проникая в литературный язык, конкурируют с “чужими” языковыми средствами, допуская три варианта их отбора (на примере действительных причастий прошедшего времени):

- вытесняют “чужую” форму, заменяя её “своей” (например, причастие на -*ŝ*- заменяется формой на -*l*-);
- утверждают “чужую” форму в качестве “своей” (например, закрепление атрибутивной функции причастия на -*ŝ*- в русском языке с вытеснением формы на -*l*-);
- утверждают “чужую” форму, оставляя ее в литературном употреблении и используя ее параллельно со “своей” формой (такой пример представляют многие славянские языки, где причастие на -*ŝ*- сохраняется как литературный реликт).

Для нашего исследования особенно важно, что условный рубеж – XVI в. – во всех славянских языках представляет “потрясения” в грамматически соотносимых и взаимно трансформируемых глагольных формах. В “народный период” становления литературного языка особенно активно преобразуется система употребления причастий. И однозначно отмечено, что первыми из употребления уходят именно причастия на -*ŷs*-. Их выпадение из грамматики одновременно восполняется эловыми формами. Причём эловые формы характеризуются неожиданно проявившимся в славянских языках билабиальным или вокализированным произношением морфемы -*l*-. Отражение лабиального -*l*- в определенных позициях в памятниках XVI века до настоящего времени определяют, как формирование новой произносительной традиции в славянских диалектах. Но для

оценки этого явления необходимо применить “диглоссийный” взгляд на проблему. И тогда в переходе $l \Rightarrow [\underline{u}]$ можно усматривать проникновение общеславянского, но ставшего просторечным, элемента в литературную норму. Право определять этот комбинаторный вариант l как общеславянский нам дают не только орфоэпические нормы и диалектные данные современных славянских языков, но, в том числе, и те преобразования, которые происходили со времени формирования старославянской письменной традиции в группе причастий, а конкретно – *participium praeteriti activi*. В традиционном написании морфемного показателя *participium praeteriti activi* различными знаками l ($л$) и v ($в$), а также отсутствием знака, в латинской и кириллической графии славянских языков наследовался принцип старославянского обозначения разных случаев комбинаторных изменений одного исходного общеславянского элемента, что можно отразить в формуле: $*-\underline{us} \Rightarrow *-\underline{l} / \underline{u}$. Поначалу, в старославянских текстах такое графическое разделение позиционных вариантов одного звука могло вовсе не обозначать грамматического разделения причастных форм, но в дальнейшем это сформировало новую грамматическую традицию в понимании и использовании форм причастий действительного залога прошедшего времени. Возвращение к единому, а не раздвоенному, состоянию этого звена славянской грамматики происходит в период формирования национальных славянских языков. И славянские языки, условно говоря, проявляют “общеславянское единство” в этом процессе.

Наглядным обобщением нашего исследования в т.ч. служат **Приложения 1–5**, с предоставлением гипотезы о формировании *participium praeteriti activi* (см. **Табл. П. 5.1.**).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bajec A., Kolarič R., Rupel M., Šolar J. Slovenska slovnica. – Ljubljana. 1947. – 352 c.
2. Bartnicka Barbara. Adiektywizacja imiesłowów w języku polskim. Rozprawa habilitacyjna – Warszawa: PWN, 1970. – 189 c.
3. Baudouin de Courtenay Jan. O ogólnych przyczynach zmian językowych. // Prace Filologiczne, III. – 1890. – С. 447–488.
4. Baudouin de Courtenay Jan. Zarys historii języka polskiego. // Biblioteka składnicy, № 10. – Warszawa: Polska Składnica Pomocy Szkolnych, 1922. – 164 c.
5. Бауэр Я. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков. // Вопросы языкознания. – 1963. – №4. – С. 4–13.
6. Бевзенко С.П. Історична морфологія української мови. – Ужгород: Закарпат. обл. вид., 1960. – 416 с.
7. Белић Александар. О прасловенском језику. // Slavia. – 1922. – № 1. – С. 8–11.
8. Бернштейн С.Б. Основные задачи, методы и принципы “Сравнительной грамматики славянских языков”. // Вопросы языкознания. – 1954. – №2. – С. 49–67.
9. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – Москва: АН СССР, 1961. – 350 с.
10. Бернштейн С.Б. Основные понятия фонологии. // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62–80.
11. Benni Tytus. Gramatyka języka polskiego. Fonetyka opisowa. – Kraków: PAU, 1923. – 604 c.
12. Bezljaj France. Repetitorij slovanske morfologije (strojepis autograf). – Ljubljana, 1976. – 13 c.
13. Bezljaj France. Etimološki slovar slovenskega jezika (prva knjiga A–J). – Ljubljana: Mladinska knjiga, 1976. – 235 c.
14. Bezljaj France. Slovenščina in stara cerkvena slovanščina. // Nahtigalov zbornik. Prispevki z mednarodnega simpozija. – Ljubljana: Univerza v Ljubljani, 1977. – С. 27–35.
15. Білодід І.К. Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов. – Київ: Наукова думка, 1979. – 199 с.
16. Boguslawski W., Hórnik M. Historija serbskeho naroda. – Budyšin, 1884.
17. Бодуэн де Куртенэ И.А. Бохинско-посавский говор, оп. 2. // Отчеты командированного <...>. – Казань, 1877. – С. 44–121.
18. Бородич В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках. // Вопросы языкознания. – 1953. – № 6. – С. 69–86.
19. Бородич В.В. К вопросу о значении перфекта в болгарском языке // Славянская филология. – Вып. IV. – Москва: Изд-во МГУ, 1963. – с. 3–31.
20. Bohorizh Adam. Arcticae horulae succusivae. – V Vitebergae, 1584. (faximile с пер. на слов. язык Й. Топоришича) – Maribor: Založba Obzorja, 1987. – 325 c.

21. Breznik Anton. Dobrovskega vpliv na slovenski pismeni jezik. // Jezikoslovne razprave. – Ljubljana.: Slovenska matica, 1982. – С. 63–83.
22. Breznik Anton. Slovenska slovnica za srednje šole. – Celovec, 1916. – 273 с.
23. Brugmann Karl. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Straßburg: Trübner, 1900 (faximile – Berlin: Walter de Gruyter, 1967). – 608 с.
24. Brugmann Karl. Kurze Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Strassburg: Trübner, 1904. – 778 с.
25. Brückner Aleksander. Traktat Parkosów ortograficzny. // Prace Filologiczne, VI. – Warszawa, 1907. – С. 644–650 (107–113).
26. Brückner Aleksander. Dzieje języka polskiego. – Warszawa: Biblioteka Polska, 1925.
27. Brückner Aleksander. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. – 805 с.
28. Brückner Aleksander. Początki i rozwój języka polskiego. – Warszawa: PWN, 1974. – 560 с.
29. Булыка А.М., Жураўскі А.І., Свяжынскі У.М. Мова выданняў Ф. Скарыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 252 с.
30. Булыка А.М., Жураўскі А.І., Крамко І.І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
31. Бунина И.К. Система времён старославянского глагола. – Москва: АН СССР, 1959. – 160 с.
32. Буслаев Ф. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. – Москва: Универс. типография, 1848. – 211 с.
33. Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. – Москва: Издание братьев Салаевых, 1875. – 394 с.
34. Bystron Jan St. Nazwiska polskie // Lwowska biblioteka slawistyczna, T. 4. – Lwów: K.S. Jakubowski, 1927. – 243 с.
35. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. – Москва: Иностранная литература, 1952. – 446 с.
36. Ван-Бейк Н. Ещё раз о Зографском четвероевангелии. // Slavica. – 1922/23. – № 1. – С. 215–221.
37. Večerka Radoslav. Ke genezi slovanských konstrukcí *participia praes. act. a praet. act. I.* // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. – Brno, 1959. – R. VIII. – С. 37–49.
38. Večerka Radoslav. Syntax aktivních participií v staroslovenštině. // Spisy university J.E. Purkyně v Brně, Filosofická fakulta. – 1961. – nr 75. – 168 с.
39. Večerka Radoslav. Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. – Praha: SPN, 1963. – 122 с.
40. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Сборники “Русская речь” (ред. Л.В. Щерба). – Новая серия I. – Ленинград: Academia, 1927. – 119 с.
41. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX века. – Москва: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. – 288 с.
42. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
43. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. – Москва: Изд-во АН СССР, 1958. – 138 с.
44. Vodnik Valentin. Pišmenoft ali Gramatika za Perve Shole. – Ljubljana, 1811. – 190 с.

45. Волюнец Т.Н. Семантика и грамматика русского причастия в языковой системе: Автореферат докторской диссертации. – Минск: БГУ, 1998. – 35 с.
46. Vondrák Václav. Vergleichende slavische Grammatik, BD II. – Göttingen, 1928. – 548 с.
47. Wowčerka Pawoł. Krótka hornjoserbska gramatika, 3. – Berlin, 1955. – 176 с.
48. Gaertner Henryk. Ślady wymowy gwarowej w języku staropolskim. // *Język Polski*, XIX/2. – 1934. – С. 38–40.
49. Hála Bohuslav. K osudům souhlásek l-ových. // *Časopis pro moderní filologii*. – R. XXVI. – Praha, (1939) 1940. – С. 1–7.
50. Gała Sławomir. Polskie nazwy osobowe z podstawowym *-l-* / *-l-* w części sufiksальной. – Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1985. – 460 с.
51. Гаспаров Б.М., Сигалов П.С. Сравнительная грамматика славянских языков: В 2 т. – Тарту: Тартуский ун-т, 1974. – т. 2. – С. 246–496.
52. Gebauer Jan. Historická mluvnice jazyka českého, díl I. Hláskosloví. – Praha: Československá akademie věd, 1963. – 765 с.
53. Генсьорський А.І. Значення форм минулого часу в Галицько-Волинському літопису. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1957. – 88 с.
54. Грамматика литовского языка. Под ред. В. Амбразаса. АН Литовской ССР. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 800 с.
55. Гюлумянц К.М., Кожынава А.А., Кур'ян І.У. Практичная граматыка польскай мовы. // Вучэбна-метадычны дапаможнік. – Мінск: БДУ, 1995. – 86 с.
56. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Москва: Русский язык, 1989. – т. 1.
57. Damborský Jiří. Participium *l*-ové ve slovanštině: Rozprawa habilitacyjna (Dissertationes Universitatis Varsoviensis, 15). – Warszawa: PWN, 1967. – 171 с.
58. Dajanko Peter. Lehrbuch der windischen Sprache. – Graz, 1824. – 344 с.
59. Деянова Мария. История на сложните минали времена в български, сърбскохърватски и словенски език. – София: БАН, 1970. – 236 с.
60. Doroszewski Witold. Podstawy gramatyki polskiej. – Warszawa, 1952. – wyd. I. – 319 с.
61. Długosz-Kurczabowa Krystyna, Dubisz Stanisław. Gramatyka historyczna języka polskiego. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1998. – 333 с.
62. Jesenšek Marko. Razvoj deležniško-deležijskih skladov na *-č* in *-ši* v slovenskem knjižnem jeziku 19. stoletja. Doktorska disertacija. – Ljubljana, 1994. – 287 с.
63. Jesenšek Marko. Deležniško-deležijski skladi na *-č* in *-ši* v zvrstnih besedilih slovenskega knjižnega jezika 19. Stoletja. // XXX Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. – Ljubljana, 1994. – С. 35–52.
64. Jesenšek Marko. Deležniško-deležijski skladi v Küzmičevem in Japlevem prevodu Nove Zaveze. // *Slavistična revija*. – 1991. – letnik 39. – št. 2. – С. 183–197.
65. Журавлёв В.К. Генезис протезов в славянских языках. // Вопросы языкознания. – Москва, 1965. – №4. – С. 32–43.
66. Жураўскі А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: у 2-х т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – т. 1. – 371 с.
67. Жураўскі А.І. Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 319 с.
68. Zorko Zinka. Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. // XXV Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. – Ljubljana, 1989. – С. 23–35.
69. Zwoliński Przemysław. Przejście *l* ⇒ *u* w języku polskim. // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. – Kraków, 1949. – z. IX. – С. 81–96.

70. Zwoliński Przemysław. Wypowiedzi gramatyków XVI–XVII wieku o dialektyzmach w ówczesnej polszczyźnie. // *Pamiętnik Literacki*. – R. XLIII. – Wrocław, 1952. – z. 1–2. – С. 375–407.
71. Zwoliński Przemysław. Gramatyki języka polskiego z XVII wieku jako źródło poznania ówczesnej polszczyzny. // *Poradnik językowy*. – zeszyt I. – 1956. – №7. – С. 251–260.; zeszyt II. – 1956. – №8. – С. 310–321; zeszyt III. – 1956. – №9. – С. 356–369.
72. Zwoliński Przemysław. Jana Kochanowskiego cztery koncepcje ortografii języka narodowego. // *Jan Kochanowski i kultura Odrodzenia*. – Warszawa: PWN, 1985. – С. 170–184.
73. Иванов Вал.Вас. Историческая грамматика русского языка. – Москва: Просвещение, 1990. – 399 с.
74. Иванов. Вяч.Вс. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. // *Вопросы славянского языкознания*. – Москва: АН СССР, 1957. – №2. – С. 3–28.
75. Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. – Москва: Наука, 1981. – 271 с.
76. Plešič Fran. Izgovor slowenskega knjižnega jezika. // *Letopis Matice Slovenske*. – 1912. – С. 50–67.
77. Илиева Деспина. Български език. – Братислава: Slovenské pedagogické nakladateľ'stvo, 1989. – 378 с.
78. Индоевропейские языки. // *Языки народов СССР: В 5-ти т. (ред. В.В. Виноградов)* – Москва: Наука, 1966. – Т. 1. – 659 с.
79. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: В 2-х т. Морфология. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1965. – Т. 2. – 576 с.
80. Karaś Mieczysław. O polskich spółgłoskach *l*-owych. // *Język polski i jego historia*. – Warszawa–Kraków: PWN, 1986. – 338 с.
81. Карский Е.Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи. – Москва: Университетская типография, 1886. – 170 с.
82. Карский Е.Ф. О языке так называемых литовских летописей. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1894. – 64 с.
83. Карский Е.Ф. Западнорусские переводы псалтыри в XV–XVII веках. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1896. – 444 с.
84. Карский Е.Ф. Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки. – Варшава: Типогр. Варшавского учеб. окр., 1899. – 44 с.
85. Карскі Е.Ф. Беларускі народ і яго мова. – Менск, 1920. – 5 с.
86. Klemensiewicz Zenon, Lehr-Splawiński Tadeusz, Urbańczyk Stanisław. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa: PWN, 1955. – 596 с.
87. Klemensiewicz Zenon. Historia języka polskiego. – Warszawa: PWN, 1974. – 797 с.
88. Kolarič Rudolf. Ali so Brižinski spomeniki res starocerkvenoslovanski? // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. – Warszawa, 1965. – №5. – С. 145–153.
89. Kopečný František. Zu den deverbativen *l*-Formationen im Slavischen. // *Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici <...>*. – Cluj: Editură Acad. Rep. Populare Romine, 1958. – С. 269–282.
90. Kopečný František. Prišedší, zahynuvší – příšlý, zahynulý. // *Московский сборник. Славянская филология, II*. – Москва, 1958. – С. 138–163.
91. Kopečný František. Ještě k opisnému préteritu v češtině. // *Slovo a slovesnost*. – R. XIX. – Praha, 1958. – С. 277–282.

92. Kopečný František. Syntetičnost polského i českého přeterita. // *Studia z Filologiei Polskiej i Słowiańskiej*. – 1965. – №5. – С. 341–346.
93. Kopitar Jernej. Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. – Laibach 1808. – 460 с.
94. Koneski Blaže. Gramatika na makedonskiot literaturni jazik (II). – Skopje: Prosvetno delo 1954. – 253 с.
95. Конески Блаже. Историја на македонскиот јазик. – Скопје: Кочо рачин, Београд: Просвета, 1965. – 203 с.
96. Кривчик В.Ф., Можейко Н.С. Старославянский язык. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 302 с.
97. Крулинг Андрей. Канон Вульгаты и славянская Библия. // *Biblia a kultura Europy: B 2-x t.* – Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. – Т. 2. – С. 233–241.
98. Кульбакин С.М. Древнецерковно-славянский язык. – Харьков: М. Зильберберг, 1913. – 195 с.
99. Курьян И.В. К вопросу об этимологии слова “человек”. // *Вестник БДУ*, сер. 4 – 1992. – №3. – С. 57–59.
100. Курьян И.В. Теоретические и дидактические принципы курса современного славянского языка. // *Актуальные проблемы славянской филологии. Материалы научной конференции*. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. – С. 58–59. // *Вучэбныя граматыкі нацыянальных моў. Матэрыялы першай канферэнцыі*. – Минск, МДЛУ, 1994. – С. 34–36.
101. Курьян И.В. Система причастий в начальный период формирования славянских литературных языков: Автореферат кандидатской диссертации. – Минск, БГУ, 1999. – 17 с.
101. Курьян И.В. Некоторые спорные вопросы старославянской системы претерита. // *Вопросы славянского языкознания. Материалы научной конференции*. – Воронеж, ВГУ, 1994. – С. 61–65.
103. Курьян И.В. Несколько слов об общеславянской колыбели. // *Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. – Віцебск, 1994. – ч. I. – С. 126–128.
104. Курьян И.В. Развитие и генетическая связь причастий на *-ŝ* и *-l* в польских, белорусских и русских примерах. // *Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. – Віцебск, 1997. – ч. 2. – С. 279–283.
105. Курьян И.В. Тезис Облака о языковом дуализме и вопрос о первом письменном свидетельстве произношения славянского твердого *l* как *μ*. // *Vatroslav Oblak. Međnarodni simpozij Obdobja 17*. Ljubljana, 1996. – Ljubljana, 1998. – С. 131–144.
106. Kuryłowicz Jerzy. Indoeuropejskie perfectum w słowiańskim. // *Studia z Filologiei Polskiej i Słowiańskiej*. – Warszawa, 1965. – №5. – С. 53–58.
107. Kuryłowicz Jerzy. Perfektum słowiańskie na *-l* // *Studia Językoznawcze*. – Warszawa, 1987. – С. 445–448.
108. Küzmič Štefan. Nouvi zákon ali testamentom gospodna nasega Jezusa Krisztusa zdaj oprvics z greskoga na sztari szlovenszki jezik obrnyeni. – V Halli Saxonskoj, 1771. – 854 с.
109. Kyas Vladimír. Česká předloga nejstarší lužickosrbské jazykové památky. // *Slavia* 33. – 1964. – С. 369–374.
110. Lewaszkiewicz Tadeusz. Rola przekładów Biblii w formowaniu języków literackich europejskiego kręgu kulturowego // *Biblia a kultura Europy: B 2-x t.* – Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. – Т. I. – С. 232–248.

111. Lewaszkiewicz Tadeusz. Łużyckie przekłady Biblii. – Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1995. – 181 c.
112. Lehr-Spławiński Tadeusz. Gramatyka połabska. // Lwowska Biblioteka Slawistyczna. – T. 8. – Lwów: K.S. Jakubowski, 1929. – 278 c.
113. Lehr-Spławiński Tadeusz, Piwarski Kazimierz, Wojciechowski Zygmunt. Polska. Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. – Katowice – Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Śląskiego, 1947. – 315 c.
114. Lehr-Spławiński Tadeusz. Działalność Konstantyna i Metodęgo a Słowaccyzna. // Rocznik Slawistyczny. – 1948. – №16. – С. 116–138.
115. Lehr-Spławiński T., Zwoliński P., Hrabec S. Dzieje języka ukraińskiego w zarysie. – Warszawa: PWN, 1956. – 70 c.
116. Lehr-Spławiński T., Stieber Z. Gramatyka historyczna języka czeskiego, cz. I. – Warszawa: PWN, 1957. – 142 c.
117. Леонова Л.В. Сербохорватский язык. – Минск: Университетское, 1988. – 93 с.
118. Leskien August. Das sorbische Neue Testament von 1548. // Archiv für slavische Philologie (AfSlPh), I. – 1876. – С. 161–249.
119. Leskien August. Grammatik der altpulgarischen Sprache. – Heidelberg: C. Winter, 1919. – 260 c.
120. Ломоносов М.В. Российская грамматика. – Печатана в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1755 (faximile) – Москва: Художественная литература, 1982. – 210 c.
121. Ломтев Т.П. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка. – Докторская диссертация. – Серия филолог., вып. II. – Минск: Уч. зап. БГУ, 1941 – 298 с.
122. Łoś Jan. Początki piśmiennictwa polskiego. wyd. 2. – Lwów – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1922. – 527 c.
123. Łoś Jan. Gramatyka polska. Część I. Głosownia historyczna. – Lwów – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1922. – 244 c.
124. Łoś Jan. Krótka gramatyka historyczna języka polskiego. // Lwowska Biblioteka Slawistyczna. – T. 5. – Lwów: K.S. Jakubowski, 1927. – 378 c.
125. Lotze Hermann. Der Brief des Jakobus. In wendischer Übersetzung aus der Berliner Handschrift vom Jahre 1548 zum ersten Male mitgetheilt von Herman Lotze. – Leipzig, 1867. – 23 c.
126. Majar-Ziljski Matija. Slovnica za Slovence. – Ljubljana. 1850. – 51 c.
127. Mareš František Václav. Mukův zlomek církevněslovanských minejí. // Slavia 23. – 1954. – С. 267–286.
128. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд В. Ягича. – Берлин – Санкт-Петербург: Weidmann, 1883. – 607 с.
129. Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. // V Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Славянское языкознание: Докл. сов. делегации. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 197–229.
130. Meillet Antoine. Esquisse d'une grammaire de l'arménien classique. – Vienne, 1936. – 210 c.
131. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – Москва: Соцэкгиз, 1938. – 511 с.
132. Мейе А. Общеславянский язык. – Москва: Иностранная литература, 1951. – 511 с.

133. Мельничук А.С. Развитие предикативного употребления причастий на -(е)ѣ-, -(е)ѣи в восточнославянских языках. // Слов'янське мовознавство. – Т. I. – Київ, 1958. – С. 91–159.
134. Metelko Franz S. Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Ilirien <...>. – Laibach, 1825. – 296 с.
135. Merku Pavle. Prehod -l > -u v tržaški slovenščini. // Slavistična revija (SR) – 1983. – letnik 31, št. 3. – С. 260–261.
136. Merku Pavle. Predkrščanska slovenska osebna imena v Trstu (1307–1406). // Brižinski spomeniki. – Ljubljana, 1996. – С. 451–455.
137. Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. – Минск: Университетское, 1984. – 160 с.
138. Мечковская Н.Б. Словенский язык. – Минск: Университетское, 1991. – 119 с.
139. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – Москва: Агентство “ФАИР”, 1998. – 352 с.
140. Miklosich Franz. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I: Lautlehre. – Wien, 1852. – 518 с.
141. Miklosich Franz. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. IV: Syntax. – Wien, 1874. – С. 818–830; 833–839. – 896 с.
141. Мирчев Кирил. Историческа граматика на българския език. – София: Наука и изкуство, 1978. – 304 с.
142. Мошинский Л. К развитию праславянских сонантов. // Вопросы языкознания. – 1969. – №5. – С. 3–10.
144. Moszyński Leszek. Wpływy Wulgaty na kształt starochorwackiego Ewangeliarza z Omišlja. // Słowo. – 1986. – №36. – С. 111–122.
145. Moszyński Leszek. Macedonia – Morawy – Chorwacja: trzy najstarsze wersje cyrylometodejskiego przekładu Ewangelii. // Biblia a kultura Europy: B 2-x t. – Łódź: Wyd. Uniw. Łódź., 1992. – Т. I. – С. 64–72.
146. Muka Ernst. Starosłowjanski rukopis z Gósmarja w D.-Ł. // Časopis Maćicy Serbskeje (ČMS). – Budyšin, 1918. – С. 44–48.
147. Muka Ernst. Delnjoserbski rukopis ze Stolorska. // ČMS. – Budyšin, 1918. – С. 29–34.
148. Murko Anton. Theoretisch-praktische slovenische Sprachlehre für Deutsche. – Grätz, 1832. – 206 с.
149. Musić August. Značenje i upotreba participâ u srpskohrvatskom jeziku. // RAD JAZU. – Zagreb, 1935. – knjiga 250. – С. 127–154.
150. Муталимова М.Г. Причастия в Мариинском евангелии: Автореферат кандидатской диссертации. – Ленинград: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1968. – 22 с.
151. Nitsch Kazimierz. Dialekty języka polskiego. – Wrocław–Kraków: Ossolineum, 1957. – 122 с.
152. Nitsch Kazimierz. Uwagi o polskim systemie głoskowym. // Język Polski, XVIII. – 1933. – С. 124–127.
153. Novak Vilko. Izbor prekmurskega slovstva. – Ljubljana, 1976. – 191 с.
154. Нахтигал Р. Славянские языки. – Москва: Иностранная литература, 1963. – 342 с.
155. Oblak Vatroslav. Starejši slovenski teksti. // Letopis Matice Slovenske (LMS) – 1889. – С. 123–202.
156. Oblak Vatroslav. Doneski k historični slovenski dialektologiji. // LMS. – 1890. – С. 180–236.
157. Облак Ватрослав. Македонски студии (пер. на македонский язык с Vatroslav Oblak. Macedonische Studien. – Wien, 1896). – Лjubljana: Заедница на македонските културни друштва во Република Словенија, 1994. – 210 с.

- 158.Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1960. – 355 с.
- 159.Olesch Reinhold. *Fontes lingvae dravaeno polabicae minores*. – Köln, Graz: Böhlau, 1967. – 353 с.
- 160.Orožen Martina. Sekundarna derivacija prislovnega deležnika na *-él/-áje* v slovenskem knjižnem jeziku. // *Nahtigalov zbornik*. – Ljubljana, 1977. – С. 336–353.
- 161.Орожен Марина. Активные партиципские конструкции (пример српскохрватские интерференции у словеначком књижевном језику). // *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 6. – Београд, 1977. – св. 1. – С. 123–141.
- 162.Orožen Martina. *Prekmurski knjižni jezik*. // *XXV Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. – Ljubljana, 1989. – С. 37–60.
- 163.Orožen Martina. *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. – Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996. – 448 с.
- 164.Oesterreicher Henryk. Rzekome ślady odmiany złożonej imiesłowu uprzedniego w polszczyźnie // *Język Polski*, XVII. – 1932. – №1. – С. 18–19.
- 165.Páta Josef. *Krátká příručka hornolužické srbštiny*. – Praha: “Adolf Černý”, 1920. – 119 с.
- 166.Pauliny Eugen, Štolc Jozef, Ružicka Jozef. *Slovenská gramatika*. – Martin: Osveta, 1955. – 491 с.
- 167.Petrova Doris. Najstarszy zabytek języka łużyckiego // *Prace Filologiczne*, XIX. – 1969. – С. 275–284.
- 168.Pianka Włodzimierz. Czasy przeszłe w “Nowym Testamencie” Mikołaja Jakubicy // *Rocznik Slawistyczny*, XXII. – 1962/63. – cz.1. – С. 27–41.
- 169.Polański Kazimierz. “Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Nachdruck besorgt von Reinhold Olesch. Böhlau Verlag. Köln-Graz, 1959. (recenzja). // *Rocznik Slawistyczny*, XXII. – 1962/63 – cz.1. – С. 148–152.
- 170.Polański Kazimierz. Problem różnic gwarowych w języku połabskim // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. – 1965. – № 5 – С. 365–369.
- 171.Поспелов Н.С. В защиту категории состояния. // *Вопросы языкознания*. – 1955. – №2 – С. 55–65. // *Мысли о русской грамматике*. – Москва: Наука, 1990. – С. 25–36.
- 172.Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 2-х т. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
- 173.Przygoda Marian. Imiesłów przymiotnikowy bierny czasu przeszłego w językach rosyjskim i polskim. – Zielona Góra, 1985. – 188 с.
- 174.Ramovš Fran. *Morfologija slovenskega jezika (scripta)*. – Ljubljana: DSZ, 1952. – 167 с.
- 175.Ramovš Fran. *Slovenische Studien*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – С. 46–139.
- 176.Ramovš Fran. *Delo revizije za Dalmatinovo biblio*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – 140–179.
- 177.Ramovš Fran. *Poročila in kritike*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – С. 186–191.
- 178.Ramovš Fran. *Donesek k boju l ali u*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – С. 192–195.
- 179.Ramovš Fran. *Zgodovina slovenske slovnice*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – С. 213–250.
- 180.Ramovš Fran. *Iz slovenske dialektologije*. // *Zbrano delo. Prva knjiga*. – Ljubljana: SAZU, 1971. – С. 261–267.
- 181.Ramovš Fran. *Kratka zgodovina slovenskega jezika (I)*. – Ljubljana: ZRC SAZU, 1995. – 245 с.

182. Ramułt Stefan. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1893. – 298 с.
183. Rigler Jakob. Tendence pri razvoju *L*-a // Slavistična revija (SR). – 1961/62. – letnik 16. – С. 241–252.
184. Рогов А.И. Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами. // Славяне в эпоху феодализма. – Москва: Наука, 1978. – С. 324–327.
185. Růžicka Rudolf. Griechische Lehrsystem im Altslavischen // Zeitschrift für Slavistik. – Berlin, 1958. – № III/2–4. – С. 173–185.
186. Ružicka Rudolf. Das syntaktische System der altslavischen Participien und sein Verhältniss zum Griechischen. – Berlin, 1963. – 395 с.
187. Ружичка Р. О понятии заимствованный синтаксис в свете теории трансформационной грамматики. // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С. 80–96.
188. Русско-украинский словарь АН УССР (ред. М.Я. Калинович) – Москва: Госиздат иностр. и нац. словарей., 1948.
189. Русско-белорусский словарь АН БССР (ред. Я. Колас, К. Крапива, П. Глебка). – Москва: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1953.
190. Селищев А.М. Старославянский язык: В 2-х ч. – Москва: Учпедгиз, 1951–1952. – ч. 1 – 336 с.; ч. 2. – 207 с.
191. Słoński Stanisław. Tak zwane perfektum w językach słowiańskich. // Prace Filologiczne. – 1926. – Т. X. – С. 1–33.
192. Slovník spisovného jazyka českého: В 2-х т. – Praha, 1960–1964.
193. Slovník slovenského jazyka: В 4-х т. – Bratislava, 1959–1965.
194. Смотрицкий Мелетий. Грамматики Славенския правильное Синтагма. – Евье, 1619. – 248 с.
195. Stang Christian Schweigaard. Die Weisrussische kanzleisprache des Grossfürstentum Litauen. – Oslo: J. Dybwad, 1935. – 166 с.
196. Stanislav Jan. Slovenska liturgia na Slovensku a sídlo Metodovo a Gorazdovo. // Historica Slovaca (I–II). – Bratislava, 1940–41. – С. 4–43.
197. Станівський М.Ф. Старослов'янська мова. – Львів: Видавництво Львівського університету, 1964. – 470 с.
198. Станкевіч. Я., Адамовіч А. Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак. – Менск: Навука і тэхніка, 1992. – 76 с.
199. Stiški rokopis 1428. (faksimile). – Ljubljana: Slovenska Knjiga, 1992. – 8 с.
200. Стојановић Љубомир. Живот и рад Вука Стефановића Караџића. – Београд – Земун: “Макарије”, 1924. – 783 с.
201. Стојановић Љубомир. Значење глаголских партиципа. // Јужнословенски филолог. – Београд, 1928–1929. – књига VIII. – С. 1–12.
202. Stojkow Stojko. Z zagadnień spółgłoskowej typologii języka bułgarskiego (mikrodialektalne zmiany spółgłoskowego fonemu /l/) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. – 1965. – № 5. – С. 189–194.
203. Судачова А.Н. Старославянский перфект и его греческие соответствия: Автореферат кандидатской диссертации. – Минск: БГУ, 1989. – 15 с.
204. Сузанович В.Б. Древнехристианские имена на –ило. // Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков: тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции, ноябрь 1975. – Днепропетровск, ДГУ. – С. 183.
205. Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. – Минск: Университетское, 1987. – 47 с.

206. Супрун А.Е. Полабский язык. – Минск: Университетское, 1987. – 93 с.
207. Супрун А.Е. Старославянский язык. – Минск: Университетское, 1991. – 79 с.
208. Суркова А.С. Аб некоторых семіятычных аспектах першай стараславянскай тэорыі перакладу. // *Веснік БДУ, серыя IV*. – Мінск, 1995. – С. 62–65.
209. Сятковска Э. К вопросу об аналитических и синтетических структурах в древних славянских памятниках. // *Кирило-Мефодиевские традиции в славянских языках*. – София, 1985. – С. 200–215.
210. Siatkowska Ewa. Samodzielność przekładu Nowego Testamentu przez Jakuba Wujka, Jana Błogosława i Michała Frencla (na przykładzie konstrukcji imiesłowowych). // *Biblia a kultura Europy: B 2-x t.* – Łódź : Wyd. Uniw. Łódź., 1992. – T. I. – С. 73–80.
211. Taszycki Witold. Imiesłowy czynne teraźniejszy i przeszły I w języku polskim. // *Rozprawy PAU*. – Kraków, 1924. – T. LXI, nr 5. – 74 с.
212. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – Москва: Прогресс, 1988. – 654 с.
213. Толстой Н.И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.). // *Вопросы русского языкознания*. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – вып. 1. – С. 177–204.
214. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – Москва: Наука, 1988. – 240 с.
215. Topolińska Zuzanna. Kaszubski rozwój *l // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. – Warszawa, 1965. – №5. – С. 451–456.
216. Toporišič Jože. Slovenska slovnica. – Maribor, 1976. – 588 с.
217. Toporišič Jože. O Trubarjevi pisavi, pravorečju in pravopisu. // *Jezik in slovstvo*. – 1983/84. – št. 6. – С. 226–232.
218. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. – М., 1950. – ч. I. (по чешскому изданию František Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny*. – Praha, 1948. – část 1.). – 467 с.
219. Trávníček František. K českým opsaným tvarům slovesným // *Slovo a slovesnost*, XIX – 1958. – С. 1–19.
220. Трофимович К.К. Серболужицкий язык. – Минск: Университетское, 1989. – 67 с.
221. Trubar Primož. Catechismus in der windischenn Sprach <...>. – Tübingen, 1550 (faximile – Trubar Primož. *Chatechismus*. – Celovec: Wieser, 1997). – 144 с.
222. Trubar Primož. Ta Evangeli svetiga Matevsha <...> – Tübingen, 1555. (faximile – Ljubljana; DZS, 1993). – 95 с.
223. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре. // *К проблеме русского самопознания*. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927 – С. 54–94. – 100 с.; // *Вопросы языкознания*. – 1990 – №2 – С.122–139; №3 – С. 114–134.
224. Успенский Б.А. История русского литературного языка XI–XVII вв. – München: Sagner, 1987. – 368 с.
225. Urbańczyk Stanisław. Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich, cz. I. “Biblia Królowej Zofii” a staroczeskie przekłady “Pisma Św.”. – Kraków: PAU, 1946. – 182 с.
226. Urbańczyk S., Kyas V. “Biblia Królowej Zofii” wraz z staroczeskim przekładem “Biblii”, cz. I–III. – Wrocław, 1965–1971. – cz. I. С. 1–248; cz. II. С. 249–452; cz. III. С. 453–692.
227. Ужевич І. Грамматыка словенская <...> (парижская рукопись 1643 г.) – (faximile – АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні) – Київ: Наукова думка, 1970. – [86] 111 с.
228. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Ленинград: Наука, 1972. – 654 с.

229. Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1988. – 608 с.
230. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. – Москва: Просвещение, 1986. – 288 с.
231. Chrestomatia staropolska. Teksty do roku 1543. (red. W. Wydra, W.R. Rzepka) – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Ossolineum, 1994. – 481 с.
232. Czekała Walery, Smułkowa Elżbieta. Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej. – Warszawa: PWN, 1988. – 325 с.
233. Šafařík Pavel Josef. Slowanský národopis. – Praha, 1842. – 143 с.
234. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Петроград, 1915. – 370 с.
235. Szejnowska Helena. Imiesłów czynny przeszły na –szy. // Język Polski, XIV. – 1929 – C. 71–75.
236. Scherech Jurij. Participium universale im Slavischen. – Winnipeg, 1953.
237. Škrabec Stanislav. Cvetje z vrtov. – 1914. – XXXI, zv. 5.
238. Škrabec Stanislav. Cvetje z vrtov. – 1914. – XXXI, zv. 7.
239. Schmigoz Johann Leopold. Teoretisch-praktische Windische Sprachlehre. – Grätz, 1812. – 319 с.
240. Šojat Olga. Izbor iz stare hrvatskokajkavske književnosti – 16. stoljeće. – Zagreb: Kajkovsko spravišće, 1975. – 151 с.
241. Stieber Zdzisław. Kontynuanty dawnych czeskich sonantycznych *r* i *l* w dzisiejszych gwarach języka czeskiego. // Rocznik Sławistyczny. – 1956. – cz. 1. – T. 18. – C. 11–14.
242. Stieber Zdzisław. Rozwój fonologiczny języka polskiego. – Warszawa: PWN, 1952. – 90 с.
243. Stieber Zdzisław. Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich (z wyborem tekstów gwarowych). – Warszawa: PWN, 1965. – 132 с.
244. Stieber Zdzisław. Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego. – Warszawa, 1966. – 127 с.
245. Šuman Josip. Slovenska slovnica po Miklošičevi primerjalni. – Ljubljana: Matica Slovenska, 1881. – 368 с.
246. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров (Имена собственные в русском магическом фольклоре). – Москва: МОНФ, 1997. – 320 с.
247. Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. // Сборник ОРЯС (XL, VI). – № 4. – С. 138–139.
248. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – Москва: Учпедгиз, 1953. – 368 с.
249. Яскевіч А.А. Старабеларускія граматыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 352 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица П.1.1. Современное состояние системы причастий в славянских языках

Тип прича- стия	<i>nt</i> -причастие			<i>m</i> -причастие			<i>ys</i> -причастие			<i>t(n)</i> -причастие			<i>l</i> -причастие		
грамма- тическое значение	наст. вр. действ. залог			наст. вр. страд. залог			прош. вр. действ. залог			прош. вр. страд. залог			прош. вр. действ. залог		
основ- ные функции	атр.	пр.	adv.	атр.	пр.	adv.	атр.	пр.	adv.	атр.	пр.	adv.	атр.	пр.	adv.
ста- росла- вянск. язык	×			×			×			×	×			×	
русский язык	×		×	×	×		×	×	×	×	×		×	×	
чешский язык	●		●				●		●	×	×		×	×	
болгар- ский язык	×		●							×	×		×	×	
польский язык	×		●						●	×	×		×	×	
с.-лу- жицкие языки	×		●				●		●	×	×		×	×	
словац- кий язык	×		●							×	×		×	×	
сербский и хорват- ский языки	●		●						●	×	×		×	×	
укра- инский язык	×		×				●		×	×	×		×	×	
словен- ский язык	×								●	×	×		×	×	
бело- русский язык			×					×	×	×	×		×	×	
маке- донский язык	×		●							×	×		×	×	
полаб- ский язык*	×			×						×				×	

* *полабский язык* представлен для яркости сравнения; здесь отмечены формы, зафиксированные в полабских текстах

Система обозначений в таблице:

×— диалектное или частое литературное употребление причастной формы

● — редкое книжное употребление причастной формы

отсутствие знака — отсутствие формы в употреблении

атр. — атрибутивное употребление причастия

пр. — предикативное употребление причастия

adv. — адвербиальное употребление причастия

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Функции и соотношение *participium praeteriti activi I* и *participium praeteriti activi II* в старославянском тексте

В Мариинском Кодексе, в Евангелии от Матфея, причастие со славянским фонетическим элементом -š- используется в 392 случаях против всего лишь 40 случаев употребления в этой же части текста причастий на -l-. Надо, конечно, отметить, что из общего количества употреблений *participium praeteriti activi I* только 70 форм представляет неповторяющиеся различные корневые морфемы, а в числе употреблений эловых причастий различных употреблений – 21.

В группе причастий на -š- уместно будет говорить об устойчивости некоторых оборотов.

Так, к примеру, 89 раз используется морфема шед- (от *idti). Из этих случаев употребления только форма **пришедъ** используется 14 раз, **пришедъше** – 11 раз, как и **шедъ** – 11 раз, **шедъше** – 6 раз, как и **ишедъ** – 6 раз, **въшедъ** – 5 раз. Остальные корневые и грамматические варианты типа **отъшедъши**, **пришьдъ**, **прѣшедъ** и др. встречаются по два или одному разу.

К синтаксическим и смысловым повторам с корнем шед- относятся следующие обороты:

1. **ишедъше идѣ** (Мф. 8.32); **прѣшедъ приде** (Мф. 12.9); **ишедъ отиде** (Мф. 15.21); **пришедъ иде** (Мф. 15.29); **ишедъ идѣаше** (Мф. 24.1.); **ишедъше вънидѣ** (Мф. 27.53);
2. **пришедъ гла** (Мф. 9.23); **пришедъше рѣша** (Мф. 13.27); **пришедъ рече** (Мф. 21.28); **шедъ рече** (Мф. 26.14–15); **шедъши рѣцѣта** (Мф. 28.7);
3. **шѣдше видѣша** (Мф. 2.11); **прѣшедъ оузрѣ** (Мф. 4.21); **пришедъ видѣ** (Мф. 8.14); **ишедъ видѣ** (Мф. 20.3; 14.14); **въшедъ видѣтъ** (Мф. 22.11);
4. **шедъше възвѣстиша** (Мф. 8.33); **шедъше възвѣстите** (Мф. 11.4); **пришедъше възвѣстиша** (Мф. 14.12; 28.11); **отъшедъши <...> възвѣститъ** (Мф. 28.8);
5. **шедъ поклонѣ са** (Мф. 2.8); **въшедъ кланѣше са** (Мф. 9.18); **пришедъше поклонѣша са** (Мф. 14.33); **пришедъши поклонѣ са** (Мф. 15.25);
6. **ишедъше сътвориша** (Мф. 12.14); **ишедъ сътвори** (Мф. 20.5); **шедъша сътворѣша** (Мф. 21.6); **шедъше сътвориша** (Мф. 22.15);
7. **пришедъ обратѣтъ** (Мф. 12.44; 24.46); **ишедъ обрѣте** (Мф. 18.28); **ишедъ обрѣте** (Мф. 20.6); **пришедъ обрѣте** (Мф. 26.43);
8. **шедъше наоучите са** (Мф. 9.13); **пришедъ оучаше** (Мф. 13.54); **шедъше наоучите** (Мф. 28.19);

9. въшедъ ѡтъ (Мф. 9.25); пришедъше приѡсѡ (Мф. 20.9); пришедъ въ-
злаъ бимъ (Мф. 25.27);
10. ишедъ сѣдѣше (Мф. 13.1); въшедъ сѣде (Мф. 15.29); въшедъ сѣдѣ-
ше (Мф. 26.58);
11. шедъ помолѡсѡ (Мф. 26.36); шедъ помоли сѡ (Мф. 26.42; 26.44);
12. пришедъ въсели сѡ (Мф. 2.23; 4.13);
13. пришедъше оукраджтъ (Мф. 28.13, 64);
14. 9 случаев употребления в конструкции “дательный самостоятельный”
типа: шьдъшоу же ѡмоу въ врата (Мф. 26.7); ꙗ пришедъшемъ имъ къ
народоу (Мф. 17.14).

В другом примере все 46 случаев употребления глагольной основы **отъвѣшта-** (от **otvetjati*) связаны исключительно с глаголом **рече** в различных формах, образуя устойчивое сочетание типа **отъвѣштавъ рече**, где причастие в краткой форме И.п. развивает значение наречного глагольного признака, т.е. – деепричастия. Из всех случаев употребления формы с данной корневой морфемой можно выделить только три синтаксических модели:

1. наиболее частотная модель (26 случаев) – **препозиция к субъекту – причастие в Nom. + субъект в Nom. + глагол**:
отъвѣштавъ же ѡс рече имъ (Мф. 21.24) – основываясь на предполагаемой грамматической логике старославянского языка, в данной позиции причастие **отъвѣштавъ** можно интерпретировать как определение к субъекту **ѡс**: “отвечавший Иисус сказал им”, с предполагаемым развитием функций деепричастия и подчинением глаголу **рече** в силу неизменяемости причастной грамматической формы “ответив, сказал”;
2. постпозиция к субъекту, выраженному указательным местоимением или существительным (19 случаев) – **субъект в Nom. + причастие в Nom. + глагол**:
  - а) наиболее частотная конструкция – **онъ же отъвѣштавъ рече** (Мф. 12.48) – в старославянской грамматике местоимение **онъ** является указательным, следовательно, вся конструкция может быть интерпретирована как “этот же отвечавший сказал”, и причастие здесь выступает в роли определения к **онъ**. Постпозиция к субъекту и развивающееся значение личного местоимения в форме **онъ** усиливают семантику деепричастия с подчинением глаголу – **отъвѣштавъ рече**;
  - б) **ѡс же отъвѣштавъ рече имъ** (Мф. 17.11) – усиление функции деепричастия наступает в силу постпозиции причастия к субъекту и приближения к глаголу;

3. **субстантивированное причастие в роли подлежащего** (1 случай): **отъвѣштавъше же ѿсви рѣша нѣ вѣмъ** (Мф. 21.27) – при отсутствии определяемого субъекта в данной конструкции причастие можно интерпретировать как субстантив либо как деепричастие, если субъект подразумевается в личном окончании и глагола **рѣша**, и глагола **нѣ вѣмъ**. Значение деепричастия акцентируется здесь краткостью и неизменяемостью формы **отъвѣштавъше**.

В числе наиболее часто используемых корневых морфем можно назвать корень **им-** (**ем-**) – 31 случай употребления; **пристѣп(и)-** – 24 употребления; **слыш(а)-** – 23 употребления; **вид(ѣ)-** – 21 употребление; **бы-** – 16 употреблений.

Интересно отметить, например, своеобразное сопутствие форм с корнем **слыш(а)-** оборотам с глаголами чувств, типа: **слышавъше + съмате сѧ** (Мф. 2.3); **оубоѧ сѧ** (Мф. 2.22); **съблазниша сѧ** (Мф. 15.12); **негодоваша** (Мф. 20.24); **разгнѣва сѧ** (Мф. 21.45); **разоумѣша** (Мф. 21.45); **дивиша сѧ** (Мф. 22.22). С глаголом “удивляться” глагол “слышать”, в частности, употребляется 4 раза из 23: **слышавъ дивѧ сѧ** (Мф. 8.10); **слышавъше дивѣахъ сѧ** (Мф. 19.25); **слышавъше дивѧ сѧ** (Мф. 22.22); **слышавъше дивѣхъ сѧ** (Мф. 22.33). Аналогично 4 раза мы встречаем устойчивое сочетание со значением “услышав, сказать” и 5 раз оборот со значением “услышав, пойти”.

О формировании устойчивого оборота в старославянском тексте можно говорить в случаях употребления *participium praeteriti activi I* от глагола **быти**. Из 16 случаев использования основы **бы-** в вариантных формах *participium praeteriti activi I*, 10 случаев представляет оборот “дательный самостоятельный” преимущественно с указанием поры дня, где дательный падеж субъекта выражен словами **поздѣ**; **вечероу**; **ютроу**, напр.: **поздѣ же вывѣшю** (Мф. 14.23).

Преобладающей для 392 случаев употребления причастия на **-ѣ-** в исследованной части четвероевангелия является модель **причастие в Nom. + глагол**, где нет прямого выражения субъекта: оно упоминается в предыдущем контексте или косвенно представлено в личном окончании глагола – 138 случаев употребления. Напр.: **и пришедъше възвѣстиша ѿсви** (Мф. 14.12). Преобладание такой модели могло стать залогом для дальнейшего утверждения причастий на **-ѣ-** в функции деепричастия.

Второй по частотности является препозиция к субъекту – **причастие в Nom. + субъект в Nom. + глагол** (первая модель в вышеописанных примерах с морфемой **отъвѣшта-**) – 125 случаев. Эта конструкция, как уже говорилось выше, для старославянского синтаксиса являлась прежде

всего атрибутивной, но с перспективой развития неизменяемой формы причастия в деепричастие.

Следующее место в ряду частотности занимает конструкция **субъект в Nom. + причастие в Nom. + глагол** (вторая модель в вышеописанных примерах с морфемой *отъвѣшта-*) – 81 случай. Эта модель в силу топозитивности причастия к субъекту также имеет потенциально выраженное отнесение к глаголу.

В данном тексте представлено 28 случаев оборота “дательный самостоятельный” с причастием на -ѣ-, при чём, как уже указывалось выше, только от глагола **byti* – 10 примеров, напр.: а) *поздѣ же бывѣшу* (наиболее частотная); б) *бывѣши же печали и гонению словесе ради* <...> (Мф. 13.21), – и от глагола **iditi* с основой *шед-* – 9 примеров, напр.: а) *и шѣдѣшу же емоу въ врата* <...> (Мф. 26.7); б) *и пришедѣшемъ имъ къ народоу* <...> (Мф. 17.14). Конструкция “дательный самостоятельный” представляет конкретное определительное значение причастия в его согласовании с существительным в Д.п. и числе, но весь оборот, опять-таки, несёт наречное значение и полностью, как обстоятельство, подчинён предикату.

Отмечается преобладание кратких форм причастий. Можно сказать, что полная местоименная форма (только 28 примеров) конкретизирует атрибутивное употребление. Напр.: *хѣбѣ нашѣ наставѣшааго дѣне* (Мф. 6.11); *идѣте же паче къ овѣцамъ погыбшимъ* (Мф. 10.6); *вж силы бывѣшаа въ тебѣ прѣбылы вж* (Мф. 12.23) и др. Характерна субстантивизация членных форм причастия, напр.: *имене моего ради прѣтрѣпѣвы* <...> *спнѣ вждетъ* (Мф. 10.22); *вы же оуслышите притѣчѣ сѣвѣшааго* (Мф. 13.18); *приде бо снѣ члвчскы* <...> *и спстѣ погыбѣшааго* (Мф. 18.11); *прорыци намъ хѣ кто естѣ оудареи тѣ* (Мф. 26.51) – при наличии краткой формы в последней конструкции оборот с причастием по значению был бы равен перфекту. Из примера *се црѣ твои градѣтъ* <...> *кротокъ и въсѣдѣ на осяла* (Мф. 21.5) следует, что употребление членной или краткой формы в роли определения для старославянской грамматики ещё не являлся принципиальным.

Что касается конструкции, где причастие на **-ys-* стоит в сочинительной связи с основным глаголом с помощью союза *i*, о которой мы говорим в разделе 3.2.2., то в исследуемой части Мариинского Евангелия она встречается только 5 раз. При этом в конструкции: *i пристѣпѣше фарисѣи и садукѣи искоушаѣште и просиша знамениѣ* <...> *показати имъ* (Мф. 16.1), – знак *и* может являться указательным местоимением в В.п., а не союзом. Если же это форма союза, то формальное предикативное употребление причастия *пристѣпѣше* не однозначно с грамматической семантикой аористой формы *просиша* – оно выражает состояние (но не обстоятельство!) в прошлом, тогда как аорист выражает конкретное результирующее

действие, т.е. своего рода действие на пределе предыдущего состояния, на выходе из него. Аналогичное значение выявляется в примере: **вы же видѣвъше и не раскаястеся** (Мф. 21.32), – на наш взгляд, здесь представлено два предиката, один из которых, опять-таки, выражает предыдущее состояние, а другой – результат на выходе из этого состояния. На современный русский язык эта фраза переводится как “вы же, и видевши это, не раскаялись после” (Синоидальное издание), где слово “после” уточняет порядок следования состояния и действия. Совсем иначе представлена иерархия предикатов в предложении: **вылѣзе въ корабль и пришеде въ пределы магдалянскы** (Мф. 15.39), где по логике конструкции состояние “стал таков” приобретает после определённого действия, и всё в целом отнесено в прошедшее время. В конструкции же **и отверзъ оуста еи. и обратиши статуръ** (Мф. 17.27), которая переводится на современный русский как “и открыв у ней рот, найдёшь статур” представлен ещё один нюанс семантики подобных оборотов, который можно охарактеризовать приблизительно так: “действие совершится в будущем, когда ты до него, а значит, в прошлом, переживёшь определённое состояние”.

Нетипичной, а ещё точнее, единственной является конструкция **всѣа вы есть доброе сѣмѣ снъ члвкы** (Мф. 13.37), где, с одной стороны, можно предполагать нарушение порядка слов и неверное место глагола-связки, а с другой – соответствие перфекту с причастием на **-ys-* в именной части составного сказуемого.

Из общего количества употребления элового причастия (40 случаев) можно отметить 15 употреблений именной части в И.п. мн.ч. (оконч. *-и*; *-ы*); 21 употребление в ед. ч. И.п. м.р. (оконч. *-ль*); 4 употребления в ед. ч. И.п. ж. и с.р. (оконч. *-о*; *-а*). В перфектных конструкциях глагол-связка выступает преимущественно во 2 л. ед. ч. **еси** (12 случаев, из них – 1 случай **нѣси**); 4 примера с 3 л. ед. ч. (из них – 1 пример **нѣстъ**); 6 примеров в однотипной конструкции с глаголом-связкой **нѣсте**; 1 случай с 1 л. ед. ч. **есмь**.

Частота употребления конструкций **быти в наст. вр. + эловое причастие** в отмеченном тексте кажется нам недостаточной для того, чтобы относить перфект к группе развитых грамматических категорий старославянского языка. Перфект встречается в Евангелии от Матфея (*Мариинский Кодекс*) только 23 раза, из них только 14 форм не повторяются. Самым частотным явилось сказуемое в перфекте **Нѣсте ли чьли (чъли)** – 6 употреблений (Мф. 12.3; 12.5; 19.4; 21.16; 21.42; 22.31). Нет ни одного примера плюсквамперфекта и футур-перфекта, условное наклонение с *l-participium* используется в 17 случаях. Для сравнения можно отметить, что в этом же тексте (Евангелие от Матфея) конструкция **быти + активное причастие настоящего времени на *-nt** употребляется 12 раз, **быти +**

пассивное причастие настоящего времени на *-*т* – 7 раз (из них 6 различных употреблений), конструкция ***быти* + пассивное причастие прошедшего времени на *-*т*; -*н***, которую можно определить как пассив-перфект, встречается 73 раза (34 различных употребления).

Можно для убедительности представить аналогичные данные из Евангелия от Луки того же текста четвероевангелия. Эловые формы представлены здесь 49 раз, из них собственно перфект только 19 раз и 5 раз – плюсквамперфект. Остальные 25 форм составляет условное наклонение. При этом конструкция ***быти* + активное причастие настоящего времени на *-*nt*** употребляется 37 раз, ***быти* + пассивное причастие настоящего времени на *-*т*** – 8 раз, конструкция ***быти* + пассивное причастие прошедшего времени на *-*т*; -*н***, пассив-перфект, используется 78 раз, в том числе отмечены 4 употребления ***быти* + активное причастие прошедшего времени на *-*йс***, где в одном из примеров – **азъ бо есмъ старъ и жена моѣ заматорѣвъши въ днѣхъ своихъ** (Лк.1.18) – глагол *быти* опущен, но предполагается по аналогии с однородным составным именным сказуемым **есмъ старъ**. Именно опущение в данном примере глагола-связки даёт нам возможность отметить полное сходство данного старославянского употребления действительного причастия прошедшего времени с современным употреблением причастия на **-*ŷi*** в некоторых славянских говорах (см. раздел **3.2.4.** нашего исследования).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Некоторые материалы по фактам взаимовлияния библейских текстов и нормативных грамматических трудов

- **Бохорича Адама грамматика 1584 г.** Первая грамматика словенского наречия, а не церковнославянского языка, часто называемого “словенским”. Была написана на латинском языке и называлась “*Arcticae horulae succisivae, Witaeburgae 1584*”. Как указывает *Enciklopedija Sloi venije* [1987–2002: 389] в т. 9 *Protestantizem*, Бохорич был членом редакционной комиссии, тщательно проверявшей уровень Библии Далматина (1584). По мнению Ернея Копитаря, именно участие Бохорича в названной комиссии в 1581 г. породило его грамматику. Копитар пишет об этом в своей грамматике “*Grammatik der slavischen Sprache <...>*” (1808, §4) О протестантских контактах лужичан и словенцев, а также о том, как быстро в давней Европе распространялись книги и печатная традиция, может свидетельствовать цитирование [20: 61–63 (37–39)] в грамматике А. Бохорича перевода “Отче наш” из лужицкого Катехизиса Альбина Моллера (*Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus*, 1574).
- **Библейские переводы и грамматические трактаты.** В истории различных славянских языков очень часто авторы или редакторы библейских переводов параллельно являются составителями грамматических трактатов (некоторые данные – [110: 247]). Например, автор перевода Нового Завета (1568), вошедшего в состав чешской Кралицкой Библии (1579–1594), Ян Благовослав, был также автором чешской грамматики (1571). Автор первой словенской грамматики Адам Бохорич (1584) был членом редакционной комиссии Библии Юрия Далматина (1584). Польский перевод Нового Завета протестанта Станислава Мужинёвского (1551–1552) сопровождается его орфографическим трактатом. Один из переводчиков польскоязычной Брестской Библии (1563) – Пётр Статориус-Стоеньский – был автором первой польской грамматики (1568). Переводчик хорватской Библии (1625), Бартломей Кашич, был также автором хорватской грамматики (1604). Выявляется тесная связь лужицких библейских переводов и нормативных языковых трудов [111: 13–14]. С использованием грамматики куловского лужицкого диалекта Якуба Тицина, изданной в Праге в 1679 г. (*Principia Linguae Wendicae, Quam aliqui Wandalicam vocant*), имевшей чешское влияние (в чём признаётся в предисловии сам автор), осуществляется рукописный перевод Нового Завета (1688–1707) на тот же диалект Юрием Светликом.

На котбусский диалект Новый Завет был переведён в 1709 г. Иоганном Фабрициусом, а на основании этого перевода в 1761 г. Ионанн Гауптманн (*Wendische Grammatica*) составил грамматику. Юрий Маттей был автором и верхнелужицкой грамматики (1721), и полного перевода Библии (1728). Его орфографической системой пользовались в Лужицах вплоть до второй мировой войны. Болгарская Славейкова Библия (1871) опирается на перевод Ветхого Завета Константином Фотиновым (1855–1857) и Нового Завета Неофитом Рильским (1840). Последний же был сторонником староболгарской ориентации в языке и автором новоболгарской грамматики (1835). Автор и реформатор сербской грамматики (1814) и словаря (1818) – Вук Караджич – в 1847 г. переводит Новый Завет. Один из авторов-переводчиков украинской Библии (1903), Иван Нечуй-Левицкий, стал автором грамматики в 1914 г. Новейшие переводы Библии на македонский язык характеризуются как отражение современной языковой традиции с примесью церковнославянских элементов. Б. Конески, автор македонского перевода Нового Завета (1952), одновременно является составителем словаря и македонской грамматики.

- **Водника Валентина грамматика 1811 г.** Первая словенская грамматика на словенском языке под названием “*Pišmenoſt ali Gramatika za Perve Shole*” вышла в Любляне в 1811 г., хотя написана была уже, видимо, в 1809 г. По некоторым данным [21: 63] В. Водник был также первым из словенцев, на письменный язык которого оказал влияние чешский реформатор языка Йозеф Добровский. С работами Добровского Водника познакомил Ерней Копитар, однако, в грамматике Водника Копитар не усматривает влияния Добровского, хотя оценивает грамматику положительно: “*Zastran Vodnikove Slovnice sem radoveden, za zgled naj bi si vendar vzel slovnico Dobrovskega*” [21: 64]. Грамматика Водника ощутила значительное влияние первых восточнославянских грамматик: в какой-то степени церковнославянской М. Смотрицкого (1619), больше всего – российской М.В. Ломоносова (1757).
- **Вуека Якуба Библия 1599 г.** Входила в число наиболее популярных изданий и была известна не только в Польше, но и за границей. Перевод Вуека делался с латинской версии Королевской Полиглоты 1569–1572 гг. Он хоть и не является первым памятником старопольской письменности, но считается, что именно Библия Вуека задавала языковой стиль, кстати – изобилующий причастиями, в последующей польской переводной библейной литературе и, как пишет Е.Ф. Карский, все новейшие переводы польской Библии, а вместе с тем и псалтыри, идут от Вуека [83: 80].

- **Геннадиевская Библия, Новгород, 1499 г.** Образцами для перевода и компоновки этой Библии, наряду с изданием старой Вульгаты и немецких переводов с Вульгаты XV в., служили старые славянские рукописи отдельных книг. Отсюда следует, что Геннадиевская Библия могла соединять в себе примеры латинского языкового строя с немецким грамматическим укладом, следовать церковнославянскому образцу древнерусской редакции и, вдобавок, корректироваться греческими источниками, переводимыми на хорватский либо чешский вариант, имевшей глубокие старославянские корни, поскольку есть факты [97: 238] участия некоего монаха Вениамина, уроженца Хорватии (Далмации, а может, и Чехии) в переводе и редактировании этой первой полной рукописной Библии на Руси.
- **Далматина Юрия Библия 1584 г.** Составитель первого словенского перевода Библии был хорватом по происхождению. Отмечено его тесное сотрудничество при работе над переводом с Приможем Трубарем, автором первого перевода Катехизиса (1550) и Евангелия от Матфея (1555) на словенский язык, а также с Адамом Бохоричем (об этом упоминает Е. Копитар в *Grammatik der slavischen Sprache <...>*, 1808, §4), автором первой словенской грамматики, которая вышла в один год с Библией Далматина. Интересно, что с использованием Библии Далматина был отредактирован полный лужицкий перевод XVII в. Нового Завета М. Френцля [111: 31].
- **Добровского Йозефа грамматические труды.** Грамматические труды Добровского и прежде всего подробная грамматика чешского языка (*Lehrgebäude der böhmischen Sprache*, Prag, 1809), оказывали самое значительное влияние на письменный язык славянских народов. При этом важно учитывать, что Й. Добровский был склонен отождествлять язык старославянской письменности с народным языком. Можно рассмотреть влияние грамматических трудов Добровского на примере словенцев. Характерно, что для словенцев в конце XVIII – начале XIX вв. в числе образцовых были и чешская, и русская грамматики. Иоганн Леопольд Шмигоц в своей грамматике (*Teoretisch-praktische Windische Sprachlehre*, Grätz, 1812) языки “руссов и чехов” (“*Sprache der Ruffen und Böhmen*”) называет ближайшими родственниками словенского. Но именно Й. Добровского он возносит до титула “отца словенцев”. Практически копирует его грамматику Франц Серафин Метелко. Свою грамматику, изданную в Любляне в 1825 г., Метелко называет по аналогии с грамматикой Добровского “*Lehrgebäude der slowenischen Sprache <...>*”, и признаётся, что берёт за основу известный чешский образец. Кстати будет замечено, что Бодуэн де Куртенэ называл грамматику Ф. Метелко лучшей из старых славянских грамматик [181: 235].

- **Караджича Вука грамматика и словарь.** Если балканские черты книжных языков с сильной старославянской традицией попадают в библейские переводы на Руси, например, в Геннадиевскую Библию 1499 г., то в связи с этим [159: 129] факт использования автором сербской грамматики (*Писменица србскога језика по говору простога народа* <...>, Вена, 1814) и словаря (*Српски рјечник* <...>, Вена, 1818), Вуком Караджичем русских церковных текстов при переводе Нового Завета (1847) на сербский язык представляет преемственность старославянской традиции по замкнутому кругу. Считается, что Вук Караджич в своей языкотворческой деятельности принял путь создания совершенно нового литературного языка на чисто народной основе, что указано и в названии его грамматики. Но он не остался полностью независимым от старославянской грамматической модели. Грамматика Вука Караджича была связана с грамматикой Авраама Мразовича (*Ручководство къ славенистѣй грамматицѣ* <...>”, Вена, 1794), который, в свою очередь, следовал традициям церковнославянской грамматики 1619 г. Мелетия Смотрицкого [200: 73–82].
- **Кирилло-мефодиевские первые переводы.** Предполагается [145: 66], что первые кирилло-мефодиевские переводы: часть Евангелия – Апракос и, возможно, Псалтырь, – были сделаны братьями ещё до Моравии, и переводчики использовали в качестве диалектной основы им хорошо известный говор Солуни (ЖК, XIV, 14). Остальные тексты переводились уже во время моравско-паннонской миссии, в т. ч. Мефодием после смерти Кирилла (ЖМ, XV, 1). Среди соратников братьев-миссионеров, копиистов, переводчиков, были славяне из различных регионов, носители разных славянских диалектов: возможно, солуняне-македонцы, а также местные моравяне и жители Блатенского княжества Коцела, уже обученные клирики, говорящие на паннонском диалекте. Не исключено, что к греческим учителям примкнули жители сербохорватского пограничья и северной Хорватии, через которые Кирилл и Мефодий направлялись в Рим. Не исключено также, что самый старый вариант рукописи кирилло-мефодиевских переводов остался там, где была начата переводческая деятельность, видимо, в Константинополе, тогда как братья с его копиями отправились в Великую Моравию. Вероятно, что именно первые варианты перевода, не отмеченные моравским влиянием, копировались в X, начале XI в. в Охриде и Преславле. Оригинальный перевод Апракоса в начальной версии неизвестен. Но по предположениям Л. Мошиньского [145: 72] его старославянскими версиями пользовались при составлении, например, Супрасльской рукописи. Редакции кирилло-мефодиевского Апракоса

- могли также попасть в Хорватию, уже с моравскими и паннонскими исправлениями. Самый старый хорватский Евангельский лекционарь из Омышля (1317) также опирается, по исследованиям Мошиньского [144: 111–122], на упомянутый выше старославянский Апракос. В дальнейшем он был приспособлен хорватскими глаголяшами к западной литургии. В различных версиях он мог попасть в Сербию и на Истрию, расширяя тем самым географию своего языкового влияния.
- **Кралицкая Библия** была признана одной из лучших и авторитетнейших в Европе XVI–XVII в.в.. Она была выдана в Моравии, в Кралицах, в 1579–1594 гг. Ветхий Завет был переведён с древнееврейского, а Новый Завет составил перевод с греческого (1568) епископом-чехом Яном Благославом (другой вариант имени – Ян Блажек). Автор перевода Нового Завета был членом Единства Чешских Братьев, продолжавших учение Яна Гуса. Благослав был также автором чешской грамматики (1571), которая опиралась на грамматические и орфографические реформы Яна Гуса а начале XV в., а также на собственные библейские переводы Благослава. Кстати, Йозеф Добровский составил ряд нормативных грамматических трактатов на основании языка чешской Кралицкой Библии, и именно библейский стиль Благослава Добровский взял за образец при реформировании в конце XVIII – начале XIX вв. чешского литературного языка и чешской орфографии. За старую, “истинно чешскую традицию”, которую необходимо было популяризировать, принимались также явления моравского диалекта, которыми изобилдовала Кралицкая Библия. Отмечается, что Кралицкая Библия влияла на формирование словацкого культурного диалекта, и на её основании монахами Красного Монастыря в XVIII в. был сделан первый рукописный перевод Библии на словацкий язык, а к нему прилагалась грамматика и словарь. Как образец для реформирования своего языка и орфографии Кралицкую Библию использовали лужичане, в частности – Михаил Френцель, автор первого печатного перевода Нового Завета на будишинский диалект (1706).
  - **Кюзмича Штефана “Nouvi zakon ali testamentom <...>” 1771 г.** Ш. Кюзмич переводит Новый Завет после многих лет переводческой работы. До этого он издал “Vöre krščanske kratki nauk” (1754), “Mali katekizem” (1752), “Abecednik” (1753). Язык перевода Нового Завета сам Ш. Кюзмич называет “старым словенским языком”, который “šteš i čuješ” (108, предисловие, §14). Многие исследователи словенской литературной традиции высказывают своё мнение о данном определении Ш. Кюзмича, полагая прежде всего, что “sztári szlovenski jezik” не может соответствовать старославянскому языку. Сведений о том,

что при переводе Ш. Кюзмич использовал какие-либо старославянские или церковнославянские тексты нет. Хотя крайне сомнительно то, что Ш. Кюзмич не был знаком со славянской переводческой литературой. Ведь образованность переводчика или копииста была принципиальна для формирования литературной традиции, и вряд ли кто-нибудь из переводчиков приступал к работе без соответствующего образования. К тому же, известен факт, что Ш. Кюзмич готовился к переводу Нового Завета уже во время учёбы в Братиславе, где он специально знакомился с системой нормирования словаками книжного языка [64: 183–198]. М. Орожен, анализируя языковые основания для ссылки Ш. Кюзмича на “старый словенский язык”, полагает [162: 37–60], что речь идёт о языке, который в XVIII в. существовал в Прекмурье в устной традиции (его “читаешь и слышишь”), о восточно-словенском обрядном языке, сформированном в проповеднической практике католического духовенства на базе кирилло-мефодиевского языка переводов. Если бы речь шла о современном Ш. Кюзмичу наречии, то он бы использовал слово “gučiš” – “говоришь, произносишь”. Ясно, что определение Ш. Кюзмича “szotári szlovenski jezik” не могло относиться к местному говору и не употреблялось бы для определения книжной кайкавщины.

- **Лужицкие библейские переводы.** С XVI в. лужичане-реформаторы языка широко пользовались чешскими печатными вариантами Библии. Первый перевод Нового Завета на несуществующий уже восточно-лужицкий диалект был осуществлён в 1548 г. евангелистским пастором из Любаниц – Миклаушем Якубицей. Это самый первый памятник лужицкого языка и один из первых переводов Библии Мартина Лютера на другой европейский язык. Но он не был опубликован и остался в рукописи [167: 276–284]²⁶, поэтому в своё время влияния на литературный язык не имел. Хотя З. Штибер полагает [243: 49], что Якубица писал на своём родном диалекте (околицы Губина или Жарова), перевод Нового Завета изобилует чехизмами, и зависимость этого перевода от чешского образца уже довольно подробно изучена. При переводе Якубица использует Новый Завет Лютера, но опирается также на Вульгату и, явно, чешскую Библию. Х. Лотце [125] сравнивает текст Якубицы с чешской Библией Павла Северина (1537). А. Лескин [118: 161–249] дополняет, что Библия Северина опирается на издание чешской Библии, напеча-

---

²⁶ В 1967 г. Новый Завет М. Якубицы вышел как филологическое издание; в 1969 г. рукопись также была описана в публикации Д. Петровой: D. Petrova, *Najstarszy zabytek języka łużyckiego*, [w:] *Prace Filologiczne* 19, 1969, s. 276–284.

- танной в Венеции в 1506 г.²⁷. В. Киас утверждает [109: 369–374], что Якубица использует второе издание Библии Яна Гада (1545), что в своё время явилось перепечаткой с Библии Северина. Якубица повторил даже несколько орфографических особенностей, встречающихся только у Гада, хотя лужичане-протестанты обычно пользовались немецкой системой орфографии. Активно использовал именно чешскую орфографию Михаил Френцель – автор первого печатного перевода Нового Завета на будишинский диалект (1706). В своих первых попытках евангельского перевода²⁸ он даёт орфографический комментарий по аналогии с чешскими образцами. При переводе Нового Завета Френцель использовал не только Библию Лютера, но и греческий текст Нового Завета, чешскую Кралицкую Библию, словенскую Библию Далматина и польскую Библию, видимо, Гданьскую 1632 или 1660 г. издания [111: 31], о чём он пишет сам в своих последующих публикациях²⁹. Рецензировал перевод Френцеля теолог и филолог Й. Людовичи, автор первой верхнелужицкой рукописной грамматики. Подразумевается, что он активно влиял на язык перевода. Интересен факт конфликта [111: 31] между М. Френцлем и комиссиями по библейским переводам и орфографии. Из первых переводов Нового Завета было конфисковано 400 экземпляров, поскольку Френцель придерживался орфографии чешской и тем самым её пропагандировал. Критика исходила от протестантов, не желающих отказываться от принятой орфографии и принятых средств выражения в библейских текстах. Проявления языкового консерватизма поддерживались также боязнью вместе с орфографией принести в протестантскую службу католические традиции и доминирование славянской культуры. Френцель уступает критике и в последующих переводах вносит коррективы в “славянскую” орфографию, приближая её к немецкой. До конца XVIII в. языковой материал лужичан был представлен почти исключительно в библейских текстах, словарях, грамматических и орфографических трактатах. Литургические тексты лужичан до настоящего времени не отказались от давних синтаксических оборотов и лексики.
- **Лужицы и старославянская литургия.** Возможно, славянская богослужебная традиция зародилась в Лужицах самостоятельно ещё в VIII в. Возникли даже предположения, что в христианской миссии на лужицких землях участвовали Кирилл и Мефодий [16: 39]. Имеются

²⁷ Венецианская (чешская) Библия 1506 г. в своё время опиралась на Пражскую Библию 1488 г. и Кутногорскую 1489 г.

²⁸ До этого в 1670 г. М. Френцель переводит Евангелия от Матфея и Марка.

²⁹ т.н. *Postwitzscher Tauff-Stein* 1688 г.

также исторические сведения [111: 19] о том, что в X/XI–XIII вв., действительно, несколько епископов выучили лужицкий язык и проводили богослужение по-славянски. В Епископской хронике Мерзебургского епископства, основанного в 968 г. (*Thietmari merseburgensis episcopi chronicon*, 1012–1018), упоминаются имена епископов из Мейсена – *Eido I* и *Beno*. Есть свидетельства о том, что они в X–XI вв. читали проповеди по-лужицки и обучали этому языку священников (видимо, под лужицким языком здесь следует понимать церковнославянский язык). Многие их преемники были славянского происхождения. Упоминается также, что церковный лужицкий язык использовался в XI–XIII вв. во время христианских миссий к ободритам (бодричам) и западным поморянам [111: 17]. Можно предполагать, что использование лужицкого языка в проповедях было устным, а библейские переводы на лужицкий язык только надписывались как “глоссы” над латинским и немецким текстом. Вероятнее всего, старославянская литургия была принесена на лужицкие земли чехами уже в X–XI вв. Неизбежным чешское влияние было после того, как Лужицы были присоединены к Чехии с 1319 по 1367 гг. Нет сомнения, что ксендзы в это время использовали для литургии чешские рукописи, исполняли религиозные песни на чешском языке. Вот что пишут об этом историки В. Богуславский и М. Гурник [16: 103–104]: “Hdyž so zwajzk z Čechami zmócni (wosebje přez českich bohotoŭ a jich zastojnikow), su zawěsće serbscy duchowni znajmjeńša česke spisy a knižki měli a z nich v cyrkwi perikopy z biblijе abo modlitwy najprejdy na serbski hnydom při čitanju přeložowali, kaž su to pozdžišo z lačanskich rukopisow (jako přědowanja) a z němskich knihow činili”. Лужицкая церковная терминология сама свидетельствует о чешском влиянии, представляя многочисленные чехизмы и “церквизмы”.

- **Острожская Библия 1581 г.** (Библия Фёдорова). Интересно, что Острожская Библия, первая печатная Библия на церковнославянском языке русской редакции, одно из популярнейших и образцовых изданий, увидевшая свет 12 августа 1581 г., считается прямым переводом с греческого, что указано в самой книге. Но на самом деле, оригиналом для Острожской Библии послужил список Геннадиевской Библии, присланный князю Константину Острожскому из Москвы Иваном Грозным (97: 239). Замечание о намеренном подчёркивании “книжного ученья”, о преемственности самой старой переводческой традиции (указание на прямой перевод с греческого) делает И.К. Билодид. Он пишет [15: 25], что важно было только подчеркнуть, что оригинал перевода был греческим, но трудно сказать, насколько это соответствовало действительности. На самом деле, прямой перевод Библии с грече-

ского в XVI в. мог повлечь за собой изменение письменной традиции, а создаваемые библейские тексты должны были повторять уже имеющееся и не содержать в себе ничего существенно нового. По крайней мере, для того, чтобы не нарушить традицию перевода с греческого, разумно было придерживаться традиции старославянской и искать её старейшие, а значит, авторитетнейшие проявления. Такая авторитетность могла усматриваться в южнославянской литургической традиции, и мы отмечаем факты её привлечения в популярные библейские переводы на Руси, в т.ч. в перевод Геннадиевской Библии. В некоторых исследованиях отмечено, что якобы издателям Острожской Библии были известны библейские переводы Франциска Скорины [229: 250] (Я.Л. Неміроўскі, раздел “Астрожская Біблія”). Не будем также оставлять без внимания тот факт, что в числе редакторов Острожской Библии был Герасим Данилович Смотрицкий, отец Мелетия Смотрицкого, автора знаменитой славянской грамматики (1619). Острожская Библия служила образцом для других библейских изданий. Если говорить о нормативных трудах, то, например, в 1627 г. на основании Острожской Библии, а также на основании “Лексиса” Лаврентия Зизания (1596) был составлен словарь Памвы Берынды “Лексіконъ Славенѡ-росскій і именъ толькованіе” [115: 41].

- **Паркоша Якуба орфографический трактат 1445 г.** (по данным [122: 99] ок. 1440 г.). Автор первого польского орфографического трактата (*Jacobi Parcossii de Żorawice antiquissimus de orthographia polonica libellus*) Якуб Паркош (в некоторых случаях – Паркошовиц) следует чешским письменным традициям [25: 644–650 (107–113)], а именно, традициям Яна Гуса. Зависимость орфографии Паркоша от орфографического трактата Гуса (*Orthographia Bohemica*, 1406) была отмечена только в XIX в. и высказана польским исследователем из Львова Вислоцким в 1868 г. Считалось, что после сожжения Яна Гуса было несколько опасно наследовать его изыскания в науке. Однако Вислоцкий, сравнивая два трактата, определил прямую зависимость трактата Паркоша от орфографии Яна Гуса [122: 100]. Паркош даже переносит обозначение чешской долготы гласных на польские гласные, таким фонетическим свойством уже не обладающие. Видимо, Паркоша “подвигло” желание сделать реформу, аналогичную Гусу, но самостоятельно. Брюкнер называет такого рода “списывание” с чужого образца “średniowiecznym mędrkowaniem, narzucaniem gotowego schematu i tam, gdzie nic go nie uprawnia”. “To schemat obcych języków decydujących <...> w średniowieczny sposób, doktrynalny, nie pytający o fakta <...>” [25: 110–112]. В предисловии к трактату Паркоша, написанном неким

безымянным краковянином (“kolega czy następca Parkoszków” [122: 99]), обращено внимание на то, что Паркош знал немецкий, русский и латинский языки. В свою очередь трактат Паркоша оказал влияние на орфографию Станислава Зборовского (*Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma*, 1513) [122: 104].

- **Польская библейская литература и чешская традиция.** Первые печатные книги появляются у поляков всего на пол века позже, чем у чехов, в первом десятилетии XVI в. К тому времени чешский язык был одним из самых разработанных литературных языков средневековой Европы, и уже в XV в. в Чехии было несколько десятков переводов Библии (до XVI в. насчитывалось приблизительно 50 фрагментарных и полных переводов Библии), в Польше в XV в. был известен только один (*Biblia Królowej Zofii*, 1455). Перевод в то время обычно представлял собой дословный перевод с оригинала, при этом поляки часто переводили с чешского. Интересно в этом плане ставит вопрос А. Брюкнер [26: 207] о качестве польского языка в таких переводах: как можно было переводить на польский язык, “skoro się nikt nigdzie polszczyzny nie uczył”? Предполагается [122: 175]; [28: 39]³⁰, что с чешского языка и, возможно, пражским епископом Яном Третьим, были переведены самые старые польские Свентокшижские проповеди (*Kazania Świętokrzyskie*), найденные на Лысой Горе возле г. Кельце и датированные XIII или XIV вв. Архаические языковые формы встречаются в этом памятнике “w całej swojej żywotności”, как пишет Ян Лось [122]. Пользование чешским образцом отмечено во Флорианской Псалтыри (*Psalterz Floriański*, XIV в.). Как говорит А. Брюкнер об авторе перевода, “pisarz <...> słowa czeskie i pisownię niewolniczo zastosował” [28: 388]. Зависимость польской Библии королевы Зофьи (1455) от чешских оригиналов усматривали С. Урбанчик и В. Киас [225; 226]. Брюкнер писал, что “Biblia Zofii mianowicie w początkowych partiach całkiem od czeskiej zawisła, ileż jej błędów z niezrozumianego tekstu czeskiego wpłynęło!” [28: 388]. Переводчик этой Библии, не очень хорошо зная латынь, с которой переводит, помогает себе старочешским текстом.
- **Польские первые грамматики.** В категоричной форме отзывается об авторах первых польских грамматик (что в полной мере можно отне-

³⁰ Данное предположение делает А. Брюкнер в статье „Kazania świętokrzyskie, zabytek języka polskiego z wieku XIV”, опубликованной в “Pracach Filologicznych” [Warszawa, 1891, t. III, s. 697–740], где представляет сам текст проповедей. Важно также отметить, что Брюкнер не считает Kazania Świętokrzyskie, в т.ч. и песнь “Bogurodzica” памятниками старопольской литературы [28: 39].

сти к традициям других славянских грамматик) П. Зволинский [71: з. I (251–260); з. II (310–321); з. III (356–369)]. Он называет всякого, последующего за первым, грамматиста “плагиатором”. Самые минимальные “подозрения” падают на автора первой польской грамматики Петра Статориуса-Стоеньского (*Polonicae grammatices institutio* <...>, 1568). Зволинский, устанавливая, что последующие польские грамматисты в той или иной степени “воровали” опыт грамматики Статориуса-Стоеньского приблизительно на протяжении 100 лет и не менее, чем в ста примерах, делает соответствующее предупреждение современным исследователям польского языка XVI–XVII вв. Он призывает быть осторожными в принятии данных из грамматик того времени, и каждой последующей грамматики в особенности, при соотношении их с живым языком. Зволинский пишет [71, з. I (252)], что “każda gramatyka opóźniona w stosunku do żywego języka co najmniej o jedno pokolenie”. Следование традиции в давней грамматике аргументировалось порой пустыми фразами. Показателен пример грамматики 1668 г. (*Aperta Janua Polonicae Lingue* <...>), где автор, Зигмунт Кунцевич-Кучер (Sigizmund Kontzewitz-Kotzer), в частности, не желая упростить латинизированную систему падежей в своей польской грамматике, заявляет [71, з. II (317)]: “nie wolno, w myśl powszechnej zasady, kierować się tym, co może być, tylko tym, co musi być”. С такой позицией, естественно, трудно полемизировать. Зволинский остро называет автора подобных рассуждений “теоретически отсталым” (польск. “teoretycznojęzykowe zacofanie”) [71: з. II (317)]. В числе интересных наблюдений П. Зволинского [71: 8–9] выплывают факты “иностранного” происхождения авторов многих польских грамматик, т.е. последними практически составлялись грамматики неродного языка. Так автор первой польской грамматики – Пётр Статориус-Стоеньский был французом, изучавшим польский язык в течение 10 лет [87: 412], Николай Фолькмар – автор “Compendium Linguae Polonicae <...>, Dantisci, 1612” (предисловие датировано 1594) – был немцем, работавшим учителем польского языка в Гданьске. Силезским немцем был Еремиаш Потер (*Schlüssel zur Polnischen und Deutschen Sprach* <...> / *Klucz do Polskiego y Niemieckiego ięzyká*, 1616), а автор “Grammatica seu Institutio Polonicae Linguae <...>, Dantisci 1649”, Франциск Месньен, был родом из Лотарингии. Своё отношение к иностранцам-грамматистам высказал ещё в 1594 г. автор орфографического трактата “Nowy Karakter Polski” Ян Янушевский, где он пишет (к. D2r – D2v): “Do czego y to muszę przyłożyć ná większą sromotę naszą, że nam Grámmátiki Polskie cudzoziemcy opisuią. Czemu nie swoi?”. А Матей Гуттер Добрацкий в предисловии к своей грамматике

(*Vorbott Der Polnischen Sprachkunst / Goniec Grámátyki Polskiej*, 1668) остро критикует Ротера, переписавшего примеры из Фолькмара, в результате чего “оба толком не знают польской флексии”. Можно также отметить ещё одно явление, непосредственно связанное с формированием книжной языковой традиции – появление “авторитетных авторов”, ораторов-проповедников, литераторов. Цитаты из их произведений начинают активно иллюстрировать грамматики, а нередко сами литераторы подготавливают грамматические реформы и пишут трактаты, занимаются переводами сакральных текстов, как, например, польский поэт, автор орфографического проекта переводчик Псалтыри Ян Кохановский (*Ortografia Polska*, 1594; *Psalterz Dawidowy*, 1579). Литераторы в данном случае выступали бóльшими консерваторами языковых норм, чем грамматисты.

- **“Прекмурский” литературный язык.** Считается, что в XVIII в. восточно-словенский литературный язык, называемый “прекмурским”, разрабатывался с опорой на хорватскую книжную традицию. Диалектной базой прекмурского книжного языка явилось наречие (*goricko-ravenski govor*) его основателей – Штефана Кюзмича и Миклоша Кюзмича. Прекмурский книжный язык, впервые засвидетельствованный в переводе Нового Завета Ш. Кюзмичем (1771), имел яркое отличие на разных уровнях от центрально-словенского книжного языка, сформированного в XVI–XVII вв., кроме того, Кюзмич был назван автором перевода “старым словенским языком”. Предполагалось, что восточно-словенский книжный язык проявляет прямое наследие греческих влияний, потому что в своём первом переводе Ш. Кюзмич сам указывает в названии, что переводит с греческого языка: “*Nouvi zakon ali testamentom <...> zdaj oprvics z grcskoga na sztári szlovenski jezik obrnyeni v Halli Saxonskoj 1771*”. Соответственно, отличие этого литературного языка от краньского (центрально-словенского) обусловлено тем, что последний имел влияния латинско-немецкого характера. Земли, где сейчас живут прекмурские и порабские³¹ словенцы, входили в состав Коцевлева княжества, где в 867–885 гг. было создано Мефодиево епископство, и развивалась древнейшая славянская богослужебная традиция по греческому обряду. После смерти Мефодия эта традиция вытеснялась другим миссионерским влиянием. Уже в 890 г. в Блатограде, столице княжества Коцела, по сохранным документам, создаётся бенедиктинское аббатство [162: 49]. Предполагается, что новые зальцбургские миссионеры на Паннонских землях, проповедуя словенцам

³¹ Это название связано с реками Мурой и Рабой, которые являются границами данного этнического региона.

- из латинских и немецких книг, всё же опирались на славянскую богослужебную терминологию и использовали кальки из кирилло-мефодиевских переводов в толковании своих проповедей, сохраняя таким образом старославянские тексты, по крайней мере, в устной традиции. Влияние именно этих старых славянских литургических текстов, по мнению М. Орожен [162: 50], ощущается в стилистике библейских переводов Ш. Кюзмича. В. Новак, исследователь прекмурского книжного языка и наречия, подчёркивает [153: 48], что Ш. Кюзмич, хоть и непоследовательно, следует хорватской кайкавской традиции, которая, соответственно, имела сильное старославянское влияние. М. Орожен указывает в своём исследовании, что ранняя форма восточно-словенского книжного языка, возможно, и развивалась при влиянии хорватской книжной кайкавщины³², но по её предположению и кайкавские, и восточно-словенские богослужебные тексты имеют единое культурно-языковое огниво – Паннонию и Мефодиево епископство. По архивным данным, представленным Й. Зелко (*Zbornik ob 750-letnici Mariborske Škofije 1228–1978*, Maribor, 1978, s. 103–119), в 1093 г. прекмурские монахи-бенедиктинцы, в числе которых было много “словенского рода”, перемещаются в Загреб, где их монастырь существует приблизительно до XIII в. От Блатограда до Загреба эти миссионеры несли с собой языковую традицию паннонского происхождения, которую унаследовали с литературой Мефодиевского епископства [162: 49]³³, черпали из трудов “солунских братьев”. Отсюда М. Орожен делает вывод, что старославянская традиция не пришла в Прекмуре от кайкавских глаголящей, а была на этих землях исходной, но, видимо, сохранялась только в устной традиции, тогда как кайкавская книжная традиция считалась более старой, потому что была засвидетельствована в XVII в. Ш. Кюзмич же возрождает прекмурскую устную традицию в печати только в XVIII в.
- **Псалтырь.** Уместно было бы здесь привести некоторые замечания Е.Ф. Карского [83: 21], который после исследования “западнорусских” псалтырей приходит к выводу, что вообще нельзя говорить о переводах псалтыри на местное наречие. Он заметил, что именно псалтырь, как популярный литургический текст, мало изменяется переводчиками,

³² М. Орожен, например, прослеживает большое сходство в употреблении причастий в переводе НЗ Ш. Кюзмича и первом кайкавском печатном библейском тексте П. Крайчевича-Петретича (P. Petretics. *Szveti Evangeliomi*, 1651).

³³ По предположениям М. Орожен, католическое духовенство получило богатое переводческое наследие на всех богослужебных уровнях – библию, недельный апракос, катехизис, молитвенники, песенники, проповеди – и использовало его в своей литургии.

содержит наибольшее количество “понятных” языковых оборотов. Например, если прибегнуть к цитированию Франциска Скорины, то в предисловии к изданию Псалтыри (1517) он отмечает, что приготовил текст “не рушаючи самое псалтыри ни в чем же”. По псалтырям часто учили грамоте и составляли грамматики. Заметим, что Псалтырь в числе первых книг переводили Кирилл и Мефодий. Псалтырь, как произведение лирическое, трудно было передать новой малообработанной речью. Так в новые переводы могли переноситься давние “церквизмы”.

- **Скорины Франциска библейские переводы.** Возможно, названный “старобелорусским” переводчик из Полоцка, слишком откровенно признаётся в своей языковой формуле, написанной в предисловии к Псалтыри (1517), – “тиснута” “рускими словами а словенским языком” – таким образом Франциск Скорина выразил свой лингво-переводческий принцип, соответствующий, кстати, и кирилло-мефодиевской традиции: наречие подчинить грамматической структуре языка библейских переводов. Определено исследованиями, что языковую основу библейских изданий Скорины составляет народная речь, тесно связанная и соотносимая с церковнославянским языком. Выявлено также, что основными источниками для перевода изданной в Праге Библии Скорины (1517–1519) послужили чешская Венецианская Библия (1506) (исследования П.В. Владимирова) и новгородская Геннадиевская Библия (1499), которая могла выполнять роль подстрочника в переводческой работе Скорины (исследования Т.Н. Капреевой) [229: 357; 494–495]. Чешская литературная традиция в популяризируемой переводческой деятельности Скорины в какой-то мере была обусловлена проникновением в “Западную Русь” (как ее называют соотнося, почему-то события до XVI в. с Российской империей) идей гуситов, растворенных в протестанском учении. Есть данные [83: 8–12], что друг и сподвижник Яна Гуса, Иероним Пражский, в 1413 г. приезжал на Литву и посещал Вильно. Под влиянием гуситов могло усилиться на Литве обращение чешских книг. При этом Скорина мог быть знаком и с польскими библейскими переводами, долгое время пребывая в Кракове. Язык его переводов представляет чехизмы и полонизмы.
- **Смотрицкого Мелетия грамматика 1619 г.** “Грамматіки Славенския Правильное Свнтагма” – грамматика церковнославянского языка, опиравшаяся на рукописи XV–XVI ст., где отмечены диалектные проявления в языке. Грамматика, изданная на Виленщине в г. Евье. в 1648 г. была переиздана в Москве без указания автора, позднее в исследованиях представителей Российской империи была даже окрещена “запад-

- норусской”. Свои оценки по этой грамматике давал автор грамматики “всеславянского языка” (1666) Юрий Крижанич. Отмечается (15: 43), что с этой грамматикой и грамматикой Лаврентия Зизания (1596) безусловно была связана первая грамматика “простой мовы”, хоть и латинскоязычная, но также названная “западнорусской” грамматика Яна П. Ужевича (*Грамматыка словенская* <...>, 1643 / 1645). С 1712 г. по реккомендациям Петра I грамматика Смотрицкого стала образцом всех позднейших грамматик русского языка, в т. ч. грамматики М.В. Ломоносова (1755–1757). Сам Ломоносов учился по грамматике Смотрицкого, назвав её позже, наряду с арифметикой Магницкого, “вратами своей учёности”. На основании этой грамматики издавались буквари для России и Украины [115: 40]. Известны её влияния на южнославянские грамматики, например, грамматику Авраама Мразовича (*Руководство къ славенстѣй грамматикѣ* <...>, Вена, 1794), которая в некоторой степени служила образцом для сербской грамматики Вука Караджича (1814) [200: 73–82]. Грамматикой М. Смотрицкого пользовался автор первой словенской грамматики на словенском языке Валентин Водник (1811) [179: 233]. В. Виноградов подчеркивал “унифицирующую роль грамматики Смотрицкого для славян Востока и Юга” [44: 42].
- **Статориуса-Стоеньского Петра “Polonicae Grammatices Institutio <...>”, Краков, 1568 г.** По исследованиям П. Зволинского [71: 252] в своей грамматике Статориус-Стоеньский попросту описал язык огромной поэмы “Wizerunek” (1558–1560) (более чем 12 000 строк) Николая Рея, а также цитирует поэта Яна Кохановского, добавляя некоторые факты разговорного языка. В результате язык его грамматики может соотноситься с живым языком только в той мере, в которой с ним соотносится язык известных польских поэтов XVI в. Грамматика Стоеньского довольно быстро ушла в забвение, более популярными становились грамматики, которые непосредственно опирались на неё. Мы же со своей стороны отметим, что Статориус-Стоеньский был одним из переводчиков Брестской Библии 1563 г. А спустя пять лет вышла в свет его грамматика.
  - **Супрасльская рукопись.** Заслуживает внимание судьба этого канонического старославянского памятника, который в XIX в. был обнаружен в Супрасльском монастыре на территории белорусско-польского пограничья. Известно [224: 22–24], [184: 324–327], что первые монахи Супрасльского монастыря были выходцами из Киево-Печерской Лавры, и рукопись могла попасть в Супрасль именно оттуда. В Киеве рукопись могла оказаться в результате русско-болгарских контактов в период непосредственно предшествующий официальному крещению Руси,

когда из Болгарии и Македонии были получены церковные книги, поскольку собственных богослужебных книг “русичи” ещё не имели. Хотя отсутствуют прямые свидетельства о культурных связях Киевской Руси и Болгарии, их можно предполагать из косвенных фактов. В частности достоверно то, что среди жен князя Владимира, крестившего Русь, была христианка-монахиня, болгарка, мать Бориса и Глеба. Таким образом, Супрасльская рукопись могла служить литературным образцом на широком географическом пространстве и продолжительный период времени. Распространение при этом получала исходная кирилло-мефодиевская традиция, поскольку предполагается, что при составлении Супрасльской рукописи пользовались старославянскими версиями оригинального кирилло-мефодиевского перевода Апракоса [145: 72].

- **Южнославянская литературная традиция.** Известен факт участия хорватских глаголяшей в работе Эмаусского монастыря в Чехии. Их старославянская литургическая традиция вдохновила Карла IV на обновление славянского богослужения в Чехии, после того, как оно было запрещено папским указом в 1080 г. С XIV в. струя южнославянской литературной традиции вливается в русскую церковнославянскую традицию, принесенная с беглыми клириками после нашествия турков на Балканы. Балканских славян, привлеченных к письму и церковному переводу, привычно было называть в древнерусской литературе “сербинами” или “серблянами”; слово “сербский” иногда обозначало “южнославянский”, а также “старославянский”. Н.И. Толстой приводит [214: 118–119] известные в филологической литературе высказывания Нила Курлятева в предисловии к переводу на древнерусский язык Псалтыри (1552), где он намекает на деятельность митрополита Киприана (ум. в 1406 г.), имевшего южнославянское происхождение: “прежніи преводницы нашего языка извѣстно не знали, и они перевели ово греческі, ово словенскы, ово сербьски, и ино болгарски <...>”. И далее: “<...> инѣ многие оу насѣ въ рускомѣ языцѣ книги пишутъ отъ неразумия все по сербьски <...>”. В связи с этим интересен факт [97: 238] участия уроженца Хорватии (или Далмации) в переводе и редактировании первой полной рукописной Библии на Руси (*Геннадиевская Библия*, Новгород, 1499). Доминиканец-монах по имени Вениамин, балканский славянин, был приглашен для столь ответственного мероприятия новгородским архиепископом Геннадием. Хорватом (по некоторым упоминаниям – сербом), находившимся на службе в России, был автор известной грамматики “всеславянского языка” “Граматично исказанье” (1666) Юрий Крижанич. Частично при хорватском посредничестве старославянская

традиция попадает в XVI в. в формирующийся центрально-словенский книжный язык. Отмечается, что первый словенский переводчик богослужебной литературы Примож Трубарь несколько лет сотрудничал с хорватами, в т.ч. с Юрием Далматином, автором полного перевода Библии на словенский язык (1584). Хорват Юришич перевел на словенский язык вторую и третью часть Постиллы Спангенберга, первая часть которой была переведена словенцем Крелем. Последний же был самым преданным учеником хорвата Влачича. Отмечается также многолетнее воздействие на хорватскую книжную традицию литургического языка чакавских и штокавских сербских глаголяшей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Таблица П.4.1. Звуковое качество *l* в современных литературных славянских языках

языковая группа и язык	звуковое качество <i>l</i> , в т. ч. [l]	позиционные условия изменения	языковые примеры (в совр. орфографии)
восточно-славянская группа:			
1) русский язык	велярный переднеязычно-зубной [l]	во всех непалатальных позициях	<i>говорил, говорила, колбаса, долг, толкач, толстый</i>
2) белорусский язык	неслоговый [ɫ]	в конце слова или перед согласным (наличие случаев сохранения [l] в этих позициях)	<i>доўга, гаварыў, таўчы, каўбаса, найшоў</i> но: <i>полка, стол, іголка</i>
3) украинский язык	губно-зубной [ʋ] или билабиальный [w]	в конце слова или перед согласным (наличие случаев сохранения [l] в этих позициях)	<i>ковбаса, вовк, був, торкнувся, довгий</i> но: <i>стіл, горілка, орел</i>
западно-славянская группа			
4) польский язык	неслоговый [ɫ] ³⁴	во всех непалатальных позициях	<i>długi, stół, chciałbym, była, głowa, kielbasa</i>
5) кашубский язык	неслоговый [ɫ]	во всех непалатальных позициях	<i>dhudzi, przeszkódoł, taucet</i>
6) сербо- лужицкие (2) языки	неслоговый [ɫ]	во всех непалатальных позициях ³⁵	<i>slýšał, miłosć, stolp, tolsty, přišoł, přišla, doł</i>
7) чешский язык	средненёбное <i>l</i>	во всех непалатальных позициях	<i>dlouhý, vlna, stůl, vlk, plný, tiskl, koupil</i>
8) словацкий язык	средненёбное <i>l</i>	во всех непалатальных позициях	<i>vlk, dlhý, stôl, tlč', slnečný, vykonal, pobilo</i>
9) полабский язык	наблюдается качество [u] ← *l (диалект Я.П. Шульце) или [au] ← *l другие диалекты)	позиция конца слога (слова) либо межконсонантная позиция	<i>tuce, paunō, caun, tauk, vauk, vaunenā, plokol, sapol</i>

³⁴ В современном польском языке всё ещё можно говорить о двух реализациях *l*. Как собственное *l*, т.е. как фонема, совпадающая с графемой, оно представлено на востоке и частично на юге и севере Польши. Можно говорить о стилистической функции *l* переднеязычно-зубного, например, использовании его в сценическом произношении, но это произношение является остаточным. Преобладает лабиализированное произношение *l*. Сегодня это произношение, по сути, является нормативным, на что указывают последние работы по польской фонетике.

³⁵ Для ряда славянских языков (см. польский, словенский) использование графемы *l* (*l*) связано с соблюдением морфологического или этимологического принципов орфографии, и знак не соответствует реальной фонеме. Принципы такой орфографии основаны, в т. ч. и на письменных традициях других (славянских) языков.

языковая группа и язык	звуковое качество <i>l</i> , в т. ч. [ʎ]	позиционные условия изменения	языковые примеры (в совр. орфографии)
южно-славянская группа			
10) болгарский язык	средненёбное <i>l</i>	во всех непалатальных позициях	<i>сълза, млъчи, възел,</i> <i>купил, рекъл</i>
11) македонский язык	средненёбное <i>l</i>	во всех непалатальных позициях	<i>бугарски, солза, човек,</i> <i>напуштал, морал</i>
12) сербский язык	<i>*l</i> ⇒ [ʏ] <i>*l</i> ⇒ [o]	позиция конца слога (слова) либо межконсонантная позиция	<i>пепео, певао, ходио,</i> <i>пузати, пук, деоба, дуг</i>
13) хорватский язык	<i>*l</i> ⇒ [ʏ] <i>*l</i> ⇒ [o]	позиция конца слога (слова) либо межконсонантная позиция	<i>slušaо, mogао, пуно,</i> <i>vuk, beо, оstао, potuci</i>
14) словенский язык	неслоговый [ʏ]	позиция конца слова либо позиция перед согласным	<i>polž, volna, del, umrl,</i> <i>poln, znal</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Таблица П.5.1. Гипотеза о развитии *participium praeteriti activi*

	Отглагольная праформа на -lo- без родовых и временных характеристик				
	СУБСТАНТИВЫ	АТРИБУТИВЫ		ПРЕДИКАТИВЫ	
ДОПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ	a) <i>Nomina actionis</i> (название действия как результат) Тип: рус. <i>быль, заросль</i> б) <i>nomina agentis</i> (носители качества по действию или исполнители действия) Тип: рус. <i>запевала</i>	Образования от интранзитивных глаголов, тип: * <i>znal-</i> , представленные а) архаичными формами с позиционным изменением l в u , тип: м.р. ед.ч. <i>znaу</i> ; ж.р. ед.ч. <i>znaуši</i> ; б) новейшими аналогиями по типу прилагательных м.р. ед.ч. <i>znaу</i> ; ж.р. ед.ч. <i>znala</i> .		Образование в виде составного именного сказуемого по модели, присущей всем видам атрибутивов и субстантивов с исходным значением существования или существования в определённом качестве, со специфическим значением состояния. Тип: * <i>jest znala</i> , * <i>jest znaу</i> ; * <i>jest znaуši</i> . Развитие значения состояния в значение результативного действия (перфект). Совпадение с глагольной семантикой и функциями. Дезактуализация функций вспомогательного глагола (стяженный перфект).	
ВНЕПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ	Образование фамилий из <i>nomina agentis</i> , тип: польск. <i>Krzykała, Przybyła, Cierpiel</i> ; чешск. <i>Běhal</i> .	Развитие членных форм и местоименной системы склонения по модели прилагательных. Сохранение интранзитивной семантики исходных форм. Утверждение в функции прилагательного. Тип: рус. <i>былой, пришлый, зрелый</i> .	ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ		Развитие “народного” перфекта, тип: (<i>jest</i>) <i>znaу</i> ; (<i>jest</i>) <i>znaly</i> ; (<i>jest</i>) <i>znaуši</i> . Последняя форма является периферийным архаизмом с унификацией формы <i>znaуši</i> .
			Функциональное и орфографическое разделение позиционных вариантов		
			Морфологическое закрепление форм с элементом -v/-ъ в функции атрибута. Стимуляция архаичной системы склонения. Тип: <i>znaу / znaуši; šed</i> .	Морфологическое закрепление форм с элементом -l- в функции предикативов. Утверждение “литературного” перфекта с глаголом <i>быть</i> .	
	ЛИТЕРАТУРНО-ГОВОРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ФОРМ				
	Образование <i>nomina agentis</i> по новейшему образцу от современных эловых атрибутивов, тип: рус. <i>жилец</i> ; польск. <i>tubylec</i> .	Утрата системы склонения письменных форм. Развитие наречной функции в застывших формах. Унификация форм, тип: <i>znaуši</i> . Вытеснение письменных форм устными.		Смешение форм “народного” и “литературного” перфекта. Смешение перфекта с аористом и имперфектом. Унификация перфектной формы в значении сказуемого с разнородным значением. Закрепление кратких эловых форм с орфографией письменности и с орфоэпией говора.	
	Утверждение форм в литературном языке	Утверждение форм в литературном языке	Выпадение форм в литературном языке	Утверждение форм в литературном языке	

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

ОТЗЫВ

О кандидатской диссертации И.В. Курьян «Система причастий в начальный период формирования славянских литературных языков» Минск, Белорусский государственный университет, 1999

Сущность диссертации Инессы Курьян сжато можно изложить следующим образом. Причастия – категория в значительной мере необходимая для письменной речи, а потому целесообразно рассматривать эту категорию на раннем этапе в связи с процессами формирования славянских литературных языков. Выдвигается и доказывается гипотеза о двух источниках категории причастий в славянских литературных языках: народно-праславянском и литературно-старославянском (за границами исследования вполне правомерно оставлены параметры формирования этой категории в связи с новозаветным греческим, которые рассматривались в капитальных исследованиях палеославистов Р. Вечерки, Р. Ружички и других). Вторая смелая гипотеза, выдвинутая в работе, касается проблемы соотношения элового причастия и причастий на *-*us*-. Суть тут в том, что в старославянском, а вслед за ним в ряде славянских языков имеется пятичленная система причастий, в то время как при паре бинарных противопоставлений ожидалась бы четырехчленная: актив презенс и пассив презенс, актив претерит и пассив претерит. Но реально в старославянском имеется два уже названных активных причастия прошедшего времени вместо одного. Курьян смело предполагает генетическую общность этих двух причастий и, привлекая разноязычный (в том числе, польский и словенский) фактический материал, показывает правомерность гипотезы и допустимость предлагаемого решения.

Среди тех почти двух сотен кандидатских диссертаций, которые мне приходилось читать и оценивать в качестве научного руководителя, оппонента, заведующего оппонирующей кафедрой и рецензента всесоюзного ВАКа, было не так много работ, в которых бы предлагалась и решалась столь крупная и серьезная гипотеза в области славистики. Диссертация Курьян отличается от обычных работ описательного характера (против которых я ничего в принципе не имею) четкой постановкой проблемы, выдвижением и стремлением доказать гипотезу весьма крупного калибра в области исторической славистики.

Инессу Курьян я знаю со студенческой семьи своего спецсеминара. Уже тогда она отличалась творческим характером и стремлением искать

и находить свои пути и решения. Потом было несколько лет работы в качестве переводчика, преподавателя старославянского, польского и словенского языков и учебы в аспирантуре. Над предлагаемой ныне своей диссертацией Инесса Курьян работала последние семь или восемь лет. Я считаю, что в процессе этой работы она сильно выросла как славист.

Я полагаю, что за выдвижение и доказательство смелой гипотезы генетической общности двух славянских действительных причастий прошедшего времени, за глубокую характеристику причин раздвоения и сближения этих причастий, за широту привлеченного к анализу материала и его убедительность Инесса Владимировна Курьян заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук³⁶. Её диссертация соответствует требованиям, предъявляемым в п. 14. «Положения о степенях и званиях». Имеется достаточно публикаций. Поэтому я считаю себя вправе представить диссертацию моей аспирантки Инессы Курьян к прохождению процедуры по защите кандидатской диссертации.

Научный руководитель

Профессор доктор филологических наук А.Е. Супрун

*Минск, февраль 1999 г.*³⁷

---

³⁶ Подчеркнуто автором отзыва А.Е. Супруном.

³⁷ Диссертация была успешно защищена 13.04.1999 г.

ОТЗЫВ

О диссертации И.В. Курьян «Система причастий в начальный период формирования славянских литературных языков», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

В рецензируемой диссертации на примере одной грамматической категории рассматривается историческая судьба высокоразвитого литературного языка в его дивергентных и конвергентных связях с народными языками всей языковой группы в полном её составе. Уже это обстоятельство свидетельствует о научной компетенции автора и о его стремлении к максимально надежным результатам исследования. Сюда же следует добавить насыщенность работы различными творческими методами и общим сравнительно-типологическим подходом к решению стоящих перед диссертантом³⁸ задач.

Объектом исследования в рецензируемой работе является взаимодействие славянских языков со старославянским литературным языком, который с самого начала его существования имел характер международного языка для западных, южных и восточных славян. При этом старославянские литературные памятники отразили различные локальные типы праславянского языка, который оставался живым наречием вплоть до принятия христианства.

Как известно, компаративистика начала со сравнения таких высокоразвитых литературных языков как санскрит, древнегреческий, латинский и старославянский, и многие её методологические ошибки объясняются именно этим. Их изоляция на фоне диалектных данных приводила, например, к тому, что санскрит отождествлялся с праиндоевропейским со всеми вытекающими отсюда последствиями. Постепенно ученые перешли к рассмотрению данных сравнительно-исторической диалектологии, которые, несмотря на их относительно поздний характер, лучше сохранили прасостояние. Дальнейший прогресс сравнительного языкознания привел к уточнению дивергентных и конвергентных отношений между праязыком и высокоразвитым литературным языком, придавая конвергенции все большее значение. В последнее время этот процесс перешел на отдельные языковые категории на фоне развивающейся внешней лингвистики и тем самым значительно упрочил надежность научных изысканий. Это в первую очередь касается диглоссии, переходящей в двуязычие. В этом процессе многие элементы древних языков исчезли либо изменились до

---

³⁸ Согласно норме того времени, в отзыве везде используется общая форма *диссертант* вместо феминатива *диссертантка*.

неузнаваемости. Процесс, подобный старославянскому, претерпел санскрит, который в сочетании с праkritами преобразовался в пали, язык буддийской религии и культуры. Такого рода параллелей можно было бы привести множество.

Яркий пример в свое время привел Волк-Леванович³⁹. В связи с поздней фиксацией *цекання-дзекаання* в памятниках западнорусской письменности встал вопрос о возможном польском заимствовании. Однако, соответствующее польское фонетическое явление фиксируется в памятниках на три века позднее предполагаемого лехитского влияния. Волк-Леванович увидел здесь влияние совсем иного рода. Именно поздняя фиксация *цекання-дзекаання* (XVI в.) совпала с расширением польского культурного влияния. Речь идет, таким образом, не о языковом влиянии, а влиянии польской письменности, разрушавшей прежде устойчивые нормы южнославянской традиции.

Мы привели все сказанное, чтобы показать методологическую актуальность и прежде всего высокий уровень надежности исследования Инессы Владимировны Курьян. Принципиально новым в этом отношении явилась попытка диссертанта рассмотреть очень важный, но частный и недостаточно изученный материал (систему причастий), отлично укладывающийся в общую концепцию синтактики и прагматики языкового развития. Анализ взаимодействия литературного языка и диалектов подкрепляется специальным вниманием к факторам периферии языковых зон, которые рассматриваются в соответствии с известной традицией как хронологически старшие, более архаичные в эволюции языкового развития.

Следует заметить, что эта традиция в последнее время подвергается неоправданному сомнению, что протекает в русле усиления скептицизма по отношению к любой закономерности сравнительно-исторического языкознания.

Определяя новизну работы, диссертант подчеркивает тот факт, что «впервые в рамках одной работы представлен и проанализирован в фонетическом, морфологическом, функциональном и культурологическом аспектах материал по системе причастий всех славянских языков в историческом развитии и современном состоянии». Особенную важность здесь представляет то, что имеется ввиду под «культурологическим аспектом», т.е. та сумма методологических подходов, о которых речь шла выше.

---

³⁹ Волк-Леонавич Иосиф Васильевич (бел. Воўк-Леановіч) (1891–1938) – белорусский и советский языковед, основоположник белорусской лингвистики, потомок гербовой шляхты ВКЛ. Приговорен к расстрелу и убит сталинистами в г. Оренбурге (Россия) в 1938 г. Реабилитирован в 1958 г. В 1994 г. в Минске были переизданы его «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы», на что, видимо, ссылается проф. Мартынов (в *Отзыве* сохранена его орфография в написании фамилии Волка-Леонавича) [прим. – И.К.].

Переходя к оценке положений, выносимых на защиту, в первом из них автор диссертации подчеркивает, что пересечение старославянской и праславянской систем «происходило как в период интерпретации славянского диалектного материала первыми переводчиками, так и в период интерпретации старославянской письменной традиции носителями различных славянских языков».

Следует подчеркнуть, что богатейшие материалы приложения в диссертации показывают, что влияния переводчиков и носителей различных славянских языков неоднократно совпадали. И.В. Курьян приводит примеры инославянских влияний или прямого перевода с одного славянского языка на другой. Среди них наиболее яркими являются примеры перевода с чешского древнейших польских памятников (*Kazania Świętokrzyskie, Psalterz Floriański* и *Biblia Królowej Zofii*). Здесь же мы сталкиваемся с примерами, об одном из которых автор диссертации пишет: «...Геннадиевская Библия могла соединить в себе примеры латинского языкового строя с немецким грамматическим укладом, следовать церковнославянскому образцу древнерусской редакции и, вдобавок, корректироваться хорватской».

В диссертации по вполне естественным причинам не могли быть использованы данные неславянских языков в аналогичных случаях, тем более греческий и иврит, хотя, учитывая чрезвычайную обстоятельность диссертации, известные данные, полученные другими авторами, могли быть отражены в ней. Мы имеем в виду фундаментальные исследования Е.М. Верещагина, начиная с его монографии «История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников» (1997). Особый интерес с этой точки зрения представляет доклад автора на XII Международном съезде славистов в Кракове (1998 г.) «Гebraизмы, опосредованные греческим языком, в переводах первоучителей славян Кирилла и Мефодия». Здесь можно говорить о тройной опосредованности языковых передач и многих интересных исследовательских приемов. Хотелось бы увидеть названия работ Верещагина в списке использованных источников⁴⁰. Тем более, что системе переводческой деятельности Кирилла и Мефодия посвящен отдельный параграф в составе четвертой главы, в которой мы в частности читаем: «Неслучайная систематическая переводческая деятельность Кирилла и Мефодия имела достаточно оснований на утверждение книжных норм греческого образца, но вместе с этим она имела право на предвосхищение нормы из возможностей разговорного славянского языка». В другом месте, говоря о «библейском стиле»,

---

⁴⁰ К сожалению, диссертантка должна признаться, что ей не были идейно близки исследования российского проф. Е.М. Верещагина (1939–2024) в связи с их сильным уклоном в славяно-русскую и церковно-православную тематику.

диссертант приводит пример «приближенного перевода древнееврейских причастных оборотов на греческий язык, в котором, как известно, имелась собственная развитая система причастий и их синтаксического употребления, однако, при переводе она не была использована или использовалась ошибочно»⁴¹.

Мы не можем требовать от автора диссертации учета всех этих фактов, но свод таких явлений был бы полезен.

Переходя к трактовке причастий на *-š-* и *-l-*, отмечаем многократное подтверждение их вторичной синонимичности, что доказывается достаточно убедительно взаимной трансформацией. Происходившие изменения с очевидностью связаны с процессом реформации в жизни европейских народов, что еще раз подтверждает важность этого внешнелингвистического фактора.

На основании **Табл. П.1.1.** можно отметить в качестве живых эловую форму и форму пассивного причастия прошедшего времени на *-t-* и *-n-*. Слова с *-l-* суффиксацией при этом определяют «способность к действию». Сюда же относятся эловые отглагольные прилагательные. По-видимому, в соответствии с этими закономерностями распределяются, например, серб.-хорв. *xрт* ‘борзая собака’ и ст.-сербск. *xрьль* ‘быстрый’, серб.-хорв. *xрò* ‘тж’, что указывает на дополнительные преимущества этой спорной этимологии.

Диссертант не видит убедительных аргументов в пользу развития формы **-ŷs-* в старославянские *-vь-*, *-vьš-*, считая непонятным появление *-v-* в данных суффиксах. Здесь нет необходимости для привлечения понятия «хиата» – протетическое *и* достаточно распространено в славянских языках и является надежным аргументом в пользу *-ŷs-* > *-vьš-*, ср. бел. *ятроўка* > *вятроўка* (прасл. **jetru* ‘ятровь’), прасл. **veprь* ~ лат. *aper* ‘вепрь’, рус. *ирей* ~ бел. и укр. *вырай* и т.д.

Оценивая в целом рецензируемую диссертацию, следует еще раз подчеркнуть её несомненные достоинства. Автором поднят “Монблан фактов” и четко проработана система доказательств. Работа во всех отношениях образцовая и вне сомнения заслуживает присвоения её автору ученой степени кандидата филологических наук.

Опубликованные работы передают содержание диссертации.

6 / IV – 99 г. В.В. Мартынов, доктор фил+ологических наук, профессор

⁴¹ Цитата из диссертации относится к польским исследованиям Э. Сятковской [прим. – И.К.].

Z jednej strony monografia dr Inesy Kuryan jest idealnym wzorem powrotu do ważnej historycznej metodologii badawczej w slawistyce, która jest niezbędna do badań nad historią wszystkich literackich języków słowiańskich.

Jednocześnie rozprawa jest przykładem progresywnej slawistyki u progu XXI wieku, zakładającej historię słowianoznawstwa europejskiego, w pewnym sensie od nowa zaczynającej gromadzenie wiedzy w tej dziedzinie.

Monografia prezentuje także śmiałą hipotezę o rozwoju gramatyki starożytnych języków słowiańskich. Wyniki pokazują, jak te badania są ważne i aktualne dla formowania nowego poglądu na historię i kulturę środkowoeuropejskich i południowych krajów słowiańskich nieuzależnionych od patronatu rosyjskiego.
(dr Wiesław Przybyła – Przedmowa Wydawcy)

WYDAWNICTWO
AKADEMII HUMANISTYCZNO-EKONOMICZNEJ
W ŁODZI

ISBN 978-83-7405-775-2 (e-book)